

МОСКВА ФУТБОЛЬНАЯ

*Полная история в лицах,
событиях, цифрах и фактах*

Александр Викторович Савин

Москва футбольная.

Полная история в лицах, событиях, цифрах и фактах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22837954

*Александр Савин. Москва футбольная. Полная история в лицах,
событиях, цифрах и фактах: Спорт; Москва; 2016
ISBN 978-5-906839-16-9*

Аннотация

Издание знакомит читателя с увлекательной историей зарождения и становления столичного футбола, его великими победами и горькими поражениями, славными традициями, сложившимися на протяжении более чем векового периода. Впервые документально обобщена и представлена обширная и интересная информация обо всех московских командах, тренерах и игроках, когда-либо выступавших в клубном первенстве Москвы (до 1936 г.), в высшем и первом эшелонах отечественного футбола, на крупнейших международных турнирах, рассказано о вкладе москвичей в успехи нашей национальной сборной команды. Приведены результаты игр московских клубов во всех чемпионатах СССР и России с 1936 г. по сезон 2014/2015 включительно, розыгрышах Кубков СССР и России, европейских клубных турнирах.

Книга содержит большое количество разнообразного документального, справочного и статистического материала, фрагментов воспоминаний легендарных футболистов и тренеров, спортивных журналистов и специалистов футбола. Значительное место отведено первым организаторам игрового спорта Москвы и меценатам, внесшим огромный вклад в становление городского футбола, особенно в дореволюционный период его развития. В советское время имена большинства этих людей были вычеркнуты из истории.

Издание предназначено для самого широкого круга читателей.

Содержание

От автора	6
Часть первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	377

Александр Савин

Москва футбольная.

**Полная история в лицах,
событиях, цифрах и фактах**

Справочник

Автор искренне признателен Игорю Степановичу Добронравову, Александру Викторовичу Елагину, Анатолию Дмитриевичу Еремину, Дмитрию Анатольевичу Еремину и Михаилу Иосифовичу Щеглову за неоценимую консультативную помощь при подготовке настоящего издания.

Отдельная благодарность Вячеславу Михайловичу Мишарину за плодотворное содействие в подборе и идентификации иллюстративного материала.

© А. В. Савин, текст, 2016

© Издательство «Спорт», издание, 2016

От автора

Чтобы помнили

21 декабря 1909 года по старому стилю (3 января 1910 года по новому) московский градоначальник, генерал-майор свиты Его Императорского Величества Александр Александрович Адрианов (Андреанов) официально утвердил Устав Московской футбольной лиги (МФЛ). В июне 1910 года прошло учредительное собрание МФЛ, а уже в августе стартовал первый официальный чемпионат города. Тогда он назывался розыгрышем Кубка Фульда. В этом же году москвичи провели свои первые международные матчи. Именно с этого момента идет официальный отчет шагов всенародно любимой игры по столичным футбольным полям и стадионам.

Но Москва познакомилась с футболом еще до того, как на ее полях стали проводиться первые официальные турниры. В далеком 1895 году о занятиях в Москве футболом английских колонистов впервые упомянула пресса тех лет, через десять лет, в 1905 году, был официально зарегистрирован первый московский клуб – Сокольнический клуб спорта (СКС), а в 1907 году состоялась первая официальная встреча сборных команд Москвы и Санкт-Петербурга, стали проводиться матчи школьных команд.

Цель представляемого на читательский суд издания – со-

братъ воедино и обобщить все наиболее значимые факты из истории развития столичного футбола от момента его зарождения до наших дней, и в популярной форме донести их до массового читателя, в независимости от его клубных пристрастий. Для ветеранов московского футбола, болельщиков со стажем – это возможность встречи со своей молодостью, товарищами по клубным коллективам и сборной страны, возможность еще раз пережить увлекательные моменты спортивного противостояния, а для молодежи – возможность узнать, или ближе познакомиться с прославленными мастерами московского кожаного мяча, не раз побеждавших самые грозные и легендарные клубные команды мира, сильнейшие национальные сборные – профессионалов из Германии, Англии, Франции, Италии, Аргентины и многих других стран.

Да, были в нашей славной футбольной истории и такие времена! Без прошлого, как всем хорошо известно, нет будущего. Его не построить без уважения к предкам и осмысления их опыта. Поэтому, имена и дела великих футбольных первопроходцев столичного кожаного мяча, по привязанности к игре, самоотдаче, ответственности, квалификации, творческому подходу к своему делу во многом превосходящих большинство своих современных коллег, их уникальное футбольное наследие, должны навсегда остаться в нашей памяти и наших сердцах.

Отметим, что первая, по настоящему серьезная работа

по истории столичного футбола принадлежит перу патриарха отечественной футбольной статистики Константина Сергеевича Есенина, и увидела свет в начале семидесятых годов. Речь идет о книге «Московский футбол» (издательство «Московский рабочий», 1974). Однако, это издание, в работе над которым также принимали участие Н. Травкин, В. Осипов, И. Добронравов и К. Барышников, не преследовало цели подробного освещения московского футбола во всем его многообразии на протяжении длительного исторического периода с подробными цифровыми выкладками. Оно было призвано лишь снять пелену полной неизвестности с прошлого нашего футбола, донести необходимо-минимальные сведения о нем до широкой читательской аудитории.

И своего авторы добились. Они воскресили в сердцах любителей всенародной игры память о пионерах московского футбола, заложили основы отечественной футбольной статистики, пробудили интерес к истории российского и, в частности, московского футбола, заочно воспитали новую плеяду российских исследователей спортивного прошлого, задача которых достойно продолжить это трудное, но почетное дело, донести изученное до самых широких читательских слоев.

Большую роль в освещении истории футбола, в том числе и московского, сыграло в свое время издательство «Физкультура и спорт», выпустившее в начале семидесятых годов несколько справочных изданий из серии «Библиотеч-

ка футбольного болельщика», куда, в частности, вошли и книги о московских командах «Спартак», ЦСКА, «Динамо» и «Торпедо». Указанные издания стали библиографической редкостью уже в год их выхода в свет. К сожалению, выпуск этой серии завершен не был, а предпринятая в начале XXI века издательством «Терра-Спорт» попытка реанимировать серию не была завершена в планируемом объеме.

Внесли свою существенную лепту в дело пропаганды столичного футбола и справочные издания пресс-центра стадиона «Динамо», выпустившего на рубеже 60-х и 70-х годов очень интересные клубные ежегодники команды «Динамо» за 1967–1970 годы. Особого внимания заслуживают монументальные издания, посвященные истории московских команд «Динамо», «Спартак» и «Локомотив», выпущенные в свет уже в начале XXI века. Это книги «На бессрочной службе футболу. Факты и цифры из биографии клуба «Динамо» Москва» И. С. Добронравова, официальное издание «Весь Спартак» (авторы Э. Нисенбойм, В. Расинский и др., издатель С. Сенин), «Локомотив» Москва. Официальная история. 1923–2005» (автор П. Н. Алешин, издательство «Городец»).

Великолепный подарок всем любителям футбола преподнес в 1997 году Российский футбольный союз, выпустивший под общей редакцией В. И. Колоскова энциклопедический справочник «Российский футбол за 100 лет». В подготовке этого уникального издания принимали участие Х. А. Аги-

шев, В. И. Адамьшев, А. А. Бабешко, А. В. Бедов, В. Е. Внуков, А. М. Козулькин, Ю. А. Кошель, С. В. Мартынов, А. В. Масалов, В. И. Осипов, С. Ю. Поляков, В. А. Сафаров, А. Г. Сергеев, В. М. Фалин, Р. Ш. Шенгелия. Редакторы-составители: И. С. Добронравов, В. В. Соловьев, Н. И. Травкин, М. И. Щеглов.

Заметным событием стал и выпуск на рубеже XX–XXI вв. книг «100 лет российскому футболу» под общей редакцией В. И. Колоскова (авторский коллектив: П. Алешин, А. Горбунов, О. Кучеренко, В. Фалин, Л. Филатов, редактор А. Вартамян) и «Московский футбол, XX век» (авторский коллектив: Х. Агишев, П. Алешин, В. Ергаков, Г. Морозов, М. Рафалов, В. Соловьев, Н. Травкин, С. Чуев, М. Щеглов), изданной по инициативе Московской городской коллегии судей и посвященной двум юбилейным датам: 90-летию создания МФЛ и 85-летию МГКС.

Хочется отметить также Овидия Павловича Баженова и Андрея Георгиевича Глориозова, благодаря бескорыстной помощи которых, вот уже несколько лет выходят в свет замечательные книги о ветеранах динамовского футбола. А в настоящее время с их помощью реализуется уникальный проект под общим названием «Чемпионаты СССР по футболу в цифрах и фактах», к работе над которым привлечены ведущие статистики стран бывшего СССР – О. П. Баженов, А. Т. Вартамян, А. В. Гриценко, И. С. Добронравов, С. С. Деметьев, А. Б. Ежов, А. С. Исаев, Е. М. Манашев, Е.

Пильщиков, Е. В. Пугло, В. И. Соснин, Ю. Г. Суконищikov, В. М. Фалин, Г. С. Ханамирян, Ю. А. Яцына и др. Общее руководство проектом осуществляет А. Ю. Яковлев.

Большой вклад в дело пропаганды отечественного футбол вносит и Издательский дом «Книжный клуб» (генеральный директор А. В. Беликов), выпускающий уникальные книги о выдающихся мастерах нашего футбола. Это серии: «Память», «Легенда» и «Династия».

Из массовых изданий прошлых лет отметим также книги братьев Старостиных («Звезды большого футбола», «Записки капитана», «Повесть о футболе», «Футбол сквозь годы» и др.), В. Верхолашина («Динамоцы»), М. Ромма («Я болею за «Спартак»), М. Сушкова («Футбольный театр»), Н. Соколова («Первый вратарь сборной»), Ю. Коршака («Старый, старый футбол»), М. Мержанова («Играет «Спартак», «Еще раз про футбол»), Б. Аркадьева «Тактика футбольной игры», книги-воспоминания А. Акимова, Г. Федотова, К. Бескова, М. Якушина, И. Нетто, Л. Яшина, В. Иванова, В. Николаева, В. Шустикова, Н. Симоняна, В. Бубукина, А. Парамонова, А. Кавказавили, А. Бубнова и др. Неоценимые свидетельства очевидцев прошлого нашего футбола, также как и публикации на спортивную тематику многочисленных периодических изданий за столетний период времени, разнообразные справочные данные и архивные документы, были использованы автором в работе над настоящим изданием. Из последних новинок отметим кни-

ги о «Торпедо», ЦСКА, «Спартаке», «Динамо» и «Локомотиве» вышедшие в издательстве ЭКСМО в рамках серии «Настольная книга болельщика».

Считаю своим долгом назвать и имена флагманов отечественной спортивной журналистики, а также их современных коллег, донесших до сегодняшнего дня имена, фамилии, даты и события далеких лет. Среди них: М. Ромм, Ю. Ваньят, Л. Филатов, Б. Федосов, В. Фролов, В. Пахомов, М. Мержанов, А. Вит, Г. Радчук, Л. Горянов, А. Леонтьев, Л. Лебедев, В. Асаулов, Ю. Сегеневич, В. Винокуров, О. Кучеренко, А. Нилин, А. Меньшиков, Б. Туров, Ю. Лукашин, А. Сошкин, А. Горбунов, П. Алешин, И. Горанский, Л. Прибыловский, В. Владимиров, А. Матвеев, А. Ратнер, В. Калинин, А. Владыкин, Л. Трахтенберг, В. Ергаков, И. Тимошкин, П. Васильев, Е. Дзичковский, Б. Духон, С. Шмитько, И. Рабинер, А. Скворцов, А. Просветов, К. Столбовский и многие, многие другие.

Смею также утверждать, что настоящее издание было бы далеко неполным без самоотверженного исследовательского труда наших футбольных историков и статистиков прошлого и настоящего: А. Переля, Э. Пендер-Бугровского, А. Комарова, А. Вартаняна, Н. Травкина, И. Добронравова, А. Горелова, Ю. Кошеля, В. Адамьшева, В. Колоса, Ю. Ландера, В. Баташева, В. Фалина, Ю. Лукосяка, А. Бедова, В. Внукова, А. Бояренко, Х. Агишева, Г. Ибрагимова, Г. Морозова, С. Чуева, А. Просвирнова, Е. Мозалевского, А. Елагина,

М. Щеглова, А. Костенецкого, Н. Владимирцева, А. Томина, Д. Крылова, Г. Калянова и других.

Отдельно хочется отметить наших футбольных фото-корреспондентов, благодаря кропотливой работе которых оказались сохраненными для истории лица и события, связанные с историей московского кожаного мяча. Среди множества имен корифеев спортивной фотографии разных лет вспомним таких мастеров, как С. И. Манухин, С. А. Шестернин, Л. Огинский, М. Замуэльсон, А. Грибовский, И. Фигуров, С. Красинский, Г. Малиновский, Б. Николаев, А. Козловский, М. Мезенцев, Н. Волков, О. Неелов, И. Шагин, М. Боташев, В. Шандрин, А. Бурдуков, В. Евстигнеев, А. Бочинин, Ю. Моргулис, Б. Светланов, Ю. Сомов, Л. Бородулин, А. Хомич, В. Гребнев, А. Сергеев, В. Родионов, В. Федоренко, С. Гунеев, А. Макаров, Е. Семенов, Е. Волков, Ю. Соколов, И. Уткин, В. Ун-Да-Син, С. Колганов, А. Федоров, А. Голованов, С. Киврин, А. Вильф, С. Панкратьев, В. Белоусов, С. Пономарев, А. Денисов, А. Филиппов, Г. Сысоев, Ю. Дородонов, И. Питалев и др. Небольшая часть работ этих, а также других фотомастеров (как профессионалов, так и любителей) использованы в оформлении настоящего издания. К сожалению, ограниченные технические возможности, не позволили нам значительно расширить иллюстративную составляющую книги.

В заключении хочется отметить, что предлагаемое читателям произведение ни коим образом не претендует на

роль всеобъемлющего, полностью законченного материала, а служит лишь базисной основой для его дальнейшего насыщения дополнительными данными, что позволит в будущем составить полную летопись московского футбола, ликвидировать многочисленные «белые пятна» в его богатейшей истории, исправить имеющиеся ошибки и неточности настоящего издания.

Уважаемые читатели!

*Все ваши замечания, уточнения и предложения автор просит направлять по адресу:
savav54@yandex.ru*

А. В. Савин

Часть первая

Они были первыми, или От Кубка Фульда к чемпионатам СССР

Футбол в Россию, как и в большинство стран Европы и Южной Америки, был импортирован его родоначальниками – англичанами. Задыхающаяся от собственной машиностроительной мощи, далеко ушедшая вперед капиталистическая Великобритания во второй половине XIX века снимает запрет на экспорт станочного и машинного оборудования. По всем направлениям расплывается прогресс, в прямом и

переносном смысле. Следом едут великолепные британские специалисты. Проснувшаяся Российская Империя пускается в погоню за далеко ушедшим вперед индустриальным миром.

В крупнейших наших городах возникают и начинают успешно работать многие коммерческие компании, филиалы крупных зарубежных банков, концессионные предприятия, владельцами которых были не только англичане, но и немцы, французы и т. д. Из этих же стран постоянно привлекалось множество инженеров, техников, квалифицированных рабочих, банкиров, коммерсантов и менеджеров. Особенно бурно шел этот процесс в крупнейшем торговом и промышленном центре Империи – Санкт-Петербурге, чему способствовало его выгодное географическое положение. Именно здесь в 1860 году англичане основали первый спортивный кружок под названием «Нева», а в 1879 году – «Санкт-Петербургский футбол-клуб». Позже появились шотландские и немецкие кружки. Есть сведения, что первые футбольные матчи в городе на Неве проводили между собой английские служащие Сампсониевских мануфактур еще в 1879 году. Правда, назвать это настоящими футбольными матчами можно лишь с большой долей условности. Скорее всего, британцы просто упражнялись с кожаным мячом, гоняли его небольшими группами (что-то на подобие нашего пресловутого «дыр-дыра»).

В 1891 году был организован кружок велосипедистов в

Царском Селе, а начиная с 1892 года в перерыве между велосипедными соревнованиями проводились показательные игры в футбол между членами кружка. В 1893 году состоялось первое публичное (сегодня бы сказали – «показательное») выступление футболистов на Семеновском циклодроме. В перерыве между заездами зрители увидели удивительную игру, о которой газета «Петербургский листок» написала потом: «В антракте публику развлекали господа спортсмены, играющие в мяч (football) по программе. Суть игры состоит в том, что партия играющих старается загнать шар – подбрасывая ногой, головой, чем угодно, только не руками – в ворота противной партии. Площадь для игры была сплошь покрыта грязью. Господа спортсмены в белых костюмах бегали по грязи, шлепаясь со всего размаха в грязь, и вскоре превратились в трубочистов. В публике стоял несмолкаемый смех. Игра закончилась победой одной партии над другой». Мы не знаем, кто были эти «господа спортсмены» – британцы, работающие в России или, быть может, в игре участвовали русские любители погонять мяч.

В 1888 году, недалеко от Павловска, студентом Петром Павловичем Москвиным (он вошел в историю спорта как инициатор развития в России легкой атлетики, лыжных гонок, хоккея и других видов физкультуры) был организован Санкт-Петербургский кружок любителей спорта (более известный под сокращенным названием «Спорт»). Это был первый русский спортивный кружок. Футбол в нем стали

культивировать только весной 1897 года, и тогда же была создана команда, в которой преимущественно играли русские футболисты, но были и иностранцы.

Первый настоящий, освещаемый прессой, полуторачасовой футбольный матч в истории России состоялся в Петербурге 12 (24) октября 1897 года на плацу первого Кадетского корпуса, который располагался на Кадетской (позже Съездовской) линии Васильевского острова. Встречались команды Василеостровского кружка любителей футбола (она была организована при Василеостровском клубе велосипедистов, и существовала к тому времени уже шесть лет) и Кружка любителей спорта (КЛС). Представители «Спорта», которым еще не исполнилось и года, проиграли василеостровским англичанам со счетом 0:6.

Отчет об этом матче был опубликован в «Петербургском листке» № 282 от 14 (26) октября 1897 года: «Футбол – английское изобретение. Это не то игра в лапту, не то состязание на ловкость. Суть игры в том, что одна партия играющих должна загнать громадный мяч, не касаясь его руками, в город противников. Спорт этого рода появился в Петербурге еще очень недавно, но успел получить громадное распространение. У нас есть уже три кружка любителей играть в «футбол»: Петербургский, Василеостровский и Озерковский. С нынешнего года «футбол» введен в программу Кружка любителей спорта. До сих пор последний кружок занимал первое место почти во всех видах, но только не в

«футбол». Несмотря на это, когда Василеостровское Общество футболистов вызвало его на матч, он принял предложение, и состязание состоялось в воскресенье, 12 октября на громадном плацу Кадетского корпуса на Васильевском острове».

О характере матча можно судить по следующим строкам: «Пинки, удары ногою по физиономии, удары, от которых игроки летели кувырком, все казалось обычным явлением. К счастью, особенно серьезно не было разбито ни одной физиономии». Несмотря на неприятный для русской команды итог встречи, тогдашний оптимист-корреспондент писал в конце своего отчета: «...еще немножко тренировки, и русаки подтянутся и, наверное, будут бить англичан». Именно этот осенний день 1897 года и считается официальной датой рождения футбола в России, хотя Санкт-Петербургская футбольная лига (первая в Российской империи) создана лишь в 1901 году английскими клубами «Невский», «Невка» и «Виктория».

Создание футбольной лиги во многом стало возможным благодаря организаторским способностям одного из основателей клуба «Невский», английского инженера Джона (Ивана Михайловича) Ричардсона, который Лигу и возглавил. Футбольные клубы «Невка» и «Невский» образованы в начале 1890-х годов. Первый объединял в основном шотландцев, работавших на Сампсониевской мануфактуре. Клуб «Невский» был организован англичанами с Невской ниточной ма-

нуфактуры. «Виктория» была наиболее интернациональной командой – в ней рядом с англичанами и немцами играли и русские. Имелись в столице и другие футбольные команды, но в большинстве своём организовывались они от случая к случаю, своих полей не имели и реальной спортивной силы, как правило, не представляли.

Приглашение в Лигу получил и русский «Кружок любителей спорта» («Спорт»), имевший на тот момент самую, пожалуй, организованную и постоянно действующую русскую футбольную команду и даже своё футбольное поле на арендованной площадке во владениях князя Сергея Белосельского-Белозёрского на Крестовском острове. Но от этого приглашения «Спорт» тогда отказался. Дело в том, что весной 1901 года, «Спорт» провёл две товарищеские встречи с «Викторией» и обе унизительно проиграл – 1:6 и 1:7. Наверняка, эти поражения повлияли на принятое тогда руководством клуба решение. Время русского «Спорта» ещё не пришло...

При участии трех клубов 2 сентября – 14 октября 1901 года и был разыгран первый чемпионат Петербурга по футболу. Для победителей чемпионатов был учрежден специальный переходящий приз, приобретенный подданным британской короны, футбольным меценатом и крупным предпринимателем Томасом Аспденом (на русский лад он называл себя Фомой Матвеевичем). Этот приз (серебряный «Кубок Аспдена») разыгрывался первыми командами городских

клубов все дореволюционные годы. А первым обладателем почетного приза стала «Невка» (она состояла в основном из шотландцев), набравшая пять очков из шести. Второе место досталось «Виктории», третье – «Невскому» клубу, в составе которых выступали англичане. Таким образом, первый чемпионат Петербурга был целиком британским.

На следующий год в Лигу все-таки вступил «Спорт», ещё через год за Кубок Аспдена боролось уже пять команд, а в следующем сезоне членами Лиги являлись уже девять клубов и более 150 футболистов... В конце прошлого века и в первые годы XX века в Петербурге футбольные клубы стали возникать один за другим. Многие из них быстро исчезали, но некоторые прочно вошли в историю отечественного футбола. Несмотря на все трудности, футбол рос, развивался, завоевывал популярность.

* * *

В семидесятые годы XIX века в Одессу переехала Керченская Индо-Европейская контора телеграфа, благодаря чему местная колония англичан значительно увеличилась. Эти «колонисты» и привезли из Англии футбол. Так, помимо периодического завоза традиционной напасти – холеры и чумы, южная столица империи послужила «окошком» и для другой «болезни», которой до сих пор страдает большинство нашего населения. Играли англичане на поле образованного

В 1878 году при британском консульстве Одесского британского атлетического клуба (ОБАК), которое располагалось в районе Малофонтанской дороги, недалеко от берега моря. На территории царской России ОБАК стал первым спортивным клубом, культивирующим футбол. В 1884 году ОБАК построил собственный стадион, который находился напротив киностудии. Клуб долгое время был закрытым и состоял сплошь из одних английских, или бывших английских подданных. ОБАК проводил ежегодные встречи с футболистами румынского города Галац, а также играл с командами приехавших в Одессу британских судов. В 1899 году в нем появились первые местные игроки – Пиотровский и Крыжановский. Чуть позже к ним присоединился и Сергей Уточкин. Будущий знаменитый авиатор, конькобежец и велогонщик мирового класса долгие годы был кумиром одесских болельщиков. Все игроки ОБАКа были одеты в настоящие футбольные бутсы. Эти непреременные футбольные аксессуары производились тогда только на Британских островах из колумбийского каучука и кожи. Хорошие бутсы везли из Туманного Альбиона на заказ. А пара стоила сумасшедшие по тем временам деньги – 40 рублей! В других командах кожаный мяч даже на официальных турнирах гоняли кто в чем – в ботинках, тапочках и сапогах.

Новая увлекательная игра вскоре нашла почитателей и среди одесситов. Прошло немного времени, и в разных уголках Одессы – на Михайловской площади, на улицах и пло-

щадях Молдаванки, Слободки, Сахалинчика, Голопузовки и Пересыпи – мальчишки стали гонять мяч. Толчком к массовому развитию футбола в Одессе послужило создание в 1907 году преподавателем английского языка Питерсом в мужской гимназии А. Юнгмайстера своей команды (эта гимназия, кстати, размещалась во дворце бывшего генерал-губернатора Новороссийского края М. С. Воронцова. После революции это помещение занимали шахматный клуб и Дворец пионеров. Именно здесь в 1932 году, на сеансе одновременной игры, которую провел тогдашний чемпион мира по шахматам кубинец Хосе Рауль Капабланка, местный 12-летний самородок Муля, он же Самуил Нутович Котлерман, выиграл у чемпиона партию. Кстати, Котлерман за свою долгую жизнь воспитал целую плеяду выдающихся шахматистов, среди которых международный гроссмейстер, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР Ефим Петрович Геллер, заслуженный тренер ФИДЕ Владимир Борисович Тукмаков и другие известные мастера). Одновременно несколько любителей футбола образовали Одесский кружок футбола (ОКФ), а подполковник 11 – го саперного батальона В. Шереметьев из воспитанников 3-й гимназии организовал «Шереметьевский кружок спорта». Была в Одессе и чисто греческая команда – ОГКС. Знаковое событие произошло глубокой осенью 1908 года, когда юные футболисты гимназии Юнгмайстера со счетом 1:0 победили чопорных и высокомерных британцев из ОБАКа. А осенью

1911 года образовалась Одесская футбольная лига.

* * *

В Москву футбол пришел в конце XIX века. В 1847 году по ходатайству Московского отделения Мануфактурного совета, в Серпуховской части Москвы был открыт машиностроительный завод шотландских предпринимателей Ригли и Гоппера (в оригинале: Хоппер /Hopper/, а Гоппер – устоявшаяся русская транскрипция). В отчете Департамента мануфактур за 1847 год отмечалось, что новое предприятие «будет готовить большую часть машин, выписываемых доселе из чужих краев, и вместе с тем починять уже находящиеся на фабриках английские и другие иностранные машины». В 1868 году Гоппер стал единовластным хозяином завода. Позже это предприятие получило название «Товарищество В. Я. Гоппер и К^о», а потом – Торговый дом «Гоппер», куда входили чугунолитейный и машиностроительный заводы.

После смерти основателя фирмы, инженера Василия (Вильяма) Яковлевича Гоппера, завод и находящиеся в его собственности постройки на Даниловской улице и по Малому Мартыновскому переулку (в 1922 году из бывших Даниловской и Коломенско-Ямской улиц образована Дубининская улица) перешли к его жене – подданной Великобритании, временной московской купчихе 1-й гильдии Елизавете Ива-

новне Гоппер (урожденная Элизабет Бесант Расселл имела еще и собственный дом на Большой Ордынке, 38, сохранившийся до наших дней; в конце XIX века она вернулась в Англию, где и скончалась в 1909 году), и ее сыновьям (Аллану, Василию, Якову и Сиднею), которые и управляли всем большим хозяйством (только на московском заводе работало около 500 человек, а в 1886 году Гопперы приобрели и одно из старейших промышленных предприятий Орехово-Зуево – чугуноплавильный завод, который был ориентирован, прежде всего, на выпуск деталей для оборудования текстильных фабрик. После революции завод назывался «Красный ореховец»).

В 1916 году завод на Даниловской улице переходит в собственность потомственного дворянина, присяжного поверенного Льва Александровича Михельсона и получает название «Московский снарядный и машиностроительный завод Л. А. Михельсона». Кстати, Лев Александрович Михельсон личность довольно интересная. Среди его далеких предков значится генерал от кавалерии, выходец из дворян Лифляндской губернии (его дед был шведом) Иван Иванович Михельсон, руководивший подавлением пугачевского бунта. За эти заслуги Михельсон получил орден Св. Георгия 3-го класса, имение в Витебской губернии и золотую шпагу, украшенную бриллиантами. Позже стал кавалером высших российских орденов: Александра Невского, Андрея Первозванного, Анны и Станислава. Победа над Пугачевым стала

причиной того, что советская историческая наука исключила имя Михельсона из списков выдающихся полководцев.

Л. А. Михельсон был одним из издателей газеты «Голос Москвы», представителем отдела металлообрабатывающей промышленности в политотделе при Всероссийском союзе торговли и промышленности, владел машиностроительным, снарядным и чугунолитейным заводами в Москве. Мало того, в 1895 году, после получения свидетельства на право разведывания золота и руды, Михельсон свои деловые устремления направил в Сибирь. Именно им в конце XIX века при постройке Великого сибирского пути (Транссибирской магистрали) началось строительство первых кузбасских шахт, положивших начало старейшему угольному району Кемеровской области – Анжеро-Судженскому. Многие по праву считают Л. А. Михельсона – первого владельца Судженских каменноугольных копий, родоначальником угольной отрасли Кузбасса.

После национализации московский завод Михельсона назывался «Русская машина», а с 9 сентября 1922 года предприятие получило имя Владимира Ильича Ленина, так как именно здесь 30 августа 1918 года в него стреляла анархистка, а затем правая эсерка, полуслепая женщина-миф Фанни Ефимовна Каплан, она же – Фейга Хаимовна Ройтблат. А история с переименованием завода такова. В 1922 году рабочие предприятия обратились лично к Ильичу и в Центральную комиссию Московского Совета рабочих, крестьянских

депутатов по переименованию фабрик и заводов с просьбой присвоить заводу имя Ленина.

При этом они просили учесть, что «рабочие завода еще задолго до Февральской революции принимали самое активное участие в политической работе и в Октябрьские дни в числе первых явились с оружием в руках на защиту власти Советов и содействовали ее укреплению; что на территории завода, по преступному замыслу вожаков партии эсеров, пролита кровь первого вождя российского пролетариата тов. Ленина, и это событие, как синоним одной из жертв, принесенных партией РКП на пути своих достижений, навсегда связал завод бывшего Михельсона с именем любимого вождя».

Ильич с просьбой рабочих, не сумевших защитить его от вражеской пули, согласился не сразу. Но, зла долго не держал и, подумав, свое согласие все же дал. Удовлетворил просьбу михельсоновцев и Московский Совет, а с 9 сентября 1922 года завод стал носить имя вождя. Именно на этом предприятии накануне Отечественной войны были изготовлены первые ракетные снаряды для установок «Катюша». В настоящее время завод называется ОАО «ЭВИ», а его заводоуправление находится – совершенно логично – в Партийном (бывший Третий Щипковский) переулке. Здесь же организатору самого грандиозного государственного переворота в мировой истории установлен памятник работы скульптора В. Б. Топуридзе. Хотя, на этом месте вполне заслуженно мог быть

воздвигнут и другой обелиск – в память о первых футболистах Москвы.

В 1913 году на собрании, посвященном открытию Спортивного кружка «Замоскворечье», с приветственной речью выступил один из пионеров московского футбола Федор Львович Казалет. К теме его выступления мы вернемся чуть позже, а сейчас познакомим читателя с этой удивительной фамилией. Братья Федор (Frederick Archibald) Львович и Василий (William Lewis) Львович Казалеты (Cazalet) родились в России: первый – в 1871 году в Москве, второй – в 1862 году в Санкт-Петербурге, в давно обрусевшей семье Льва (Louis Henry) Александровича Казалета.

Эта шотландская фамилия была хорошо известна в России еще со времен Екатерины Великой. Питерские Казалеты (что характерно, первого российского Казалета звали Ноем, он был прадедом наших героев) являлись основателями и хозяевами канатной фабрики, первого в России промышленного пивоваренного производства – «Казалет, Крон и К^о», которое в 1862 году было преобразовано в «Калинкинское пивоваренное и медоваренное товарищество» (его учредителями были указаны великобританский подданный Уильям Миллер, потомственный почетный гражданин Эдуард Казалет и прусский подданный Юлий Шотлендер). Филиал Калинкинского завода был и в Москве. Среди прочего, предприятие поставляло элитные сорта пива и к императорскому двору. В советское время завод назывался именем Степана

Разина. Казалеты же были инициаторами открытия в Санкт-Петербурге первых коммерческих банков, владели в северной столице несколькими шикарными домами.

Кроме того, Казалеты оставили свой след в истории Невского стеаринового товарищества, Товарищества русских паровых маслобоен, а также, основанного шотландскими коммерсантами Арчибальдом Мерилизом из Абердина и Эндрю Мюром из Гринока (с 1867 года московский купец 1-й гильдии) сначала в Санкт-Петербурге, а затем и в Москве, промышленного и торгового Товарищества «Мюр и Мерилиз» (в 1886 году в результате раздела фирмы в Петербурге образовалось товарищество «Оборот», которое вело оптовую торговлю во взаимодействии с московским «Мюр и Мерилизом»).

Широкоизвестный сегодня московский ЦУМ на Петровке – одно из многочисленных подразделений огромной империи «ММ», флагман московской торговли начала XX века, который был известен по всей России, Магазин поистине был универсальным – в нем продавали все предметы, необходимые для жизни, кроме продуктов. И это был первый магазин для среднего класса, где любой человек со средним достатком мог позволить себе относительно недорогие, но обязательно качественные товары. Мало того, «ММ» бесплатно рассылал каталоги (они выпускались четыре раза в год) и любой житель страны, от западных границ Польши до Дальнего Востока, мог заказать приглянувшийся ему товар «от Мю-

ра» (от модных моделей одежды и обуви до кухонных мелочей и ковров) по почте (все расходы по его транспортировке продавец брал на себя).

Магазин (скорее – храм торговли, близнец знаменитых Le Bon Marche в Париже и Harrod's в Лондоне; интересно, что продавщиц «ММ», которых отбирали также тщательно, как и товары, москвичи ласково называли мюрмерилизочками) был новаторским и по оснащению – для покупателей были оборудованы справочная, комната ожидания и ресторан. Здесь были организованы не только обычные примерочные, но и специальная дамская комната, где покупательницы могли примерить вечерние товары в свете газовых фонарей, чтобы понять, как они будут выглядеть на званом вечере или театральной ложе. Сенсацией стали вращающиеся двери при входе в здание и два электрических лифта (на них можно было подняться на любой из семи этажей) для покупателей – новинка в то время. Широкое применение металлических конструкций и стальной каркас здания, выполненный по проекту знаменитого инженера В. Г. Шухова обеспечили обилие света и внутренний простор.

Поблизости от флагманского магазина существовали и другие «торговые точки» фирмы. А всего Товарищество имело 78 отделений! Была у «ММ» и собственная типография для оперативного изготовления рекламной продукции (в ней, кстати, печатались некоторые календари Московской футбольной лиги, уставы городских и дачных спортив-

ных кружков, афиши соревнований). Кроме того, на Пресне (Охотничий переулочок, после 1922 года – Столярный. Именно здесь 5 апреля 1994 года был застрелен один из самых известных криминальных авторитетов Москвы Отари Квантришвили), под маркой «Мюр и Мерилиз» была построена столярно-мебельная фабрика (при советской власти на ее месте располагался машиностроительный завод «Рассвет»). Мебель от «ММ» закупал императорский двор, эскизы моделей выполняли ведущие художники и архитекторы тех лет. «Изюминкой» предприятия была поставка законченных интерьеров собственной работы – кроме мебели, фабрики Мюр и Мерилиз производили наборный паркет, «дизайнерские» обои и переплётки книг.

Отдел спорта магазина «Мюр и Мерилиз» был самым большим в России. В нем можно было купить буквально все. А чего не было на полках – заказать по каталогу, и товар доставят покупателю из самых отдаленных уголков мира. Страницы периодических изданий того времени буквально пестрели рекламой спортивных товаров от «Мюра». Вот, к примеру, текст одного из рекламных объявлений, опубликованного в 1912 году: «К осеннему сезону заготовлено все для футбола. Высшие сорта английских мячей, исполненные по нашему заказу. В 1912 году матчи с Финляндией, Венгрией и Санкт-Петербургом играли нашими мячами. Лучшие отзывы тренеров и игроков!».

Многие служащие Торгового дома (а всего их было бо-

лее трех тысяч человек!) активно занимались физкультурой и спортом в различных кружках и обществах города. Кружок циклистов «Мюр и Мерилиз» вообще был одним из старейших велосипедных организаций Москвы, а теннисный корт на даче Арчи Арчибальдовича (Архипа Архиповича) Мерилиза долгое время считался лучшим в городе. Кстати, сам А. А. Мерилиз, несмотря на довольно зрелый возраст (в 1904 году ему исполнилось 50 лет) частенько принимал участие в футбольных забавах англичан на даче Торнтон. Футбольный коллектив «ММ» со временем участвовал в городских футбольных турнирах сразу несколькими взрослыми и детскими командами. Самый известный из спортсменов Товарищества – «питомец гнезда казалетовского» Николай Александрович Гюбиев, с которым нам еще предстоит встретиться на страницах этой книги, – был казначеем правления спортивного кружка «ММ», долгие годы являлся одним из виднейших организаторов футбольного хозяйства Москвы.

Московские Казалеты имели непосредственное отношение к производству и собственности в металлургической промышленности, а в вышеупомянутом «Мюре и Мерилизе» занимали почти все руководящие должности – Василий Львович был директором правления Товарищества, а Федор Львович занимал сначала должность кассира, а затем – вице-директора. И это вполне объяснимо – Василий и Федор Казалеты были крепкими узами связаны с семейством Мерилизов, так как их мать, Сара Джейн Мерилиз, была доче-

рию основателя империи «ММ» Арчибальда Мерилиза.

Было у московских Казалетов и еще четыре родных брата (Arthur Mirrielees, Albert, Lewis Percy и Alexander Paul Lewis), но вряд ли, все они принимали участие в играх на гопперовской площадке. Александр, он был рожден от первого брака Льва Казалета с Натали де Геринг (Heering), жил сначала в Англии, а потом в Южной Родезии, где служил капитаном британской конной полиции. Лейтенант Альберт Казалет служил в Британской Колумбии, а рожденный в Швейцарии Льюис стал горным инженером и почти всю жизнь провел в Южной Африке. Скорее всего, активно занимались физкультурой, в том числе и упражнялись с кожаным мячом, только трое – Василий, Федор и Артур (первые двое абсолютно точно) – почти треть футбольной команды!

Василий и Федор Казалеты вошли в историю московского игрового спорта (прежде всего – в Замоскворечье) и как великолепные организаторы (Федор Львович, в частности, был членом комитета Московского общества любителей лаун-тенниса, одно время входил в состав правления ЗКС, провел большую организационную работу при создании СКЗ), и как меценаты. Кроме того, с их помощью развивался спорт и в подмосковных Химках и Малаховке, где у Казалетов были собственные дачи.

Наибольшую известность из молодых московских Казалетов (а в первой команде ЗКС выступали два представителя этой семьи: Казалет-1 и Казалет-2, как называли их

журналисты) получили Клемент (Clement Marshall) и Роланд (Roland De Bode), – сыновья Василия Львовича и химчанки Анастасии Берс. Первый был форвардом, второй – хавбеком. Оба они поочередно избирались капитанами 1-й команды Замоскворецкого клуба спорта, позже играли за БКС и КСО. Летом братья выступали в «дачных» лигах – за команды Сходни и Красково. 8 августа 1915 года, в возрасте 28 лет, Клемент Казалет сложил голову на полях 1-й Мировой войны. Его младший брат, член правления БКС, лейтенант Британской армии Роланд Казалет, не дожил и до своего 30-летия – 8 января 1920 года он погиб под Ростовом в ходе боев, которые вела Добровольческая армия с частями 1-й Конной армии С. М. Буденного. А вот сыновьям Федора Львовича поиграть в Москве не довелось – слишком поздно родились. Кстати, Федор Львович, Василий Львович, Клемент и Роланд Васильевичи Казалеты были действительными членами Замоскворецкого клуба спорта с момента его основания.

Вошел в историю мирового спорта и еще один дальний родственник наших Казалетов, тоже правнук Ноя – теннисист Клемент Казалет (Clement Haughton Langston Cazalet), который в составе команды Великобритании стал бронзовым призером Олимпийских игр 1908 года. А дети родившегося в Санкт-Петербурге мультимиллионера Уильяма Маршалла Казалета (с 1912 года к нему перешли все акции пивоваренной компании, и даже после революции, которая разори-

ла все иностранные капиталовложения в России, он продолжал иметь достаточно средств, чтобы содержать богатый дом в Кенте, заниматься разведением скакунов и поставлять их на лошадиные бега), выросшие в Англии праправнуки Ноя – Виктор (Victor Alexander) и Тельма (Thelma Cazalet-Keir) стали значимыми фигурами мировой политики.

Виктор часто приезжал в Россию, неплохо говорил по-русски, отлично играл в теннис и футбол (о его разносторонних спортивных увлечениях упоминал в своей книге «Моя Европа» сэр Брюс Роберт Локхарт, с которым позже мы еще встретимся). Виктор был участником 1-й Мировой войны, в 1917 году награжден Военным крестом. С 1924 года он член парламента от Консервативной партии. В годы 2-й Мировой войны – полковник, один из советников Уинстона Черчилля.

Виктор Казалет погиб в 1943 году, когда самолет, на котором он вместе с премьером польского правительства в изгнании генералом Владиславом Сикорским (Казалет состоял при нем офицером связи по политическим вопросам) летел из Гибралтара в Англию, разбился через несколько секунд после взлета. Виктор Казалет – крестный отец легендарной актрисы Элизабет Тейлор. Член Консервативной партии Тельма Казалет стала известной феминисткой, влиятельным политическим деятелем. Она – командор Ордена Британской Империи.

Про богатейшую историю семьи Казалетов можно рассказывать долго, но вернемся непосредственно к футболу. Мы

прервали наше повествование на том, что в 1913 году Федор Львович Казалет (среди прочего, он еще был старостой Великобританской Англиканской церкви) произносил речь на открытии кружка СКЗ. Вот, что он, в частности, сказал тогда: «В 1891 году жившие в Москве британские колонисты, большинство которых работало на заводе Гоппера и соседних с ним предприятиях Замоскворечья, организовали нечто вроде атлетического клуба и начали играть в регби. Примерно в 1893 году на смену регби пришло увлечение «ножным мячом», т. е. футболом, а к англичанам и шотландцам (среди них были и мы с братом) позже присоединились и другие иностранцы, в том числе Фульда и Вашке (когда конкретно наступило это «позже» Казалет не уточняет – А. С.). Игры проходили на зеленой лужайке, примыкавшей к высокой кирпичной стене, огораживающей территорию завода».

Забавы англичан с мячом на гопперовской площадке – это первое достоверное упоминание о футболе в Москве. Это подтверждает и пресса тех лет, писавшая, что в 1895 году «англичане, работавшие на заводе Гоппера, затеяли играть в футбол на местной зеленой площадке. Москвичи проявляют к этой новой для них забаве великий интерес. Смотреть, как гоняют мяч, собираются двести-триста человек. Случается, что кто-либо из толпы присоединяется впоследствии к играющим». Патриархальная Москва выход на люди взрослых мужчин в трусах и майках, их увлечение «гонять мяч» приняла не сразу. Пришлось первым футболистам пережить

и насмешки, и освистывание, и нападки прессы. Но, так, или иначе, первые семена «футбольной заразы» на московскую землю были брошены, а британцы – народ уравновешенный и педантичный – упорно продолжали свое любимое занятие.

Ежегодник Всероссийского футбольного союза за 1912 год писал по этому поводу: «Точно установить, когда и как начался футбол в Москве чрезвычайно трудно или даже, из-за разноречивости рассказов невозможно. Нечего и говорить о том, что в период занесения этой игры на московскую почву не существовало здесь сколько-нибудь организованных обществ и потому о каких-либо записях, календарях и протоколах и говорить нечего.

Как бы то ни было, но с достоверностью можно установить, что в 1895 году, по полю при заводе Гоппера летал футбольный мяч и мелькали разноцветные рубашки членов московской английской колонии. Говорят, что ласточка не делает весны, но эти ласточки, носившиеся по первому футбольному полю – сделали весну, весну жизни московского футбола. Кто энергично, не боясь насмешек, сыпавшихся со всех сторон на «усатых и бородатых мальчиков, играющих в мячик», провел в жизнь игру в футбол, этот новый для России способ физического развития – должно быть так и останется неизвестным.

Наша память запечатлела лишь имена лиц, с интересом принимавших участие в этой игре и содействовавших и своими выступлениями, и пропагандой делу развития футбола в

Москве... Имена этих лиц еще и теперь фигурируют в списке известных спортсменов и спортивных работников. Это председатель ныне существующей Московской футбольной лиги – Р. Ф. Фульда, Московской хоккейной лиги – А. Я. Торнтон, а также популярные В. Л. и Ф. Л. Казалеты, Г. В. Мерелиз и А. И. Вашке».

Среди тех, кто забавлялся на зеленой заводской площадке с кожаным мячом, были, об этом можно говорить почти со 100-процентной уверенностью, не только братья Казалеты и молодые представители большого клана Мерелизов (всего у основателя империи «ММ» было восемь детей: двое от Сары Неуболд и шестеро от Джейн Мур, дочери его первого компаньона; многие родственники вскоре переехали в США, Австралию и Новую Зеландию, а кое-кто остался и в Москве, в том числе и упомянутый выше Гай Васильевич Мерелиз, член правлений Московского общества любителей лаун-тенниса и Британского клуба спорта), но и сами хозяева завода – братья Гоппер (Казалеты и с ними состояли в родственных отношениях), игравшие в свое время большую роль как в промышленной, так и общественной жизни Москвы.

Например, потомственный почетный гражданин, московский купец 1-й гильдии Сидней Васильевич Гоппер был директором правления Русского взаимного страхового союза, учрежденного российскими фабрикантами и заводчиками в 1903 году, членом Московского столичного и Губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия, Ку-

печеской управы, Московского коммерческого суда, выборным Московского купеческого собрания, Московского биржевого общества и пр.

Женат Сидней Гоппер был на княжне Антонине Михайловне Вадбольской (ее родная сестра – княжна Елизавета Михайловна – была в свое время заместителем начальника Московской губернской женской исправительной тюрьмы, которая находилась на углу Новинского и Кривовведенского переулков, а брат – князь Николай Михайлович Вадбольский – начальником Московской исправительной тюрьмы). У них было две дочери и два сына. Один из них – действительный член МКЛ Василий Сиднеевич (Сергеевич) Гоппер – в годы гражданской войны воевал против большевиков в составе Добровольческой армии и ВСЮР, в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии (он был поручиком 17-го драгунского полка). Остался жив, эмигрировал в Англию, где и умер в 1928 г. в возрасте 30 лет.

Инженер-механик Яков Васильевич (он же – James Russell) Гоппер был, как и его братья, одним из директоров правления Торгового дома «Гоппер В. Я. и К^о», председателем Всероссийского союза гребных обществ, с 1907 по 1912 год возглавлял московский Императорский речной яхт-клуб, а затем руководил гоночной комиссией этого клуба, спонсировал хоккейную команду яхт-клуба, футбольные клубы БКС (одно время даже был заместителем председателя правления клуба) и ЗКС, состоял действительным чле-

ном Общества любителей лаун-тенниса, кандидатом в члены правления Московской конькобежной лиги. За большие заслуги Гоппера перед московским спортом гребцы Яхт-клуба учредили и ежегодно разыгрывали Кубок его имени. В 1914 году Я. В. Гоппер принимал участие в работе временного совета при Главноуправляющем за физическим развитием и спортом в Российской империи.

Мало чем уступали братьям Василий Васильевич (Вилли) и Аллан Васильевич Гоппер (он скончался в 1911 году) – староста Англиканской епископальной церкви (Великобританская св. Андрея церковь). Все Гопперы мужского рода были действительными членами Замоскворецкого клуба спорта с самого первого дня его существования, оказывали ему всяческую поддержку.

Кроме того, братья, их жены и сестры (Флорри и Люси) являлись попечителями таких организаций, как: Ремесленное училище им. К. Т. Солдатенкова Московского купеческого общества, Комиссаровское техническое училище, Московский музей прикладных знаний, Попечительство о недостаточных ученицах Елизаветинской женской гимназии, Комиссия Купеческой управы по разработке вопроса об устройстве музея промышленности, торговли и кустарных изделий, Комитет для благоустройства кладбища иноверческого исповедания, Дамский благотворительно-тюремный комитет и т. д. и т. п.

Кстати, выпускнице Строгановки Люси Элизабет Казалет,

урожденной Гоппер (ее мужем был уже знакомый нам Федор Казалет), принадлежала одна из лучших в Москве коллекций русских оловянных изделий, антикварного фарфора и других памятников русской старины. Обеспеченная и культурно насыщенная жизнь Казалетов прервалась резко и грубо: в 1918 году, претерпев опасности военного коммунизма и тяготы рискованного бегства через Архангельск и Мурманск, Казалеты с детьми навсегда оставили Россию и переехали в Англию. Все их имущество, включая и ценнейшие художественные собрания, осталось в Москве. К сожалению, о судьбе Гопперов после революции нам пока ничего неизвестно.

Среди первых энтузиастов и пропагандистов московского игрового спорта и, в частности, футбола, кроме братьев Гопперов и Казалетов, назовем также такие известные фамилии, как Торнтон, Смит, Шульц, Стивенс, Вашке, Мусси, и, конечно же, почетного потомственного гражданина России (так высоко оценил Сенат заслуги его отца на благотворительном поприще) Роберта-Леопольда-Фердинанда Фульда (на русский манер – Роман Федорович).

Василий Яковлевич и Артур Яковлевич Торнтон – московские представители известной британской фамилии, владевшей в Санкт-Петербурге Товариществом шерстяных изделий «Торнтон», акционерным обществом «Платина» и другими предприятиями. Их отец – Яков (Джеймс) Данилович Торнтон, был одним из директоров правлений таких

известных в Москве промышленных заведений, как: Товарищество шелковой мануфактуры, Товарищество московских металлических заводов, Московское акционерное общество для производства цемента и других строительных материалов и торговли ими, Общества для производства соды в России и т. д. А еще Торнтонны были связаны родственными узами с могущественным московским Товариществом «Вогау и К°».

Артур Яковлевич Торнтон работал на петербургской шерстяной фабрике главным инженером, позже был ее директором. Кроме того, он возглавлял Товарищество Романовской льняной мануфактуры, был членом учетного комитета Русского торгово-промышленного банка, игроком одного из первых футбольных кружков Санкт-Петербурга. В 1914 году он организовал при фабрике «Торнтон» собственную футбольную команду, выступавшую в городских соревнованиях вплоть до 1917 года.

В Москве Артур Яковлевич бывал очень часто (московское отделение Товарищества «Торнтон» располагалось на Старой площади), жил в собственном доме в Трубном переулке (Василий Яковлевич владел особняком в Гагаринском переулке), и помогал своим спортивным сподвижникам в организационной работе. Торнтон был членом правления Московского общества любителей лаун-тенниса, вице-командором Императорского речного Яхт-клуба (именно по его инициативе и под его руководством здесь была орга-

низована первая хоккейная команда, как тогда писали «партия хоккея», которая играла на катке на Петровке), первым председателем Московской хоккейной лиги, которую возглавлял до 6 сентября 1913 года (снял с себя эти полномочия только в связи с переездом на постоянное место жительства в Петербург). За большие заслуги А. Я. Торнтон был избран почетным членом комитета МХЛ, а хоккеисты Москвы разыгрывали пожертвованный им Кубок. Была у Торнтонов собственная дача в Сокольниках, где и собирались господа-спортсмены. Активно занимались спортом и младшие московские Торнтоны – Лесли и Чарльз. Именно дача Торнтонна в Сокольниках и стала второй, после завода Гоппера, отправной точкой в истории московского футбола.

Ну, и, конечно же, в рассказе о пионерах московского спорта нельзя обойти молчанием имя Р. Ф. Фульды – личности легендарной и уникальной. По национальности – немец, но родился в Москве, в Милютинском переулке, а в 1894 года семья Фульда приняла российское подданство, приняв присягу по обряду Лютеранской церкви. По образованию – юрист, выпускник Московского Университета. Представитель знаменитого «Торгового дома Фульды», купец первой гильдии по унаследованному сословию, совладелец фирмы (не путать с известными в Москве ювелирными фирмами гессендармштадского подданного Иосифа Габриеля Фульды и швейцарца Жозефа-Бенуа Фульды), сначала снабжавшей рынок москательными, химическими, аптекарскими товара-

ми и металлическими изделиями, а затем перешедшей на поставку в Россию цветных металлов и редких сплавов. Но коммерция интересовала Роберта-Романа куда меньше, чем спорт. Он перевел и издал в Москве за свой счет правила игры в футбол (1904 г.), а в последствии очень много сделал для развития российского и московского спорта, в том числе и футбола, куда, кстати, вложил немало собственных средств.

Фульда являлся председателем Олимпийского комитета Москвы (1912–1920), Московской футбольной лиги (1909–1920), Всероссийского футбольного союза (ВФС, 1914–1915), представителем ВФС в ФИФА совместно с Дюперроном (1912–1914), членом Руководящего комитета Всероссийского союза лаун-теннис клубов. Кроме того, Фульда был основателем и председателем Московской лаун-теннис лиги (май 1913–1918), членом совета Императорского общества воздухоплавания (1912–1916), московского отделения Императорского русского технического общества (он был членом автомобильного отдела). В 1907 году Роберт учредил переходящий кубок своего имени для московских теннисистов, который разыгрывался как чемпионат Москвы в одиночном разряде.

Весной 1922 года семья Фульда с разрешения Народного Комиссариата по Иностранным Дела́м покинула Россию (здесь осталась только старшая сестра Фульды, которая в 1941 году была репрессирована) и переехала в Германию.

После прихода к власти нацистов Фюльда оказался в Швейцарии, и умер в 1944 году в Лозанне. Урна с прахом Фюльды доставлена из Швейцарии в Москву его внуком Майклом (Михаилом Борисовичем), профессором университета города Фермонт, и 22 июня 2005 года захоронена на 13-м участке Введенского кладбища. Более подробно с биографией этого замечательного человека можно познакомиться, прочитав книгу Бориса Фоменко «Роберт Фюльда – пионер русского спорта».

Говоря о пропагандистах московского спорта, нельзя не вспомнить и известного московского санитарного врача, деятеля физического воспитания и спорта Евстафия Михайловича Дементьева. Его книга «Английские игры на открытом воздухе. Руководство для воспитателей и юношества» (первое издание – март 1891 года, тираж 1000 экз.) была на протяжении многих лет одним из лучших пособий для преподавателей физического воспитания и желающих заниматься спортивными играми. Здесь же впервые публикуются правила футбола. В кратком предисловии автор счел нужным отметить: «Английские игры заслуживают того, чтобы быть принятыми и у нас, не потому, что они английские, но потому, что они превосходны». В книге рассказывается о крокете, теннисе, крикете, регби и футболе. Автор привел 14 параграфов футбольных правил, указав, что пункт 14 им сокращен, а пункты 15 и 16 вообще не приводятся, так как трактуют вопрос о собраниях членов футбольной ассоциа-

ции. Кроме того, Дементьевым были отдельно изданы футбольные правила под названием «Ножной мяч».

Характеризуя футбол, Е. М. Дементьев писал: «Эта игра представляет тысячи разнообразных комбинаций, которых никакие правила предвидеть не могут, – комбинаций и случайностей, испытывающих сообразительность, находчивость, ловкость и силу игроков. Эти правила – результат многолетнего опыта – лишь устраняют возможность беспорядочной беготни, безобразной борьбы, может быть, даже драки, в которую легко может превратиться игра при несоблюдении их. Они лишь дисциплинируют игроков, и нельзя не признать, что нет другой игры, которая в такой же степени могла бы служить дисциплинирующим средством. Игрок в ножной мяч неизбежно становится смел и хладнокровен, он выучивается безусловно повиноваться, и, чтобы стать хорошим игроком, он должен выучиться отрешаться от всех своих эгоистических чувств ради интересов своей партии, помня лишь девиз: все за одного, один за всех».

Расстановку игроков Дементьев описывал по системе 6–2–2–1, т. е. 6 «передовых, 2 стража, 2 запасных и страж кона (т. е. вратарь)». Впрочем, он отмечал, что иногда в передовые становятся только четыре игрока, и тогда система выглядела как 4–4–2–1. Далее правила публиковались неоднократно: в 1895, 1897, 1898, 1900 годах и т. д. Интересно, что в 1941 году, уже после смерти автора (он скончался в 1918 году) вышла и еще одна любопытная книга Е. М. Дементьева

– «Футбол в советской деревне». Интересно, когда Евстафий Михайлович успел ее написать?

В 1895 году при Московском гигиеническом обществе (основано в 1891 году при участии Е. А. Покровского и Ф. Ф. Эрисмана) создается Комиссия по устройству подвижных игр на открытом воздухе, которая в 1909 году преобразуется в Общество физического воспитания. Комиссия проводит обследования условий труда и быта рабочих, занимается пропагандой здорового образа жизни и роли физической культуры среди родителей, преподавателей учебных заведений, читает публичные лекции, публикует статьи, организует экскурсии и прогулки для детей и взрослых, открывает новые площадки для игр, участвует в создании молодежных гимнастических организаций («потешные» – в память о детских играх Петра I; «соколы» – по типу чешских организаций; и «бой-скауты» – по английскому образцу), содействует открытию при народных домах клубов и кружков для молодежи.

Уже знакомый нам Ежегодник утверждает, что в 1896 году «спортсмены во главе с Фульда, Вашке и Овчинниковым вошли в состав» указанной выше комиссии, и «благодаря этому принадлежащая гигиеническому обществу площадка Ширяево поле в Сокольниках вскоре обратилось в футбольное поле». На этом основании некоторые историки нашего футбола делают вывод, что именно в 1896 году, в Москве был образован первый «правильный» футбольный кружок,

и поэтому в этом вопросе «мы впереди России всей». Но, к сожалению, это не соответствует действительности.

Во-первых, Ежегодник не указывает конкретно, в каком году в Сокольниках появилось первое футбольное поле, а временная характеристика «вскоре» – понятие довольно растяжимое. Во-вторых, никаких намеков на организацию в Сокольниках именно в эти годы какой либо команды в издании просто нет. В-третьих, не получил своего документального подтверждения и сам факт включения в состав Комиссии по организации подвижных игр Фульды и Вашке. Последний, рассказывая о первых годах своего пребывания в нашем городе, про эту комиссию даже и не заикается. Да и не мог он в ней тогда числиться – и образование не позволяло, и профессия не та, и никакого опыта организаторской, физической и педагогической работы нет. А вот в 1912 году, когда шла работа над Ежегодником ВФС, и Фульда, и Вашке были уже весьма заметными фигурами в российском спорте. Вероятно, именно по этой причине один из авторов-составителей (а подхалимов у нас всегда хватало) издания и решил несколько приукрасить некоторые моменты биографии этих людей.

Кроме того, имеются и документальные свидетельства итогов работы упомянутой комиссии, в которых имена Фульды и Вашке не упоминаются ни разу! Нет здесь и никаких данных о создании в Сокольниках какой-либо команды и правильно обустроенного футбольного поля. А занимались

члены этой комиссии, а позже и платные преподаватели, в первую очередь с детьми. И на этом поприще первые энтузиасты московского юношеского спорта добились определенных успехов, за что все мы в неоплатном долгу перед ними.

О спортивных событиях той далекой поры московская пресса писала редко и скудно, но кое-какую информацию здесь почерпнуть все-таки можно. Так, «Русские ведомости» 26 июня 1895 года сообщают: «На днях в Сокольниках, на участке земли, отведенном городом по ходатайству врачей Марковникова, Щербачева и Бомштейна, начнутся игры для детей. Игры предполагается сначала устраивать через день, кроме воскресенья, и допустить к участию в них пока детей школьного возраста. Они будут происходить вечером, но не позднее 8 часов, в продолжение 2-х часов. Если желающих принять участие в играх окажется много, то они будут устраиваться ежедневно, причем дети будут разделены на группы и будет установлена очередь».

В число физических упражнений будут введены бег, прыганье и борьба, а из игр – русская лапта, крокет, лаун-теннис, ножной мяч, большой ножной мяч, итальянская лапта, лапта с клюкою, лунки, бары, перебежчики и защитники, день и ночь, мяч на ловле и другие, указанные в руководстве секретаря комиссии по физическому образованию при Обществе распространения технических знаний Н. С. Филитиса – преподавателя физических упражнений при реальных училищах Мизинга и Фамера».

А «Московские ведомости» добавляют, что «как видно из правил, с участвующих в играх не будет взиматься никакой платы. К участию допускаются мальчики школьного возраста. Если окажется удобным, то подобные игры будут устроены и для девочек... Все физические упражнения и подвижные игры будут находиться под особым наблюдением врачей. Дети, которым этот или другой род игры окажется вредным для их здоровья, будут устраниваться от участия в ней. В случае неповиновения последним, дурного поведения или порчи приспособлений для игр, дети будут исключаться из числа играющих».

Через год заметку под названием «Подвижные игры» поместило на своих страницах «Русское слово»: «В Сокольниках, на площадке неподалеку от церкви Св. Тихона на Ширяевом поле, по примеру прошлого лета, открылись общественные подвижные игры, преимущественно для детей школьного возраста. Устройство и ведение игр теперь в руках особой комиссии при Московском гигиеническом Обществе, в которое вошли все лица и врачи, ведущие игры в прошлом году. Время игр распределено таким образом: понедельник, среда и пятница – для мальчиков, вторник и четверг для девочек. Время игр – от 6 до 8 вечера. По субботам с 7–7 1/2 часов и воскресеньям *предположено, в виде опыта* (выделено мною – А. С.), устраивать игры для взрослых: ножной мяч, лаун-теннис и т. п. Участие в играх бесплатное и без всяких предварительных записей и заявлений».

Прошел еще год. В июне 1897 года в «Московском листке» читаем: «Подвижные игры в Сокольниках. Московское Гигиеническое общество, желая упрочить в Сокольниках дело подвижных игр для детей, обратилось к городу с ходатайством об устройстве для этих игр удобного места. Общество указывает при этом на площадку близ церкви святого Тихона Задонского. На этом месте Управа проектировала разбить сквер. Гигиеническое общество просит, чтоб этот сквер был специально приспособлен для надлежащих игр и представило для этого выработанный им план. Поляна в Сокольниках, будучи приспособлена по плану, может служить также местом, куда бы направлялись школьные экскурсии в учебное время, каковые в последнее время все более и более останавливают на себе внимание, как гигиеническое и воспитательное средство, и рекомендованы уже министром народного просвещения для всех средних учебных заведений.

Сокольничий сквер, на приспособление которого по предполагаемому плану потребуется лишь около 2000 рублей, будет едва ли не лучшим из существующих в России мест для игр. Ходатайствуя перед городом о приспособлении указанного места, Московское гигиеническое общество со своей стороны берет на себя организацию и ведение самых игр. Если же городское общественное управление, ассигновав для этой цели необходимую сумму, найдет для себя почему-либо неудобным самому привести в исполнение означенный план, то гигиеническое общество может взять на себя устройство

сквера на ассигнованные городом для этой цели средства.

Общество предполагает устраивать иногда здесь с разрешения Управы и платные игры или детские праздники, что доставляло бы обществу средства для ведения дела. Согласно плану, выработанному гигиеническим обществом, в этом сквере предположено устроить круговую дорожку, аршин 5 шириною, которая служила бы местом для упражнения, а может быть иногда и для состязания в беге, и, сверх того, местом, где имела бы право гулять публика, желающая смотреть на игры, место сажень семь шириной и сажень 30 длиной, очищенное от дерна, выравненное и плотно утрамбованное, которое могло бы вмещать 2 партии в лаун-теннис; место сажень 13 в ширину и 17 в длину, тоже освобожденное от дерна и выравненное, для игры в крокет и некоторые другие игры, требующие ровной площадки, деревянную стенку вышиной сажени 2 и шириной 2,5–3 сажени с утрамбованной перед ней площадкой для упражнений с мячом; место, приспособленное для игры в городки; выравненное и утрамбованное место, для прыгания, длиной сажень 10 и шириной 2, и различного рода приспособления для лазания».

О каких-то футбольных командах и встречах между ними здесь идет речь? Нет! Только, предполагается, что дети (а возможно, и взрослые) на этой площадке будут играть в «ножной мяч». Кстати, разновидностей игры под названием «Ножной мяч» в литературе конца XIX – начала XX века

можно при желании найти множество.

Вот, к примеру, одно из них: «Игра для школьников Ножной мяч в кругу. Играющие становятся в круг на расстоянии вытянутых рук. Водящий с мячом находится в середине круга. Ударяя ногой по мячу, он стремится выбить его из круга. Играющие задерживают мяч ногами, передают друг другу, не давая ему вылететь из круга. Если водящему удалось отнять мяч и выбить его из круга, на его место идет игрок, пропустивший мяч с правой стороны от себя. Каждый игрок старается защищать промежуток между собой и соседом справа. Мяч считается вылетевшим только в том случае, если он пролетел не выше коленей играющих. Руками мяч задерживать не разрешается». Ясно, что с «игрой в футбол» (в традиционном ее понимании) эта забава никак не связана.

Справедливости ради отметим, что изредка мелькал в прессе и термин «футбол». Так, «Русские ведомости» сообщают, что 22 июля 1895 года в Сокольниках «предполагается показать английскую игру в фут-боль». Не прошло и месяца, как это же издание информирует читателей, что 15 августа состоялся последний в истекающем летнем сезоне вечер общественных детских игр, который «закончился игрой старших в фут-боль». А вот, что пишет «Московский листок» 6 сентября 1897 года в заметке «Детский праздник»: «В понедельник, 8 сентября, атлетическая арена баронессы Кистер устраивает в саду «Чикаго» большой осенний детский праздник. В программу праздника войдут: детские по-

движные игры, детские состязания на призы, разнообразные увеселения и танцы для детей. Детские игры предположены самые разнообразные и их будет множество, начиная от самых легких для младшего возраста и кончая такими, в которых участвуют целые группы детей среднего возраста. *Из новинок в области игр* (выделено мною – А. С.) будут предложены: американская игра «best-ball», английская «foot-ball» и другие. Детские состязания будут: в беге, стрельбе из лука, прыжках, ходьбе – английской «Walking» и американской «Иди, как хочешь», бросании копья, кувыркании и прочее. Победителям будут выдаваться призы – игрушки и книги. Устраивая детские игры и состязания, атлетическая арена стремится ввести в это дело прежде всего необходимый порядок. Руководителем детской игры приглашен известный преподаватель детской гимнастики Т. П. Тарасов. Увеселительная часть праздника будет заключать в себе номера гимнастики, бокса, борьбы комического характера. По окончании увеселений, состоится торжественная раздача призов детям и затем устроены будут танцы под оркестр военной музыки...».

Завершая рассказ о вкладе Комиссии по устройству подвижных игр на открытом воздухе при Московском гигиеническом обществе в развитие московского футбола, познакомим читателей с оригинальными выдержками из Отчета о деятельности этой организации за 14 лет (с 1896 по 1909 год):

«В 80-х годах доктор Е. А. Покровский, главный врач Софийской детской больницы в Москве и редактор-издатель журнала «Вестник воспитания», едва ли не первый начал горячо агитировать за необходимость организации у нас подвижных игр на открытом воздухе, представляющих лучший метод физического воспитания молодежи, дающий столь блестящие результаты в Англии. Эта новая в то время мысль находила сочувствие среди лиц, интересующихся вопросами физического воспитания, но не делалась достоянием широких кругов общества, пока агитация велась в литературе, и пока не было приступлено к практическому осуществлению этой идеи.

Первый опыт организации общественных подвижных игр был сделан в 1895 году, летом в Сокольниках Н. С. Филитисом, врачами И. С. Бомштейном, И. И. Пенязевым, А. И. Тулиновым, П. А. Щербачевым и А. В. Марковниковым (с этим человеком позже мы еще обязательно встретимся. – А. С.), по инициативе последнего. От Московской Городской Управы было получено разрешение пользоваться для этой цели обширной лужайкой на Ширяевом поле, в Сокольниках.

Игры велись в продолжение лета ежедневно, за исключением воскресений, и руководителями являлись сами организаторы дела. Насколько дело было тогда ново, можно видеть из того, что организаторы не могли найти лица, которое было бы знакомо с игрой в лаун-теннис и им самим приходилось изучать эту игру по книжке; тоже самое было и по от-

ношению других игр, как, например, футболль, о котором никто не знал даже понаслышке. Игры шли, несмотря на это, очень оживленно, и этот первый опыт прошел очень удачно; средства, необходимые для приобретения принадлежностей для игр были собраны путем пожертвований.

По окончании этого летнего опыта доктором А. В. Марковниковым был прочитан в Московском гигиеническом обществе доклад «К вопросу об организации общественных подвижных игр», в котором наряду с отчетом, развивался план дальнейшей организации этого дела... Организаторам опыта было предложено вступить в Гигиеническое общество, и образовать специальную комиссию по организации подвижных игр на открытом воздухе. Такая комиссия была организована 23 декабря 1895 года; ее председателем был избран А. В. Марковников, а казначеем и секретарем И. И. Пенязев...

Вскоре было получено разрешение Городской Управы и обер-полицеймейстера устроить на средства города каток на Красной площади, залив часть ее и построив теплушку. Ведение дел катка Управа передала Комиссии... Кроме того, Комиссия обратилась с ходатайством в Московскую Городскую Думу о том, чтобы та ассигновала около 2000 рублей на приспособление для игр площадки на Ширяевом поле – обнесение ее изгородью и постройку павильона, где играющим можно было бы спрятаться от дождя, переодеться, а также было бы помещение для сторожа и хранения приспособле-

ний для игр. Ходатайство это было удовлетворено... Павильон построили к летнему сезону 1898 года...

Летом 1896 года обсуждался план устройства площадок в Александровском саду и на Девичьем поле. Впоследствии, за недостатком средств, привести в исполнение мысль обустройства для игр площадки «Колымажный двор» (Александровский сад) не удалось. Для получения средств на устройство площадки на Девичьем поле было решено устроить концерт, лекции и обратиться за денежной помощью к разным лицам. Городская Управа дала разрешение, построили теплушку, а с зимы 1896 года здесь был устроен каток; причем, вход был бесплатным, но при входе была вывешена кружка для сбора добровольных пожертвований... Потом было приступлено к организации лыжных экскурсий и было получено разрешение на устройство станции в помещении Царского Павильона на Ходынском поле...

В начинании Комиссии весьма важно отметить хлопоты в 1896 году о замене уроков гимнастики в некоторых гимназиях подвижными играми, для чего предполагалось пользоваться площадками Комиссии. На это сочувственно откликнулись некоторые гимназии... Существовать на пожертвования было трудно, и Комиссия принципиально решила, чтобы каждая площадка имела собственные источники дохода. Для этой цели на катке был сдан в аренду гардероб и буфет, и кроме того было возбуждено ходатайство перед Думой о разрешении на взимание платы за вход на каток. Разре-

ние это было получено. Дети (до 14 лет), учащиеся низших и средних учебных заведений пользовались катком бесплатно, а с взрослых Комиссия взимала по 10 копеек, получая таким образом возможность содержать каток... За пользование лыжами (15 пар купила Комиссия, 5 – пожертвовал Мюр и Мерилиз, 10 – г-жа Бабушкина) взималась плата 30 копеек в день, а для обеспечения их возврата ученики оставляли свои ученические билеты.

Летом 1897 года были организованы общественные подвижные игры на Девичьем поле, устроен один лаун-теннис. На средства Городской Управы эта площадка была обнесена трельяжем, обсажена кустарником и деревьями. Кроме того, были организованы две площадки для игр в дачных местностях: Останкине, где дело было поставлено А. И. Лангер, и Листвянах г-жей А. К. Мазинг, которая заведовала этой площадкой до конца существования. На этих площадках игры шли оживленно, и дело сразу привилось. На Сокольнической площадке летом 1897 года подвижные игры шли тоже успешно. Ходатайство перед Управой об устройстве на средства города катков на Миусской или Конной площадях было отклонено.

В 1898 году на катке Девичьего поля устроили освещение, а на Сокольнической площадке, на средства, ассигнованные Городской Думой, был построен павильон. В Останкине площадку обнесли изгородью, построили небольшой павильон и один лаун-теннис. В Листвяных были устроены два дет-

ских праздника... В этом году для усиления средств Комиссией был устроен концерт, давший чистой прибыли около 500 рублей...

В 1899 году подвижные игры велись летом на прежних 4-х площадках: на Девичьем поле, в Сокольниках, Листвянах и Останкине. На Девичьем поле и в Останкине были сделаны вторые «Лаун-теннисы», а желающим выдавались как мяч, так и ракетки... Для развития лыжных экскурсий было решено отменить плату для учащихся, оставив для остальных 30 копеек. Заведующим Сокольнической площадки был избран доктор Н. П. Померанцев, а вместо выехавшего из Москвы А. В. Марковникова, председателем Комиссии был избран доктор А. А. Кисель.

В 1900 году Сокольнической площадкой была устроена экскурсия в Останкино и два детских праздника. Праздники прошли с большой удачей: присутствовало свыше 1000 участников, между которыми велись различные состязания и игры под руководством А. А. Торопова и врачей Померанцева и Тауэр. На Листвянской площадке детские игры шли с большим успехом, что нельзя сказать про взрослых, так как у них замечалась какая-то вялость, которую руководитель Габричевский объяснил «невыработанностью хороших игроков». На площадке Девичье поле играли с 1 мая до 30 сентября. В лаун-теннис играли преимущественно взрослые. Заведующим площадкой был избран доктор Г. Н. Сперанский, в заведении которого она состояла до последних дней

существования Комиссии...

В 1901 году Сокольническая площадка была обнесена решеткой и устроен 4-й плац для лаун-тенниса. На Девичьем поле устроили 3-ю площадку для лаун-тенниса и провели нивелировку всей площадки, что дало возможность сделать лучший каток с меньшими затратами. На площадке в Листвянах игры с этого года прекратились...

В 1903 году на Сокольнической площадке, так же, как и в прошлые годы, было два детских праздника с оркестром военной музыки и предпринята прогулка в Останкино. Игры продолжались с 20 мая по 20 августа. В виду большого количества желающих играть в лаун-теннис был устроен 5-й плац для этой игры. В Останкине игры начались 26 мая под руководством г. Шалянского. Благодаря симпатиям местных дачников здесь был удачный спектакль, давший полный сбор, затем прогулка на реку Яуза, сопровождавшаяся играми и завтраком. На Девичьем поле игры шли по-старому... Председателем Комиссии вновь был избран А. В. Марковников, возвратившийся в Москву...

Тревожные события 1905 и 1906 годов отвлекли всеобщее внимание и интересы в другую область, и в жизни Комиссии было затишье, хотя все-таки игры на площадках велись по заведенному порядку... В 1907 году Сокольническая площадка функционировала с 24 мая по 16 августа. Занятия вели здесь по руководству Филитиса, главной же и любимой игрой был футболь (первое упоминание об этой игре в

отчете Комиссии. – А. С.)... На Девичьем поле и в Останкине дело велось так же, как и раньше...

В октябре 1908 года председателем Комиссии А. В. Марковниковым и товарищем председателя Г. Н. Сперанским было внесено предложение реорганизоваться в самостоятельное общество под названием «Физическое воспитание»... Устав Общества был утвержден 8 апреля 1909 года, а все площадки Комиссии, организованные на городской земле, с разрешения Городской Управы были переданы новому самостоятельному Обществу...

Необходимость реорганизации подтвердилась быстрым развитием деятельности нового Общества: за короткий период с мая по декабрь 1909 года число членов возросло с 15 до 70 человек, и было приступлено к организации на отведенной Городской Управой земле двух новых площадок для игр на Миусской площади и за Пресненской заставой, а также катка на Сокольничьем кругу...

В 1909 году на Сокольнической площадке для игр записалось 285 детей – 116 девочек и 169 мальчиков. Самым младшим было 4 года (таких было 8 человек), самым старшим – 15 и 16 лет (таких было по одному). Больше всего детей было в возрасте 10 лет (49 человек), 11 лет (40), 9 лет (39), 8 лет (33), 12 лет (32) и 7 лет (29). Среднее число детей, бывавших одновременно на площадке в часы игр – 72 человека. Руководили играми два платных руководителя К. Н. и К. В. Барановы...

Любимыми играми младшего возраста были: Ножной мяч в круге, Лошадки, Хромая лиса, Черный человек, Колдун, Море волнуется, Пожарные, Пятнашки и т. п. Любимыми играми среднего возраста были: Итальянская лапта, Свечи, День и ночь, Футь-болль, Гонка мячей в круге, Пустое место, Третий лишний, Кошки мышки, Тянуться на канате и Гигантские шаги. На площадке был устроен один детский праздник с состязаниями, подвижными играми и танцами, закончившийся фейерверками.

До начала общих игр с детьми, с 17 мая до 22 октября, ежедневно с утра до вечера здесь можно было играть в лаун-теннис на 5-и плацах, из которых три бетонированные. Игра в футь-болль происходила в дни, когда не было игры с руководителями, с утра до вечера, а в дни игр – после 8 часов – постоянно играла команда Общества «Унион», кружка «Сокольники» и команды, не имевшие правильной организации, состоящие из подростков, как жителей Сокольников, так и приезжих москвичей».

Завершая разговор о работе Комиссии по устройству подвижных игр, отметим, что примерно до 1904 года этот процесс шел откровенно вяло. Об опыте внедрения на московской почве основ физического воспитания, в частности, свидетельствует доклад Николая Степановича Филитиса (секретаря Общества содействия физическому развитию, автора популярных книг «Подвижные игры на воздухе», «Подвижные игры дома и в школе» и др.), сделанный им в 1899 году

в Московском университете: «Цели были поставлены большие, но осуществление их неудовлетворительное».

Вернемся непосредственно к взрослому футболу. В самом конце XIX века энтузиасты новой игры стали собираться в Сокольниках на даче Торнтонов, где за высоким забором, хорошо перекусив, выпив чаю и обсудив свои финансовые дела, занимались гимнастикой, зимой катались на лыжах и санках, а летом играли в крокет и в становившийся модным среди аристократической элиты лаун-теннис, небольшой группой упражнялись с кожаным мячом. Свой неофициальный дружеский кружок (скорее – компанию любителей физической культуры) они называли между собой «Сокольниками», или «Ширяевым полем». Так как, именно около торнтоновской дачи когда-то проходили царские и великокняжеские соколиные охоты, и, как гласит предание, во время одной из них погиб любимый кречет царя Алексея Михайловича по кличке «Ширяй». Еще одна группа спортсменов – из Русского гимнастического общества – летом развлекалась с кожаным мячом в Петровском парке, на даче Истомина.

Сказать, что уже тогда эти люди серьезно играли в футбол, – утверждение совершенно неверное. Во-первых, играть еще было некому (5–6 любителей «постучать по мячу, попинать круглого», коротавших время на даче – не в счет), а во-вторых, играть было негде. Мы уже видели, что Комиссия по устройству подвижных игр занималась организацией площадок для активного досуга на воздухе исключительно детей,

которые, за редким исключением, их и занимали. Только начиная, примерно с 1904–1905 годов, небольшая часть этих территорий стала самовольно использоваться и взрослыми, в том числе, и для игры в футбол.

Вот и приходилось гостям Торнтона на первых порах довольствоваться для своих забав (при этом отметим, что правил игры они долгое время толком не знали, и никаких «инструкторов» ни Гигиеническое общество, ни созданная при нем Комиссия к господам-спортсменам не направляли – таковых, как мы видели, просто не было!) лишь территорией дачи (как-никак не наши социалистические шесть соток!), прилегающими лужайками и полянками. А кроме того, цели создания настоящей футбольной команды Торнтон и его окружение перед собой тогда не ставили. У них – людей солидных и авторитетных, «дельцов и банкиров, владельцев заводов, газет, пароходов» – и других забот было невпроворот. А Сокольники были для этих представителей аристократии, дворянства и крупной буржуазии, прежде всего, местом развлечений и деловых встреч. Уже очень скоро они поймут, что деньги можно делать и на спортивных играх, но пока время массированного наступления коммерческих форм развлечений и спорта еще не пришло в Москву.

Так что, никакой футбольной команды под названием «Сокольники» или «Ширяево поле» Фульда в 1896 году не создавал. Он ее действительно организовал, но только... спустя десять лет. Точно также, никоим образом нельзя счи-

тать за точку отсчета возникновения футбола в Москве редкие упражнения с футбольным мячом, которые совершали небольшие группы британцев на заводе Гоппера в Замоскворечье, на Невском стеариновом заводе и, вполне возможно, на каком-то еще московском предприятии, использовавшем в массовом порядке труд иностранных специалистов.

О том, что было дальше, читаем во всероссийском футбольном Ежегоднике: «Однако не сразу суждено было привиться московскому футболу и после начинаний на земле Гоппера, несколько лет о футболе в Москве ничего не было слышно. Лишь в 1904 году Ширяево поле стало вторым родоначальником этой игры. Компания молодежи под руководством А. Я. Торнтонна смогла возродить эту игру, и с тех пор футбол стал идти вперед уже быстрыми шагами».

В небольшой заметке «Первый футбол в Москве», помещенной в № 18 журнала «К спорту!» за 1912 год, один из ветеранов московского кожаного мяча Роберт Альфредович Вентцели пишет: «Помню, это было летом 1904 года. Как-то в один из теплых вечеров сидели мы тесным кружком в кофейной на Сокольническом кругу. Нас было шестеро: Н. А. Носов, А. И. Вашке, С. Л. Зимин, Н. В. Шапин, брат (Рудольф Вентцели – А. С.) и я. Пустые вечера были так тоскливы и однообразны, хотелось найти какое-нибудь полезное и вместе с тем приятное развлечение. Единственное в то время наше удовольствие было ходить гулять куда-нибудь, на 5-ю версту и пить чай.

Н. А. Носов, вернувшийся только что из заграницы, рассказывал нам много о спорте в Германии и Франции и главным образом, о футболе. Его рассказы нас так увлекли, что мы решили в какие-то 5 минут «с завтрашнего дня» заняться футболом. Особенно горячо взялся за дело Носов. На следующий же день мы с ним поехали «в Москву» покупать мяч. Это было, однако, не так легко сделать, так как в то время футбольный мяч был редкостью. Помню, нам в 5–6 местах отказали, и лишь в конце концов удалось найти таковой в одном магазине, где его продавали чуть ли не как предмет роскоши.

На следующий день мы собрались на площадке детских игр в Сокольниках, на Ширяевом поле, для составления партий (тогда еще не говорили «команда») После долгих разговоров и споров мы, наконец, кое-как набрали две партии: одну назвали красной, а другую синей. Ширина ворот у нас тогда была всего только 3 аршина. Мяч не вбивали ногой, а вгоняли толпой, и обыкновенно выигрывала та партия, игроки в которой были крепче. Мы тогда еще не знали, кто такой форвард или какой-нибудь голкипер. У нас с названиями было проще: были десять загонщиков и один сторож. Так мы играли около трех месяцев.

Хорошо известные в то время среди спортсменов англичане гг. Стивенс и Торнтон, узнав о нашем футболе, предложили нам устроить состязание русских против англичан. Мы охотно согласились, назначили день игры. Англичане, кото-

рые к матчу не могли собрать полную команду, приехали на площадку только в составе 7 человек, что для нас было очень приятно, как большие шансы на выигрыш. Несмотря на наши все старания, англичане вбили нам 8 сухих голей, что нас очень обескуражило. В этот же вечер мы все собрались у Носова для обсуждения причин проигрыша. Собрание затянулось надолго, и в конце концов было решено на следующий же день играть не «кучей», а каждому игроку дать определенное место и соответствующее этому месту название, кроме того, позаботиться о приобретении футбольных ботинок, отсутствие которых мы считали чуть ли не главной причиной нашего проигрыша англичанам.

Спустя некоторое время мы устроили состязание с «быковцами». За три дня до матча только и говорилось об этом состязании. К этому дню мы себе даже сшили форменные фланелевые рубашки (белые с красной полосой). Приехали «быковцы». Переодевшись, они вышли на поле в странном для нас в то время одеянии. Некоторые из присутствующих дам и благодетельницы со своими скромными воспитанницами поспешили ступать, будучи сильно шокированы «неприличным» и невиданным зрелищем – видом «больших детей с голыми ножками». «Быковцы» оказались не хуже англичан, они уже тогда играли почти по правилам, которые им указал живущий в Быкове один англичанин, некий Варбург, игравший за границей в хорошей команде голкипером. Он в этом состязании действительно по-

казал много ловкости и умения, за что был награжден аплодисментами. На другой же день более половины наших «синих» и «красных» хотели играть голкипера, а до состязания считалось это место самым неинтересным и часто за отсутствием игрока «сторожа» пускали к «загонщикам», а его место заменял или какой-нибудь мальчик, или оно совсем пустовало.

Увлечение этим спортом среди нас было так велико, что мы в первый же год играли до первого снега. Зимой устраивали чуть ли не еженедельно собрания для подготовки к следующему сезону. Выписали себе и ботинки и щитки, вообще все необходимое, и с нетерпением стали ожидать наступления весны, чтобы опять приняться «за дело».

На следующий год мы стали уже кое-что понимать в футболе; в наших командах появились уже некоторые с «обрезанными брюками». Летом часто устраивали состязания с «быковцами», а осенью – с англичанами. Несмотря на то, что, за неимением лишних игроков, состязания устраивать было трудновато, мы все же часто играли. В продолжение двух лет мы, кажется, не выиграли ни одного состязания. На третий год стали уже появляться новые игроки, и вскоре образовались два клуба: Сокольнический клуб спорта и кружок «Сокольники».

Хотя начало футбола дало нам мало чисто спортсменских радостей, зато это время оставило нам много самых приятных и симпатичных воспоминаний».

Как видим, с 1896 по 1904 год в истории московского футбола сплошное «белое пятно». Но пустота ли? Чтобы хоть как-то разобраться в этом вопросе, обратимся к воспоминаниям еще одного пионера московского футбола – Леонида Сергеевича Смирнова. Судя по его рассказу, со временем в Сокольниках появилась еще одна группа людей, неравнодушных к футболу. Но, обо всем по порядку. Как-то, осенью 1900 года, студенты ИМТУ – Императорского Московского технического училища (сегодня это Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана), что располагалось в Немецкой слободе на одноименной улице, расходились по домам после лекций. Дорога лежала мимо Московского стеаринового и мыловаренного завода. Он находился в районе Вознесенской (сегодня – улица Радио) и Салтыковской улиц. Последняя шла вниз к Яузе и Салтыковскому мосту. Она неоднократно меняла свое название, одно время и вовсе была безымянной, затем была продолжением улицы Радио, а сейчас опять сменила название, и дома на ней стали приписаны к Набережной Академика Туполева (до переименования – Салтыковская и Разумовская набережные). В 1918–1939 годах прямо напротив бывшего завода (рядом с этим местом сейчас расположен Всероссийский научно-исследовательский институт органического синтеза – ВНИИОС) появились мощные корпуса ЦАГИ и КБ Туполева. В наши дни небольшая часть хозяйственных и административных построек завода сохранились в неизменном ви-

де, а часть была стилизована под старину. Все эти строения принадлежат Туполевскому комплексу, на территории которого сегодня разместились коммерческие организации (под брендом «Бизнес Центр Туполев Плаза»), а в излучине Яузы между улицей Радио и Салтыковским мостом, на месте бывших корпусов ОАО «Туполев» вырос высотный жилой комплекс «Каскад». К сожалению, изобретатели авиационной техники и высококлассные инженеры современной Ресурсной Федерации оказались не нужны...

Стеариновый завод был учрежден в Санкт-Петербурге еще в 1839 году подданными Великобритании Казалетом, Кроном, Миллером и другими, а в 1857 году такое же производство «для фабрикации стеариновых и солнечных свечей, мыла и олеина» появилось и в Москве. В декабре 1867 года петербургское и московское отделения объединились на паях под названием «Невское стеариновое товарищество», которое, благодаря отменному качеству изделий быстро стало известно не только в России, но и в мире. Достаточно сказать, что продукции Товарищества было присвоено 10 Гербов Российской Империи. Уже в начале XX в. оно представляло собой солидной предприятие: производило 40 разновидностей свечей отличного качества, глицерин, стеарин, и, конечно, туалетное и хозяйственное мыло. Запах, правда, стоял в округе, мягко говоря, своеобразный, но от этого никуда не денешься. Терпели.

Так вот, проходя мимо этого «ароматного свечного заво-

дика», молодые люди увидели сквозь решетчатую ограду, как на пустыре группа взрослых мужчин, сняв пиджаки, била ногами по большому кожаному мячу. Через какое-то время картина повторилась, и молодые люди заинтересовались этим непонятным для них зрелищем. С тех пор студенты подолгу стояли около забора, стараясь понять, чем же занимаются эти взрослые люди. Все их настойчивые вопросы к гонящим мяч мыловарам оставались без ответа. Однако загадка вскоре была разрешена.

Совершенно случайно в руки одного из студентов попал английский журнал с иллюстрациями, изображающими что-то очень похожее на то, чем занимались британцы со стеаринового завода. Нашли переводчика и выяснили, что эта игра называется «футбол». В журнале оказались и более ценные сведения, а именно реклама одной из торговых фирм, которая за предоплату высылает футбольный мяч, другие необходимые принадлежности и правила футбольной игры в любую часть мира, в том числе, и в Россию.

В этой истории (почти в таком же точно виде она приведена и в уже упомянутой нами книге Б. Фоменко, только там автор почему-то ссылается на рассказ другого кандидата в олимпийскую сборную России 1912 года – Бориса Николаевича Манина, отец которого служил счетоводом в бухгалтерии правления Общества Моск. – Казанской ж.д.) больше всего поражает следующее: в то время, когда в соседнем Петербурге (всего каких-то 700 км!) уже во всю гоняли ко-

жанный мяч, готовились к образованию собственной лиги и проведению городского первенства, в Москве только-только узнают о существовании футбола, и то, из случайно попавшегося под руку английского журнала. Причем, эта новость стала откровением не для каких-то неграмотных рабочих, извозчиков или «кухаркиных детей», а для людей из высшего общества, родители которых имели средства, и наверняка не последние, чтобы дать свои отпрыскам приличное образование.

Почему так? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет. У В. М. Фалина по этому поводу своя версия: «Первым российским футболистам пришлось противостоять осуждающему мнению родителей, друзей, начальства на службе, наконец, невест и жен. Особенно тяжело им пришлось в Москве, где уклад жизни был значительно консервативнее, чем в Петербурге. На берегах Невы влияние иностранцев, в том числе и на проведение досуга, ощущалось гораздо сильнее, а поэтому увлечение спортом пришло раньше и, в целом, с меньшим противостоянием со стороны обывателей».

Вернемся к воспоминаниям Л. С. Смирнова. В итоге, студенты «скинулись», переслали деньги по указанному адресу и вскоре посылка (мяч и правила) из Англии была уже в Москве. Мяч-то прибыл, а как его надуть никто не знал. Пришлось идти на поклон к заводским англичанам, которые и научили студентов надувать мяч с помощью велосипедного насоса. Вскоре с грехом пополам перевели с англий-

ского правила игры. При этом что-то перевели неправильно. В частности, студенты полагали, что голкипер имеет право только отбивать мяч руками. И поэтому наши первые вратари только и отражали кулаками летящий в ворота мяч, а не ловили его. Ошибку поняли только через два года.

А весной следующего, 1901 года студенты ИМТУ, возглавляемые самыми активными среди них Петром Розановым и Романом Серпинским (сын купца Сретенской части Якова Ивановича Серпинского – Роман, окончив ИМТУ, получил диплом инженера-технолога, а к 1913 году он уже владелец Торгового дома «Серпинский Роман и К^о», фабрики «белометаллических» изделий в Ширяевом тупике, что рядом с 1-й Мещанской ул.), отправились в Сокольники, на Ширяево поле, поблизости от которого в те годы устраивались народные гуляния, различные аттракционы, балаганы и производилось чаепитие из горячих самоваров. Здесь же, на детской площадке, позже переданной Обществу физического воспитания, длиной около 85 метров, шириной – не более 60, и стали студенты проводить свои первые опыты с мячом.

Под руководством братьев Романа и Виктора (он учился в Московском университете) Серпинских площадка вскоре была оборудована в соответствии с указанными в правилах параметрами (размер, правда увеличить не удалось, так как места не хватало), а вот ворота студентам показались слишком «широченными», и они решили их уменьшить...

на треть. А как решили – так и сделали. В итоге, играла молодежь на нестандартном поле, предназначенном для детских забав, с нестандартными воротами. И были тому ужасно рады, так как лучшего все равно не существовало. Кроме того, Общество физического развития, коему принадлежала эта площадка, имело рядом три хороших по тем временам теннисных корта и простого типа раздевалку. Она была настолько мала, что одновременно в ней могли помещаться только шесть человек.

Постепенно к ребятам Технического училища примкнуло несколько студентов других высших учебных заведений, а также гимназистов старших классов. Л. С. Смирнов уверяет, что именно в этот момент оказались в Сокольниках уже знакомые нам Николай Носов, Сергей Зимин, Николай Шашин, братья Роберт и Рудольф Вентцели. И даже – с собственным мячом! Правда, как мы помним, Роберт Вентцели говорил, что попали они с друзьями в Сокольники только летом 1904 года.

И еще. Николай Шашин (его отец – Василий Васильевич – был купцом и содержал гостиницу на Страстном бульваре в доме Засецкого, а также являлся учредителем торгового Товарищества «В. Шашин и А. Ипатьев») родился в 1887 году. В 1901 году ему исполнилось всего 14 лет, и студентом он никак не мог быть, а вот в 1904 году – дело другое. Мало того. Срок обучения в ИМТУ составлял тогда 6 лет. Р. Я. Серпинский окончил Училище в 1907 году и поэтому посту-

пить в заведение он мог не ранее 1902 года. Все это как-то не стыкуется по времени с датами, приведенными в воспоминаниях Л. С. Смирнова, А. И. Вашке, К. М. Жибоедова и М. Д. Ромма.

Вообще-то, провести детальную, с точной временной привязкой историческую реконструкцию событий, происходивших в московском футболе начала XX века, совсем не просто. Во-первых, из-за практически полного отсутствия ссылок на эти факты в московской прессе тех лет (если такие данные изредка и просачивались на страницы газет и журналов, то были до обидного скудны и практически не оперировали датами – современников рождения футбола, людей, стоявших у его колыбели, они, разумеется, не интересовали), а, во-вторых, из-за разноречивости, имеющих место расхождений (местами существенных) в редких воспоминаниях участников указанных событий (например, тот же Вентцели рассказывал, что футбольный мяч он с друзьями купил в магазине в 1904 году, в то время как Смирнов утверждает, что появились мячи в Москве только в 1907 году). Что, в принципе, и не мудрено, так как большинство из перечисленных выше лиц писали свои заметки спустя много лет после случившегося. Так, Л. С. Смирнов датирует свои записи аж 1968 годом! А по прошествии такого солидного времени хронологический отрезок, что годовой, что пятилетний, практически не различим. Да и память человеческая, к сожалению, механизм хрупкий и не совсем точный.

Но вернемся к нашему повествованию. Итак, собравшиеся в Сокольниках энтузиасты кожаного мяча стали с ним практиковаться. А однажды местные сокольнические мальчишки сообщили студентам, что видели на одной из дач группу мужчин, игравших за забором в мяч. Вскоре молодежная группа братьев Серпинских и более солидная (и по возрасту, и по спортивному опыту) группа англичан А. Я. Торнтон и победителя клубного чемпионата Московского общества любителей лаун-тенниса 1901 года Ф. А. Стивенса (а это именно их видели местные ребята и об этом же вспоминал Вентцели) встретились и познакомились. В компании иностранцев был ряд людей, сыгравших впоследствии значительную роль в деле развития московского футбола: Р. Ф. Фульда, П. А. Мусси, П. Ф. Миндер, К. Г. Бертрам и другие.

Наша молодежь предложила устроить состязание: русских против англичан. Те любезно согласились, и вскоре эта игра состоялась на подготовленной студентами площадке. Итог ее мы уже знаем – 8:0 в пользу англичан. Обескураженные поражением москвичи решили больше тренироваться, и больше играть. Причем, тренироваться как самостоятельно, так и в компании новых единомышленников-иностранцев. Никто не возражал. Именем «Сокольники», или «Ширяево поле» теперь назывались все футболисты, гонявшие в этих краях кожаный мяч. «Ширяевцы» тренировались, играли между собой и со своими гостями, так как других соперников в

Москве у них тогда не было.

А теперь предоставим слово еще одному родоначальнику московского футбола – Андрею Ивановичу Вашке. 21 мая 1922 года, в день пятидесятилетия Кружка футболистов «Сокольники», прошло общее собрание членов КФС, где ветеран клуба, его почетный председатель зачитал отчетный доклад. По национальности Вашке был чехом, по профессии – пивоваром (скорее всего, мастером или технологом). В «Альманахе русских пивоваров», изданном в 1894 году на русском и немецком языках, список петербургских предприятий открывает уже знакомый нам Калининский пивоваренный завод, крупнейший в Российской империи – к 1914 году он производил 5,5 млн ведер пива. Там же приводится и технический персонал предприятия, среди пивоваров которого мы видим и фамилию Вашке (Waschke).

Позже он перебрался в Москву и работал в местном отделении Калининского пивомедоваренного товарищества на Сокольническом шоссе. Здесь вырабатывали высококачественные сиропы, морсы, минеральную и газированную воды. А. И. Вашке долгие годы состоял действительным членом Московского клуба лыжников, Императорского московского речного яхт-клуба, где входил в состав зимней комиссии. Андрей Иванович отлично играл в хоккей, был одним из лучших фигуристов Москвы, а с 1909 года тренировал поклонников этого вида спорта в ОФВ. После революции Вашке остался в Москве, жил в Остроумовском (Бахрушинском)

тупике в Сокольниках, до 1923 года руководил КФС, занимал пост заместителя председателя правления МФЛ, входил в состав Коллегии судей при МФЛ, позже возглавлял секцию фигурного катания МГСФК, был членом конькобежной секции ВСФК РСФСР, и скончался в 1935 году.

Фрагменты прочитанного Вашке отчетного доклада мы и предлагаем вашему вниманию. «По поручению комитета я должен был написать доклад о деятельности кружка за его 15-летний период, но, не имея под рукой хорошего статистического материала, освещающего вполне объективно деятельность Кружка за это время, я вынужден был свое перо направить по линии менее трудной, а именно по линии воспоминаний. Чтобы перейти к истории возникновения нашего Кружка, я невольно должен вернуться на несколько лет назад. Приехав в Москву в 1895 году, я застал здесь спорт в самом зачаточном состоянии. Летом особенно увлекались велосипедом. Это увлечение граничило с каким-то сумасшествием. На Ходынке был даже специальный ипподром, где проходили гонки, такой же ипподром строился и в Сокольниках. Спорт же на открытом воздухе делал тогда свои первые шаги...

Как-то вечером, приехав на Ширяево поле, я увидел, что молодежь гоняет мяч. Инстинктивно чувствуя влечение к такому занятию, я подошел к одному из играющих, представился, назвав свою фамилию «Вашке», не особенно внятно произнеся второй слог, чем дал повод понять этому играю-

щему, что я буду гонять мяч за его партию. Оказалось, что принявшая меня партия была в проигрыше, и появление нового игрока поправило их дела. Играл я в этот вечер часа два, а с этого дня не пропускал ни одного вечера, чтобы не побывать на Ширяевом поле. Я стал завзятым футболистом, а вскоре даже знаменитостью. Когда я приходил в театр или в гости, меня всегда представляли: «Это знаменитый центрфорвард Вашке».

И вот с тех пор, как только в Сокольниках стаивал снег и туда перебирались на дачи жители города, оживала и жизнь Ширяева поля, оживал футбол. На предложение англичан московской английской колонии в нашу игру внести больше порядка и системы, Ширяево поле охотно откликнулось и организовало игры по командам... Скоро у наших спортсменов зарождается мысль о соревновании с другими кружками, так как играть все время у себя и со своими «красными» против «синих» становится однообразным и малоинтересным. «Ширяево поле» начинает гастролировать. Первый год гастролей был все больше в Останкине, где по примеру Сокольников тоже соорудился футбол. Главным организатором в Останкине был С. И. Чернышов, большой любитель спорта на открытом воздухе. В следующие годы гастролы «Ширяева поля» начинают расширяться поездками в Быково по Казанской ж. д... Затем осенью команда «Ширяева поля» начинает встречаться с игроками при заводе бр. Гоппер на Щипке, в Замоскворечье.

Вот приблизительный состав нашей команды того времени: голкипер – Виноградов Владимир (М. Ромм кроме того вспоминает вратаря по фамилии Баньолесси); беки – Вентцели Роберт, Розанов Петр; хавбеки – Зимин Сергей, Шанин Николай, Вентцели Альфред; форварды – Вентцели Рудольф, Волчков Александр, Вашке Андрей, Венийон Франк и Розанов Федор. Названный состав впервые стал играть в форме (фланелевые белые фуфайки с красной полосой, или без нее, и белые трусы) и в бутсах. Это было в 1901–1902 годах».

Не вдаваясь больше в подробности таинственных «временных сдвигов» в мемуарах наших прославленных ветеранов (помните рассказ Вентцели о том, как они с друзьями, в числе которых упоминается и Вашке начинали играть в футбол? Речь там идет о 1904 году! – А. С.), остановимся пока на другом. Чтобы понять, что же из себя представляли пионеры московского футбола в социальном плане, познакомимся с двумя из них – Сергеем Зиминым и Николаем Носовым. Сергей Леонтьевич Зимин – потомственный почетный гражданин, отпрыск известного клана купцов, старообрядцев-беспоповцев поморского согласия, а позднее – предпринимателей и меценатов, выходцев из деревни Зуево Богородского уезда, основателей шелкоткаческого производства в подмосковной Дрезне и Орехово-Зуево, известного как Акционерное общество «Товарищество Зуевской мануфактуры И. Н. Зимины». Это было одно из крупных про-

изводств России. На фабриках «старых Зиминых» работало 4500 человек, а годовое производство выходило на сумму в 13 млн. рублей.

Со временем фабриканты Зимины заняли одно из ведущих мест в мануфактурной промышленности. На их фабриках вырабатывались платки шелковые и атласные, грезентин, нанка, миткаль, марсемен, коленкор, плис и поплин. Зимины открыли торговые конторы, магазины розничной и оптовой торговли во многих крупных городах России и за границей. Зиминым принадлежали и несколько зданий в центре Москвы. Например, тот самый дом на Гоголевском бульваре, где сейчас расположен шахматный клуб.

В деле процветания мануфактуры были заняты и семь (!) сыновей Леонтия Ивановича Зимина (он жил в Москве на Большой Алексеевской улице): Николай, Иван, Алексей, Сергей, Александр, Владимир и Василий. В число первых московских футболистов поначалу попал только один из них – Сергей Леонтьевич (к тому же, он прекрасно играл в лан-теннис, неоднократно участвовал в состязаниях СКС). Родной дядя и тезка футболиста Зимина – Сергей Иванович Зимин, известный владелец и антрепренер московской частной оперы. На свою долю семейного капитала выпускник Александровского коммерческого училища в 1904 году выкупил у купца Солодовникова здание на Большой Дмитровке (сейчас – это Московский театр оперетты), и организовал там «Оперный театр Зимина», быстро ставший популярным

среди столичных любителей прекрасного. Сергей Зимин и сам пел с этой сцены. Но, конечно же, не был там главной звездой. На сцене Оперного театра Зимина гастролировали певцы ранга Федора Шаляпина и Леонида Собинова.

Интересно, что Дмитрий Борисович Зимин – широко известный создатель сотовой сети «Би-Лайн» и АОО «Вымпелком» – прямой потомок Ивана Никитовича Зимина, дяди первого московского футболиста. Причастны Зимины и к созданию первых футбольных кружков в Дрезне (они содержали здесь сразу две команды). Нередко футболисты фабрик Зиминых встречались с командами их родственников – Морозовых из соседнего Орехово-Зуево.

Товарищ Зимина по команде – потомственный почетный гражданин, известный московский автомобилист-спортсмен (у него было единственное в Москве белое, изящных очертаний двухместное торпедо «Runa Bout» фирмы «La Vuire»), участник многих междугородних автопробегов и теннисных турниров Николай Александрович Носов, был сначала членом, а затем и директором правления промышленно-торгового Товарищества мануфактур братьев Носовых с основным капиталом три миллиона рублей, суконно-шерстяная фабрика которой на Малой Семеновской улице в Лефортове после революции получила название «Освобожденный труд» (в первые годы советской власти была даже футбольная команда с таким именем). На начало XX века число рабочих фабрики составило 1125 человек, работавшим по 50

специальностям, вводились новые мощности в Черкизове, Курской губернии. Накануне Первой мировой войны Носовы выпускали около полумиллиона метров ткани в год, они славились своими пуховыми одеялами, платками и мундирными сукнами. Им принадлежали торговые ряды в центре Москвы, на Макарьевской ярмарке. Ткани сбывались и за границей – в Хиве, Бухаре, Персии. Семья Носовых принадлежала к старообрядцам Преображенской общины, что немало способствовало процветанию их предпринимательского дела.

Родственными узами Носовы были связаны с другими известными московскими старообрядцами. В частности, Алексей Александрович Бахрушин (этой семье принадлежало известное «Товарищество кожевенной и суконной фабрик Алексея Бахрушина сыновей в Москве»), основатель Театрального музея, был женат на Вере Васильевне Носовой, а Василий Васильевич Носов женился на красавице Ефимии Павловне Рябушинской. Кроме всего прочего, Николай Носов был одним из директоров-распорядителей Московского общества охоты имени императора Александра II, членом Русского охотничьего клуба, старшиной Московского автомобильного общества. Вот такие люди стояли у истоков московского футбола!

Одновременно, как уже отметил А. И. Вашке, развивался футбол и в подмосковном Быково. Возникновение поселка относится к 60–м годам XIX века, когда построили Ка-

занскую дорогу и на ней в 1862 году открыли станцию Быково. Названия станции и поселка повторяют название села Быково, расположенного в трех километрах к западу. Как и в других пристанционных поселках, здесь в сосновом лесу близ станции были вырублены просеки для дачных участков. В 1899 году в поселке насчитывалось 45 домов, в которых проживало 150 постоянных и столько же временных жителей (дачников) на земле, арендованной в Удельном ведомстве и у жителей деревни Верея.

Огромную роль в деле пропаганды и развития дачного футбола в Быково сыграли братья Серпинские, которые летом проживали в этой дачной местности. Особенно младший из братьев – Виктор. Кроме Серпинских в Быково летом жили многие спортсмены «Сокольников» и другие состоятельные московские персоны. По неподтвержденным пока данным, уже в 1899 году в Быково состоялся матч между командой, составленной из жителей села Раменское и дачников Быково, с командой английских специалистов, монтировавших новую технику на Малютинской текстильной фабрике. Что это были за дачники – неизвестно.

То, что Быково являлось одним из центров футбольной Москвы того времени, подтверждает и Ежегодник ВФС, который пишет: «Футболисты Ширяева поля на лето в большинстве перекочевывали в дачную местность Быково, где своей игрой быстро увлекли местную молодежь, организовавшуюся в футбольные команды. В трех пунктах – поле

Гоппера, Ширяево поле и Быково, и обосновался надолго футбол. Между командами этих полей устраивались состязания, тогда совершенно не интересовавшие публику и мало привлекавшие зрителей».

Быковцы арендовали у местных крестьян часть выпаса для скота. Земли было много, так что футбольное поле устроили нужных параметров. Построенные строго по размерам, указанным в правилах игры, ворота не казались уже на таком пространстве огромными. Года два практиковались быковские футболисты в игре, а в 1902 году по инициативе Виктора Серпинского состоялась первая встреча между футболистами Ширяева поля и Быково. Игра проходила на поле первых. Футболисты Ширяева поля «загнали» в ворота быковцев мяч пять раз, быковцы же – только один. Именно «загнали», потому что тогда еще никто не умел бить по воротам.

Леонид Смирнов по памяти приводит фамилии игроков, принимавших участие в том первом состязании московских футболистов. Команда «Ширяева поля» (в играх с быковцами ее именовали «Москва») выступала в таком составе: Владимир Виноградов – Петр Розанов и Роберт Вентцели – Сергей Виноградов, Сергей Зимин и Альфред Вентцели – Рудольф Вентцели, Николай Слепнев, Андрей Вашке, Федор Розанов и Иван Казаков. За «Быково» играли: Сергей Канабеевский – братья Герке – Владимир Зернов, Сергей Парфенов и Сергей Чаплыгин – Михаил Эфрон, Роман Серпин-

ский, Виктор Парфенов, Виктор Серпинский и Александр Скорлупкин. Приведенные Вашке и Смирновым фамилии пионеров московского футбола навечно вписаны в историю столичного кожаного мяча.

Отметим, что если верить рассказу Вентцели, то получается, что встреча ширяевцев с быковцами в указанном ниже составе ранее 1904–1905 годов состояться не могла. И тогда возникают две версии: или на поле в 1902 году выходили какие-то другие футболисты (что представляется наиболее вероятным; Владимиру Виноградову, например, в 1902 году исполнилось... 13 лет! Возможно, это был Петр Виноградов, которому на тот момент было 28 лет, или 18-летний Дмитрий), или эти матчи состоялись несколькими годами позже, но это утверждение опровергается как петербургской, так и московской прессой, в чем мы ниже убедимся.

На следующий год (по версии Смирнова и Вашке) состоялась повторная встреча между этими командами, теперь уже на поле быковских футболистов, которые легко победили со счетом 4:0. Все четыре гола забил Виктор Серпинский, одним из первых научившийся наносить удары по воротам. Причем он бил по мячу только носком, отчего удар получался очень сильным.

В 1902 году в петербургском «Спорте» за 18 мая можно было прочесть следующую заметку корреспондента под звучным псевдонимом Руль: «В заключении – интересная новость. В Москве основывается кружок... футболистов!

Невероятно, но факт! Москвичи увлеклись игрой в футбол. Кружок составляют пока 11 человек. Скептики качают головами и говорят, что тут будут больше «квасить носы», чем играть в футбол. Ну, да мало ли ведь что скептики иногда говорят». А через три месяца в очередном номере того же журнала московский корреспондент спешил информировать читателей, что «оказывается и в Москве проходят матчи в футбол; очевидно, однако, этот спорт не очень распространен, так как только теперь мы узнали, что первый матч в футбол состоялся в прошлом году. Играют в Москве в двух местах – в Сокольниках и на станции Быково Рязанской железной дороги».

А вот, что писали 2 августа 1902 года «Московские Ведомости»: «Недавно происходили состязания в игре в футбол между группами любителей: с одной стороны играли представители Сокольников, с другой – станция Быково, Рязанской дороги. Первое состязание являлось реваншем за прошлогоднее поражение, понесенное быковскими футболистами, проигравшими сокольникам одну партию.

В этом году счастье оба раза было на стороне быковских игроков. В состязании 8 июля на Ширяевом поле, в Сокольниках, они взяли четыре партии против одной; во втором, состоявшемся в Быкове, на площадке для футбола, три против одной. 4 августа, в 4 часа пополудни, состоится в Сокольниках третье состязание на месте, отведенном для детских игр.

Быковские футболисты одерживали верх, благодаря, главным образом, своему образцовому порядку, тогда как сокольническая партия больше обращала внимание на энергичное ведение игры, которая, благодаря этому, отличалась оба раза большим оживлением. Воодушевлению играющих способствовала также и публика, в большом числе собравшаяся к месту игры и горячо выражавшая сочувствие той или другой партии».

К сожалению, журналисты начала XX века не назвали имен первых московских энтузиастов кожаного мяча, однако убедительно подтвердили, что 1901 и 1902 годы действительно являются отправными точками первых открытых футбольных встреч в нашем городе. Также они подтвердили наше утверждение, что никакого «правильного» футбольного поля в Москве тогда еще не было, а игры проходили на площадке для детских занятий.

На протяжении последующих долгих трех лет футбол в Москве «варился в собственном соку». «Быковцы» играли в Быково, «Ширяевцы» – в Сокольниках, британцы – за заборами металлургического и мыловаренного заводов. В прессе тех лет о московском футболе – ни слуху, ни духу. Даже в питерской, которая все всегда знала. На сегодняшний день объяснения подобной стагнации, своеобразного «технологического» перерыва в эволюции столичного футбола – нет.

Выше мы уже отмечали, что москвичей футбол тогда практически не интересовал. Они предпочитали бега, скач-

ки, велосипедные гонки (в Москве было два циклодрома – в Сокольниках, рядом с пожарной частью, и на Ходынке) и речные гребные состязания. Но со временем любителей кожаного мяча становилось все больше. В Быково, например, желающих записаться «в футболисты» собралось уже до 40 человек. Были среди них и местные жители, но большинство составляли отдыхающие. На матчи стали приходить родители, чтобы посмотреть, как играют в футбол их дети. У дачных футболистов впервые появился «свой зритель». А около взрослых футболистов всегда вертелись мальчишки. Они гонялись за улетевшим мячом и обязательно старались подать мяч играющим ударом ноги.

В Быково таких ребят 12–14 лет в шутку называли «загольные голкиперы». Вот из них-то и создалась в 1905 году первая детская футбольная команда. В нее вошли подростки в возрасте 14–15 лет. Многие из них потом стали игроками лучших московских клубов. Вот состав той команды (приведен М. Д. Роммом): вратари – Николай Васильев и Петр Кудрявцев; беки – Михаил Ромм и Борис Николаев; хавбеки – Федор Римша, Алексей Парфенов и Николай Калмыков; форварды – Михаил Смирнов, Владимир Соколов, Константин Смирнов, Александр Васильев и Леонид Смирнов.

Четверо из перечисленных футболистов через несколько лет выступало за сборную России, а Петр Николаевич Кудрявцев долгие годы, до своей скоропостижной кончины в 1917 году, занимал ответственный пост секретаря Москов-

ской футбольной лиги. Сильный, двухметрового роста, быстрый и цепкий, неуступчивый в единоборствах, умело играющий головой, обладавший сильнейшим ударом, капитан сборной России первого созыва Михаил Ромм был сыном казначея Московского Еврейского Благотворительного Общества «Знание» Давида Моисеевича Ромма. Играл за футбольные команды Быково, Москвы, Пушкино, Петрограда, Италии (первый легионер в истории отечественного футбола!). После революции работал тренером (со сборной Москвы стал чемпионом Спартакиады 1928 года), спортивным функционером, журналистом. Он – один из первых теоретиков советского футбола. В 1943 году был репрессирован и сослан в Казахстан, умер в 1967 году.

Участник Олимпийских игр 1912 года Федор фон Римша – сын Михаила Иеронима (Гергардовича) Римши и Александры-Генриетты-Эмилии фон Берг. Дворянский род Римш уходит своими корнями к рыцарям Ливонского ордена (да и сам Федор Римша был чем-то похож на средневекового рыцаря – мощный, высокий, с обритой наголо головой и мужественным, суровым взглядом). Дед Федора – Иероним (Гергард) фон Римша был учредителем и владельцем Торгового дома «Римша Г.» в Москве, который занимался продажей выделанной кожи, элитных сортов кофе, консервированных продуктов, принадлежностей для кондитерской промышленности и т. д. Федор был шестым ребенком в семье. Кроме него было еще три сестры (Мария, Шура и Вера) и два

брата – Михаил Вильгельм и Пауль Фридрих. Пауль погиб в 1914 году, а остальные Римшы перебрались в Ригу и Англию. О судьбе самого Федора Михайловича после 1914 года ничего неизвестно. С однофамильцами Михаилом и Леонидом Смирновым – членами российской сборной на Олимпийских играх 1912 года – мы познакомимся чуть позже.

Тактические уловки игры, футбольные правила быковцам, как мы помним, помогал освоить англичанин Варбург, один из постоянных обитателей Ширяева поля, летом проживавший в Быково. На первоначальном этапе создания команды в Быково Варбург защищал ее ворота. Вот, что вспоминал о тех далеких годах Михаил Ромм в книге «Я болею за «Спартак»: «...Помню, как-то летом 1903 года я ехал на велосипеде по твердым утоптаным дорожкам в подмосковной дачной местности Быково. Я тороплюсь на футбольный матч. Пересекаю железнодорожный переезд и по пыльной улице добираюсь до большого ровного поля, где в наши дни приземляются воздушные лайнеры. Поле покрыто вытоптанной травой, глубокие колеи проезжей дороги пересекают его по диагонали. Часть поля огорожена канавками, заменяющими боковые и лицевые линии. Ворота состоят из трех жердей, сеток нет. Футболисты передеваются, сидя прямо на земле. Это наша команда «Быково» и гости из Сокольников, две единственные русские футбольные команды в Москве. В Сокольниках, на Ширяевом поле, есть площадка и даже ворота с сетками, правда, не веревочными, а сплетенными из

узких жестяных полос. Думается, что это была единственная в то время пара футбольных ворот в Москве.

Мы, мальчишки, с благоговением смотрим, как игроки натягивают «настоящие» бутсы с шипами на подошвах, завязывают их длинными крепкими шнурками, перехватывая крест-накрест подъем и лодыжки, закладывают под чулки щитки, чтобы защитить голень от ударов. Тут же поблизости лежит на земле новенький, блестящий, туго набитый мяч! Мы, мальчишки, стоим у ворот и «болеем», страстно бодем за «наших», чье футбольное искусство, довольно-таки, как я сейчас вспоминаю, примитивное, кажется нам верхом совершенства. Когда же и нам выпадет счастье надеть футбольные бутсы?

Это счастье пришло скорее, чем мы ожидали: уже следующим летом Саша Скорлупкин, центральный нападающий быковцев, организовал две детские команды. Этот невысокий, стройный, голубоглазый паренек, студент-путеец (после окончания института А. А. Скорлупкин служил главным контролером Московской городской управы. – А. С.), был, вероятно, первым общественным тренером в Москве в те времена, когда слово «общественный» в современном его понимании еще не существовало, и когда о тренерах еще ничего не слыхали. Он обладал двумя незаменимыми качествами – терпением и дружелюбием. Тренировались мы с неутомимым прилежанием, готовы были бить мяч с утра до вечера. Не осуществилась еще только мечта о настоящих бутсах:

играли в чем попало. Когда я разбил вторую пару ботинок, мать отвела меня к сапожнику, и он обшил носки толстой кожей. Получилось нечто по форме похожее на широконосовые лапти. Мои сверстники называли их «броненосцы».

С той поры «Быково» стало своеобразным испытательным полигоном, где проходили обкатку и набирались опыта многие будущие игроки Сокольнического клуба спорта. В 1906 году дачная детская команда вызвала на матч команду взрослых футболистов Быково и разгромила их со счетом 6:0! После такого унижения и позора многие местные взрослые футболисты перестали играть. Большинство из них уже достигли зрелого возраста, закончили учебные заведения, поступили на работу, а многие – даже женились. Почти все женившиеся перестали играть в футбол, считая, что людям семейным не дело заниматься игрой, не солидно это как-то. На их место встали возмужавшие воспитанники детской команды, а из старого состава «Быково» продолжили играть лишь два «ветерана» – Виктор Яковлевич Серпинский и Александр Андреевич Скорлупкин.

* * *

По примеру быковцев стал организовываться футбол и в других дачных местностях по Казанской ж.д. – в Малаховке, Красково, Подосинках и Вешняках. Осенью футболисты возвращались с дач в Москву, и футбол замирал там до бу-

дущего лета. Однако, «отрава» футболом давала о себе знать и в городе.

Часть футболистов «Быково» приняла деятельное участие в организации футбола в своих учебных заведениях, гимназиях, реальных и коммерческих училищах. Так, Михаил Ромм организовал футбол в 9-й мужской гимназии имени Медведниковых, братья Леонид и Константин Смирновы, а также их товарищи Марк Варенцов, братья Шагурины и Парфеновы – в 4-й мужской гимназии. Здесь же, двумя классами младше учился и Борис Чесноков, будущий игрок «Новогиреево» и создатель лиги «диких» команд, который считал Леонида Сергеевича Смирнова своим первым учителем и тренером. Инициатором развития футбольного дела в Александровском коммерческом училище стал Борис Николаев, который с 1910 года играл за ЗКС и сборную Москвы. Кстати, Михаил Ромм, Петр Розанов и Николаев обладали самыми сильными и дальними ударами среди московских защитников. В исполнении этих мастеров такие удары смотрелись очень эффектно.

По этому поводу М. П. Сушков вспоминал: «Сильный удар подкупал зрителя, приводил его в ярый восторг – сам по себе, независимо от того, достигал ли он цели и имел ли вообще какую-либо цель. Попадались зрители, мало смыслившие в игре и два тайма сидевшие в ожидании очередной свечки, в результате которой мяч окажется за высокой кирпичной стеной завода Гоппера. Трибуны буквально стонали

от восхищения. Разумеется, никто из футболистов намеренно свечи не бил, получались они случайно. Но в народе даже складывается некая мода на эти, прямо скажем, никчемные траектории... Ведь футбол – тот же театр. И здесь работает все тот же закон взаимовлияния сцены и зрительного зала, разве что в несколько меньшей мере. Вкусы болельщиков не могли не сказываться на характере развития футбола».

Вместе с Николаевым в училище набирались ума-разума будущий известный футбольный судья и казначей Московской лиги лаун-тенниса, действительный член «Униона» и ЗКС Иван Иванович Савостьянов, вратарь сборной Москвы и ЗКС Сергей Бабыкин, будущий игрок КФС Лопухов и др. Организаторами футбола в 1-й Мужской гимназии на Волхонке были Иван Воздвиженский (его отец – коллежский асессор Константин Сергеевич Воздвиженский, служил в этом заведении, старший брат – присяжный поверенный Дмитрий Константинович, был одним из лучших теннисистов СКС, а сам Иван позже играл в ЗКС, сборных Москвы и России), Алексей Постнов и Николай Александров (со временем оба стали игроками «Униона»; интересно, что отец Постнова-младшего – потомственный почетный гражданин, владелец крупной типо-литографии Алексей Федорович, был действительным членом «Униона» с момента основания клуба и иногда выступал за 2-ю футбольную команду, а его сын Алексей – только членом-соревнователем, но зато был основным игроком 1-й команды).

Заслуживает внимания упомянутый выше потомственный почетный гражданин Москвы Марк Николаевич Варенцов. Со временем он стал известным в Москве футболистом, играл за «Вегу», КФС, ЗКС, сборную Москвы, успешно занимался другими видами спорта. До революции Варенцов успел окончить юридический факультет Московского университета. С началом 1-й Мировой войны прапорщик М. Н. Варенцов на фронте, а в начале Октябрьской революции вместе с юнкерами оборонял Кремль. В годы гражданской войны Марк сражался в рядах армии Деникина.

В 1920 году, совершенно случайно, его нашел в одесском госпитале отец, в 1918 году вместе с остатками семьи покинувший Москву, но так и не сумевший выбраться из России. Н. А. Варенцову удалось выходить больного сыпным тифом сына, но выехать за границу на одном из иностранных пароходов вместе с белогвардейскими частями им опять не удалось. Прожив в Одессе два года, Варенцовы в 1922 году вернулись в Москву. К этому времени дом Варенцовых в Токмаковом переулке был уже занят, и Марк с семьей вынужден был перебраться на Старую Басманную, в квартиру жены своего младшего брата Константина.

Каким-то чудом репрессии 30-х годов обошли Марка Варенцова стороной. Он работал юрисконсультom, а свободное время проводил за шахматами (Варенцов имел первый разряд). Умер он в 1973 году в возрасте 82 лет. Правда, вошла фамилия Варенцовых в историю России по другой причине.

Отец Марка – инженер-механик Николай Александрович Варенцов, был личностью выдающейся. В историю Москвы выходец из рода переславль-залесских и московских купцов Варенцовых, торговавших с начала XIX века москательным товаром и чаем, вошел как успешный предприниматель (его нажитое собственным трудом состояние оценивалось в 11 миллионов тогдашних рублей), хорошо известный в деловых кругах Москвы и России, и как общественный деятель.

В 1885 году Николай Александрович окончил Императорское Техническое училище, в 1889–1905 годах состоял членом правления Московского торгово-промышленного товарищества, занимался оптовой торговлей хлопком, шерстью, каракулем. Был директором правления Среднеазиатского торгово-промышленного товарищества и способствовал утверждению среднеазиатского хлопка на российском рынке. Удачливый и смелый в делах, Варенцов-старший сумел отстоять русское среднеазиатское хлопководство от попыток американских банкиров демпингом задушить его. И во многом благодаря его усилиям на российских текстильных предприятиях стали широко использовать хлопок из Туркестана, взамен привозного – американского, египетского и индийского.

В 1889–1897 годах Николай Александрович занимал должность директора правления Товарищества текстильных мануфактур Н. Разорёнова и М. Кормилицына, а затем, вплоть до 1918 года – председателя правления Большой Ки-

нешемской мануфактуры. До революции семья Варенцовых жила в собственной усадьбе (Токмаков переулок, 21). Ныне в этом здании размещается Общество купцов и предпринимателей России. Ему также принадлежали комплекс доходных домов под № 4 на Старой Басманной улице (снесены в 30-х годах) и имение Бутово под Москвой.

Николай Александрович принимал участие в ряде общественных начинаний: был гласным Московской городской думы, попечителем частной женской гимназии в Москве, активным членом Дамского попечительства о тюрьмах, в состав которого входили видные представители городской администрации, духовенства и купечества. В деловых кругах Варенцов имел репутацию честного, справедливого и отзывчивого человека. За заслуги перед страной Н. А. Варенцов был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и золотой Бухарской звездой 1-й степени.

После 1917 года Н. А. Варенцов лишился всего. В доме постоянно проводились обыски, он неоднократно арестовывался, но чудом уцелел. Живя в полной безвестности и нищете, в 30-е годы Николай Александрович нашел в себе мужество записать уникальные воспоминания о торгово-промышленном мире России рубежа XIX–XX вв., о династиях купцов и предпринимателей Бахрушиных, Морозовых, Найденовых, Перловых, Хлудовых и др., об укладе жизни купеческого сословия, революционных событиях 1905–1907 годов в Москве. Эти мемуары изданы только в 2011 году. Н. А.

Варенцов умер в возрасте 84 лет 22 января 1947 года, похоронен на Введенском кладбище. Долгие годы его имя было практически забыто.

Добавим, что Н. А. Варенцов первым браком был женат на Марии Николаевне Найденовой, дочери легендарного москвича Н. А. Найденова (с этим человеком мы еще встретимся на страницах нашей книги), которая родила Варенцову пятерых детей. Старший сын Сергей и дочери Нина и Мария после развода родителей уехали с матерью, а с отцом остались Марк и Лев. Последний тоже был известным московским спортсменом, играл за футбольные команды «Бутово», «Вега» и «Унион», а в отчетах упоминался, как Варенцов-2. После 1914 года – прапорщик, участник 1-й Мировой войны. После революции воевал в армии Колчака, и, отступая с ее частями, оказался в Китае. Лев Варенцов умер в 30-е годы в эмиграции.

Сергей Варенцов (о его футбольной карьере нам ничего неизвестно), будучи учеником Александровского коммерческого училища, оказался участником революционных событий 1905 года в Москве. Его отец считал своим преемником и сделал членом директората Большой Кинешемской мануфактуры. Но надеждам Николая Александровича не суждено было сбыться: прапорщик С. Н. Варенцов погиб на фронте в 1-ю Мировую войну.

Но, вернемся к ученическому футболу. Большой популярностью пользовался футбол и в Императорском коммер-

ческом училище на Остоженке (сейчас в этом здании размещается Московский государственный лингвистический университет, или сокращенно МГЛУ, – бывший МГПИИЯ, Московский институт иностранных языков имени Мориса Тореза). Здесь был свой довольно-таки просторный двор, где с утра до позднего вечера кипели жаркие футбольные сражения: класс выступал против класса, этаж – против этажа. Это были официальные встречи. Но еще чаще игры начинались просто так – пять на пять, семь на семь, – одним словом, сколько подберется игроков. Игры во дворе училища были, как правило, уделом мальчишек из младших классов. Учащиеся постарше облюбовали себе отличную площадку у Хамовнического плаца, где шли уже настоящие спортивные поединки, привлекавшие многих любителей.

В стенах Московского коммерческого училища обучались такие известные московские футболисты, как вратарь сборной России Мартынов, правый бек Попов, центральный хавбек Россиус, форварды Рукавишников, П. Канунников, С. Бухтеев, Шорин, Филатов-3, Мигунов, Лебедев и др.

Перечисленные нами учебные заведения, несомненно, оставившие яркий след в изначальной истории московского спорта, ставшие настоящей кузницей детского и юношеского городского футбола, заслуживают того, чтобы читатель смог, хотя бы вкратце, с ними познакомиться.

9-я классическая гимназия имени Ивана и Александры Медведниковых (в настоящее время – школа № 59 им. Н.

В. Гоголя) находилась в Староконюшенном переулке. Она поначалу существовала при поддержке московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Руководители этой экспериментальной гимназии сумели создать новый тип гимназического образования в России, рассчитывая, что по образцу Медведниковской гимназии будет перестроена вся школьная система. Количество часов на изучение древних языков было сокращено, зато обязательным стало изучение новых: французского, немецкого, английского, расширилось преподавание мироведения, естественной истории, физической географии, анатомии и гигиены. Гимназия выделялась из ряда существующих в то время не только передовыми методами обучения, но и была оборудована прекрасными аудиториями, актовым залом, спортивным залом и ботаническим садом, отвечающим всем требованиям педагогики и медицины.

Физкультура стояла здесь особняком. Если раньше гимнастику преподавали факультативно, по желанию и возможностям, то теперь отношение к ней изменилось, согласно европейскому опыту и самому древнегреческому понятию гимназии как места для гармоничного развития ума и тела. Для Медведниковской гимназии была принята шведская гимнастика в качестве обязательной дисциплины плюс занятия строевым обучением и фехтованием. Среди штатных преподавателей гимнастики этого учебного заведения назовем такие известные в Москве имена, как подполковник Ни-

колай Митрофанович Ремезов, штабс-капитан Сергей Николаевич Дрейер, Леонард Викторович Вегелиус (автор книги «Теория шведской гимнастики: лекции, читанные на курсах по подготовке преподавателей гимнастики при Моск. Учеб. Окр.», учредитель Серебряного кубка для лучшего легкоатлета Москвы, действительный член МКЛ, член правления московской лаун-теннисной лиги, в 1917 году – член правления Замоскворецкого клуба спорта, как и еще один служащий этой гимназии – Иван Александрович Гридин), Владимир Александрович Щеголев, Петр Михайлович Зверев и уже хорошо знакомый нам Н. С. Филитис.

Факультативным остался только ручной труд – столярное ремесло, которым занимались по желанию. Одним из важнейших был признан наглядный метод обучения – даже для закона Божия были сделаны пособия плюс экскурсии в ближайшую церковь для ознакомления с устройством православного храма и для изучения церковной утвари. И это было признано нормой образования, правда, очень хорошего.

Среди учеников школы – археолог Н. Я. Мерперт, актер Р. Я. Плятт, писатель-фантаст Кир Булычѐв, академик С. С. Аверинцев, академик В. И. Арнольд, ректор ПСТГУ протоиерей Владимир Воробьев, политик и писатель В. К. Буковский, писатель М. П. Шишкин и др. Ну и, конечно же, молодая поросль первых московских футболистов. М. Ромм писал: «Мне вспоминается четвертый класс Медведниковской гимназии, куда я поступил в 1904 году. Во дворе школы были

установлены футбольные ворота, и здесь ежедневно во время большой перемены шли ожесточенные баталии. Осенью и весной играли мячом, зимой двор заливался, и мяч заменяла небольшая деревянная шайба...».

Александровское коммерческое училище – среднее специальное учебное заведение «для приготовления к торговой деятельности юношей из купеческих, мещанских, ремесленных и крестьянских семей». Оно было основано в 1880 году Московским биржевым обществом по инициативе известного предпринимателя и выдающегося общественного деятеля Николая Александровича Найдёнова на частные пожертвования и занимало помещения дворцового комплекса, возведенного в 1799–1801 годах архитектором Р. Р. Казаковым для князя А. Б. Куракина на углу Старой Басманной улицы и Бабушкина переулка.

Ученики, окончившие полный курс училища, получали аттестаты и звание личного почётного гражданина, отличившиеся по успехам и поведению удостоивались звания кандидата коммерции и награждались золотой или серебряной медалью. Заметное место в учебной программе отводилось и физическому развитию воспитанников училища. Возглавлявший одно время Училище А. В. Летников, известный не только как выдающийся ученый, но и как специалист в области распространения в России профессионального образования, писал: «Наше училище должно готовить молодых людей не к ученым званиям, а к жизни и к трудовой дея-

тельности в обществе. Задача воспитания здесь не только не может быть отделена от учебного дела, но следует сказать, что эта задача ещё важнее учения...». Отдельно он останавливался на важности физического воспитания для развития энергии, подвижности, ловкости, здоровья, «что немаловажно в нашем климате».

В 1892–1917 годах это заведение подготовило свыше тысячи специалистов прикладной экономики и коммерции. Среди его выпускников видные деятели промышленности, коммерсанты и банкиры из семей Крестовниковых, Лапных, Морозовых, Перловых, Хлудовых, Четвериковых, а так же А. М. Ремизов – писатель, лингвист, художник и философ. В 1918 году Александровское коммерческое училище было закрыто. В его корпусах открыта 6-я советская трудовая школа II ступени Басманного района, а в 1920 году разместились Промышленно-экономический институт и техникум.

4-я Московская мужская гимназия была основана 1 июля 1849 года и до 1861 года размещалась в доме Пашкова на Моховой. В середине XIX века это здание решено было передать Московскому университету и Румянцевскому музею, переезжавшему из Петербурга в Москву. Чтобы переселить гимназию, они купили для нее за 125 тысяч рублей Дом-усадьбу Апраксина-Трубецких на Покровке (современный дом 22). Этот необыкновенной красоты дворец в бело-голубых тонах является истинным украшением Покровки. «Дом-

комод», как его называют в Москве, был построен во второй половине XVIII века неизвестным мастером школы В. Растрелли. Это редчайший в Москве гражданский памятник в стиле елизаветинского барокко: особняк на Покровке часто называют московским Зимним дворцом в миниатюре. Есть предание, что этот дом императрица Елизавета Петровна подарила своему тайному мужу графу Алексею Разумовскому и в этом же доме они справляли свадьбу Венчание происходило в соседней Воскресенской церкви, от которой сейчас остались одни развалины.

В этой гимназии учились дети профессоров, врачей, инженеров, помещиков, священников, военных, купцов. 4-я гимназия была классической гимназией высшего разряда – с двумя древними языками, латынью и греческим, что давало право после ее окончания поступать в Московский университет. В этой гимназии сложился коллектив прекрасных преподавателей. Многие из них писали учебники по своим предметам. Физику преподавал К. Краевич, словесность – Л. Поливанов, математику – легендарные А. Малинин и К. Буренин. Преподавателей отличал творческий подход к процессу обучения. Например, Александр Федорович Малинин воспитывал в учащихся самостоятельность и критическое отношение к делу, проводя уроки так, что они превращались в состязание учеников с преподавателем и друг с другом.

Среди выпускников – «отец русской авиации» Н. Е. Жуковский, реформатор русского театра К. С. Станиславский,

меценат С. Т. Морозов, академик А. А. Шахматов, философ Вл. С. Соловьёв, ученые П. Г. Виноградов и Н. Ю. Зограф, отец гениального композитора Н. А. Скрябин, оперный артист Большого театра П. А. Хохлов, зоолог С. А. Зернов, знаменитый доктор Федор Гетье – первый главный врач Солдатенковской (Боткинской) больницы, личный врач всех кремлевских вождей, врач А. С. Пучков – создатель и первый руководитель московской станции «Скорой помощи».

В 1804 году по высочайшему указу Императора Александра I для обучения детей купцов и мещан было создано Московское Императорское коммерческое училище с преподаванием английского, французского, немецкого и латинского языков. С 1806 года училище размещается в доме бывшего генерал-губернатора Москвы Петра Еропкина на Остоженке. В 1807–1808 годах здание расширил и перестроил архитектор Д. И. Жилярди. В Коммерческом училище учились историк С. М. Соловьев, уже знакомый С. И. Зимин, писатели И. А. Гончаров, М. Д. Ройзман и И. И. Мясницкий, ученые Н. И. Вавилов, С. И. Вавилов, В. М. Родионов, один из первых организаторов силикатной и цементной промышленности России И. Ф. Пономарев, режиссер немого кино, сценарист и актер Я. А. Протазанов. и др.

Вскоре гимназические дворы (кстати в одном из них, а именно во дворе 9-й гимназии, снимались сцены из фильмов: «Однажды 20 лет спустя», «Господин гимназист», «Дворы нашего детства», «Розыгрыш», «Александровский

сад», «Казус Кукоцкого») стали уже малы для игры. Желających погонять кожаный мяч было очень много. Играли класс на класс. В командах было по 40 человек. Всем хотелось играть! Что делать? Из соседних дворов и парков, в частности Басманного, их стали гонять, и юные футболисты решили перекочевать в Сокольники, на Ширяево поле. Здесь, а так же и на других Сокольнических пустырях, каждое воскресенье, или в праздник ранним утром они стали играть в футбол по всем правилам. Днем поле было занято взрослыми футболистами. На площадках, где ворот не было, их отмечали кепками, студенческими и гимназическими форменными фуражками, камнями, или стопками учебников и ученических тетрадей.

По инициативе Михаила Ромма вскоре был организован футбольный комитет четырех учебных заведений – 4-й и 9-й мужских гимназий, Александровского коммерческого училища и реального училища имени К. П. Воскресенского, располагавшегося на Мясницкой улице. Ромм и организовал в 1907 году первенство среди них. Матчи первого футбольного розыгрыша среди учащихся собирали очень много зрителей. Для того, разумеется, времени. В первую очередь, их приходили посмотреть школьники, даже из тех учебных заведений где футбол пока не культивировался, друзья и родители юных спортсменов, учителя. Останавливался, заинтересовавшись, и кто-то из праздной публики, которой в Сокольниках всегда было с избытком.

В первых встречах футболисты 4-й гимназии обыграли сверстников из реального училища (3:0), а команда 9-й гимназии учинила разгром своим визави из коммерческого училища со счетом 8:0! Учащиеся 9-й мужской гимназии со счетом 2:0 в финале обыграли коллектив 4-й гимназии и стали неофициальными чемпионами Москвы среди футбольных команд средних учебных заведений. Эти состязания произвели громадное впечатление на московских школьников, оказавшихся в числе зрителей. На следующий год уже 12 команд приняли участие в подобном первенстве. Команда Александровского коммерческого училища обыграла всех и стала чемпионом. В составе этой команды выделялись будущие игроки ЗКС Василий Житарев, Борис Николаев и Владимир Есаулов, а также будущий знаменитый конькобежец Никита Найденов.

К 1911 году в Москве уже было 32 команды средних учебных заведений. Турниры организовывали сами школьники: Леонид Смирнов, Михаил Ромм, Борис Николаев, ученики 2-й мужской гимназии (с 1835 по 1917 год она располагалась в бывшем особняке графа А. И. Мусина-Пушкина рядом с Елоховским собором, на площади Разгуляй. Сейчас эта улица называется Спартаковской, а в здании располагается один из факультетов МГСУ) Лев Фаворский, Константин Пустовалов, Николай Ермаков, Владимир Матрин и ряд других. И только в 1912 году организацию турниров взяла в свои руки МФЛ (мы к этому вопросу еще вернемся).

Начиная с 1905 года, футбол в Москве и под Москвой развивается повсеместно, но сосредоточением футбольной жизни оставалось Ширяево поле в Сокольниках. Здесь не было отдельных команд, а игры и тренировки проводились для всех желающих. Кто раньше пришел, тот и принимал участие в матче. Соревнования возникали мгновенно, неожиданно. Дело зависело от наличия мяча. Разговор капитанов был лаконичным и выразительным: «Состязнемся? – Состязнемся! – Сколько на сколько? – Сколько наберется. – Мяч есть? – Есть. – Судья наш? – По жребию. – Согласны». Демократия в чистом виде. Играли в сапогах, в ботинках, босиком, кто во что горазд. Нередко матчи кончались потасовкой. Дисквалификации не боялись.

Днем в воскресенье, или в праздник играли взрослые футболисты, у которых создалось какое-то ядро подобия настоящей команды. Эти группы состояли преимущественно из футболистов «Быково» и «Сокольников».

О том, что футбол уже появился в Москве, конечно же знали и англичане с Невского стеаринового завода. За 1904–1905 годы британская колония в Москве основательно выросла и «посвежела». Появились в городе и те, кто у себя на родине играл в футбол. Профессионалов среди них, правда, не было, но с азами футбольного мастерства многие были знакомы гораздо лучше, чем московские футболисты-самоучки. И вот, когда такая возможность представилась, англичане создали из своих соотечественников собственную ко-

манду. Позже ее назовут «Британским клубом спорта», или сокращенно – БКС. А вскоре британцы предложили русским футболистам с Ширяева поля устроить встречу.

В одно из воскресений 1906 года такая игра состоялась. Зрителей на игру пришло много – около 500 человек. Наверное, это был рекорд посещаемости футбольных матчей тех лет. Зрители (главным образом, из числа учащейся молодежи; пожилые люди, за исключением нескольких десятков человек на игры пока не ходили) стояли вокруг поля, никаких удобств, конечно, не было. В итоге, москвичи проиграли более опытными англичанам со счетом 1:8. С тех пор встречи между русскими и англичанами проводились на протяжении ряда лет регулярно. В течение одного года соперники проводили между собой до пяти матчей. Как вспоминал Л. Смирнов, долгое время класс игры московской английской команды казался русским футболистам чем-то недостижимым. Но постепенно мастерство русских росло, и однажды, они даже добились почетного для себя счета 2:2! Это было большое достижение, и многим даже показалось, что «теперь-то мы уж точно будем бить англичан», но те, укрепив свой состав еще тремя приличными футболистами (благо выбор у них был большой), вновь стали легко обыгрывать горожан. Мастерства и опыта у москвичей пока явно не хватало.

Пришлось учиться азам футбольной премудрости. У тех же самых англичан, так как других знатоков, а уж тем более наставников этой игры, в Москве не было. Но дело это

оказалось отнюдь не простым. Леонид Смирнов вспоминал: «Англичане никогда не выходили на разминку перед игрой (тогда это называлось тренировкой), не желая, видимо, показывать технику владения мячом русским футболистам. Скорее всего, они опасались, что мы быстро перейдем их приемы и превзойдем в футбольном искусстве. Допустить такого родоначальники футбола не могли». А возможно, британцы просто считали русских не способными усвоить все тонкости исключительно английской игры, а потому и свое драгоценное время на них тратить нечего.

Не могли москвичи наблюдать и за играми англичан между собой на огражденной забором площадке Невского старинного завода, которая стала основной «тренировочной базой» заморских специалистов. Поэтому нашим молодым игрокам (самому старшему – 23 года, а средний возраст – от 18 до 19 лет; возраст же московских англичан составлял 30–35 лет) приходилось учиться, используя только увиденное во время встреч с английскими футболистами. За это короткое время необходимо было уловить все самое ценное, а затем по памяти проштудировать на своих тренировках.

Был и еще один источник получения футбольных знаний. За играми и тренировками москвичей на Ширяевом поле по выходным дням наблюдало все больше и больше зрителей. Были среди этой публики и иностранцы, работавшие в Москве. Некоторые из них просили у московских футболистов разрешения «попрактиковаться с кожаным мячом»

и, как правило, получали такую возможность. В итоге часто оказывалось, что мастерство этих «специалистов футбольного дела» гораздо ниже, чем у наших, даже начинающих игроков. Но бывали и редкие исключения. Леонид Смирнов вспоминает троих футболистов, оказавшихся на практике действительно хорошими игроками, которые смогли показать русским много нового и ценного.

Один из них – уже знакомый нам Варбург. Слово Л. Смирнову: «Как-то бывший английский вратарь подошел и попросил разрешения поучаствовать в игре вместе с нами. Мы были не против. Он снял пиджак, встал в ворота и попросил, чтобы «ему побили». Мы стали наносить удары носком (иначе бить мы не умели), причем били носком даже по летящему мячу. В этом способе удара мы были большие «спецы». И вдруг на наших глазах голкипер вместо того, чтобы отбить летящий в ворота мяч кулаком, поймал его и подъемом ноги отправил в поле. Это было для нас откровением. И ловля мяча руками, и удар подъемом... Когда Варбург посмотрел на наши бутсы с ужасными носками, совсем недавно купленные в магазине Мюр и Мерилиз, он от удивления только развел руками. В таких бутсах нельзя было ударить мяч ни подъемом ноги, ни полуподъемом. Оказалось, что такой тип бутс вышел из моды лет пятнадцать назад за непригодностью. В лучшем же магазине Москвы эту английскую заваль продавали за солидные деньги. Скоро, правда, в Москве появились хорошие бутсы нового фасона немецкой фирмы «Скрум».

Не прошло и месяца, как мы научились бить по мячу не только носком, но и полуподъемом, ударом, который назывался «шутт». Это стало потрясением для вратарей. Удары носком шли в ворота на высоте 1,5–2 метра от земли и легко отбивались нашими московскими голкиперами. Теперь же при «шутте» мяч летел низко, и на кулак принять его никак было нельзя. В одночасье все наши голкиперы сразу «вышли из строя», и заменить их было нечем, так как никто не практиковался отбивать низко летящие мячи, а тем более ловить их руками. Вскоре, однако, появились вратари, умевшие уже ловить мяч руками».

Другой иностранец – датчанин Нильсен (на русский манер его звали Петром Акимовичем, а служил он в Шведско-Датско-Русском телефонном акционерном обществе и был «доверителем» Торгового дома «И. С. Решетников и К^о»; кстати, сын этого самого Решетникова – Борис Иванович, отлично играл в теннис и защищал ворота команд Быково и СКС) – научил русских футболистов некоторым приемам ведения мяча. Он показал им несколько несложных финтов, с помощью которых обходил с мячом изумленных москвичей, как маленьких. До этого же наши первые футболисты в нападении использовали другую тактику, перенятую у англичан. Нападающий, получив мяч, развивал максимальную скорость, и гнал его к воротам противника. Конечно, выбить такой мяч из-под ноги ведущего не представляло собой трудности, так как футболист мчался по прямой линии.

Никакого понятия о передаче мяча своему партнеру тогда не было. Отдать мяч товарищу футболист мог только назад, и лишь в безвыходном положении. Быстрота и прямолинейность в действиях форвардов была, а вот виртуозности и оригинальности – никакой.

Русские оказались способными учениками и быстро схватили суть предложенного датчанином метода ведения мяча. Не прошло и двух недель, как некоторые из них уже научились применять обводку и достигли в этом большого совершенства. Особенно отличался в этом ученик Александровского коммерческого училища Василий Житарев. Нильсен же, научил москвичей как правильно, без отскока от подъема ноги, останавливать высоко летящий мяч ударом подошвы или пятки. Его ширяевцы называли «пяточным» или «датским».

Третьим иностранцем, внесшим свой посильный вклад в обучение русских футболу, стал швед Сандерс. Он показал, что бить по мячу можно не только полуподъемом внутренней стороной стопы, но и подъемом внешней стороны. Особенно эффективен был этот удар по быстро катящемуся навстречу нападающему мячу. Получался «хлесткий», сильный удар. Этот быстро привившийся на московской почве способ наши стали применять не только при ударе, но, и при ведении мяча. А сам удар в обиходе стал называться «шведка». Он и до сих пор так называется.

Знаковое для московского спорта событие произошло в 1905 году, через десять лет «после занесения футбола в Москву». Ежегодник 1912 года писал: «За это время игра успела уже окрепнуть; стали играть по точным правилам, стали сознавать, что игра «толпой», как это было вначале, не приводит ни к каким результатам, что необходимы определенная тактика, костюм и форма. Ряды футболистов пополнились многочисленными поклонниками этого спорта, число команд значительно возросло, интерес публики к игре стал подниматься с каждым годом. Выяснился недостаток в количестве и качестве полей; организация кружков сделалась насущной необходимостью».

И вот, в 1905 году по инициативе Р. Фульды и шестерых спортсменов «Ширяева поля» (Н. А. Носов, А. И. Вашке, С. Л. Зимин, Н. В. Шашин, Рудольф и Роберт Вентцели), в Москве создается первый официально зарегистрированный спортивный клуб – Сокольнический клуб спорта (СКС). В организационных вопросах футболистам как всегда помог А. Я. Торнтон. 24 августа Московский градоначальник генерал-лейтенант барон Георгий Петрович фон Медем утверждает Устав СКС.

Устав первого московского спортивного клуба гласит: «Клуб имеет целью распространение в Москве и ее окрест-

ностях игры «лаун-теннис», как полезного для здоровья удовольствия». В примечаниях добавляется: «Кроме того, клуб имеет право устраивать и другие игры, летние и зимние, как: футбол, крикет, хоккей, кегли, крокет и тому подобные».

И далее: «Для достижения этой цели Клуб может устраивать: 1) с разрешения Московского градоначальника в Москве или ее окрестностях, упомянутые в п. 1 игры, в особых для того помещениях или ограждениях; 2) музыкальные и танцевальные вечера, спектакли, праздники, балы, маскарады и другие увеселения, с соблюдением всех установленных для сего правил и с надлежащего, каждый раз, разрешения».

На выгодных условиях руководству СКС удалось арендовать у городских властей 4000 квадратных саженей земли на Стромынке, сразу за Сокольнической пожарной частью (ее каланча сохранилась до наших дней), у самой остановки трамвая. Все, кто знает стадион братьев Знаменских, сразу поймут, что речь идет именно об этой территории.

Первым председателем СКС стал французский подданный, потомственный почетный гражданин Андрей Петрович Мусси, который возглавлял «Товарищество шелковой мануфактуры в Москве». Шелковую фабрику в Лефортовской части Москвы, на берегу Яузы, в собственном доме на Генеральной улице (сегодня – Электрозаводская, 27) открыл в 1871 году отец первого председателя СКС – купец 1-й гильдии Жан-Пьер (Петр Антонович) Мусси. А в июле 1881 го-

да было утверждено «Товарищество шелковой мануфактуры», образованное в результате объединения двух шелкоткацких производств – наследников П. О. Гужона (основана в 1833 году) и П. А. Мусси. Первоначальный складочный капитал этого паевого товарищества, которое объединяло в своих стенах все процессы по изготовлению шелковых тканей, составлял 800 тыс. руб. В состав директоров Правления Товарищества шелковой мануфактуры входили Петр Антонович Мусси, Юлий Петрович Гужон, Джеймс (Яков) Данилович Торнтон и Александр Петрович Мейер.

Это было одно из крупнейших предприятий фабрично-заводской промышленности Москвы. В 1900 году оно использовало труд 2,5 тысяч рабочих и обладало паровыми двигателями общей мощностью до 700 л.с. В 1917 году предприятие было национализировано, а в 1926 году получило имя П. П. Щербакова. Сегодня, некогда могущественная мануфактура Мусси, стала очередным деловым центром под названием «Ле-Форт».

Отметим также, что потомственный почетный гражданин А. П. Мусси входил в состав образованного в июне 1908 года Всероссийского союза лаун-теннис клубов (ВСЛТК), который возглавлял Артур Давидович Макферсон, а с 1910 года был действительным членом Замоскворецкого клуба спорта (ЗКС).

Другие руководящие должности в СКС заняли: Р. Ф. Фульда (почетный секретарь), Н. М. Кузнецов (почетный

казначей), В. К. Жиро, С. П. Рябушинский, Н. А. Носов, Л. П. Шартрон и Роб. А. Вентцели (члены комитета).

Думается, что эти люди, вошедшие в руководство первого московского официального («правильного») клуба, заслуживают того, чтобы познакомиться с ними поближе (о Р. Ф. Фульде и Н. А. Носове мы уже рассказывали выше).

Николай Матвеевич Кузнецов был одним из восьми сыновей легендарного «фарфорового короля» – Матвея Сидоровича Кузнецова, имя которого по праву стоит в одном ряду с именами таких великих российских предпринимателей, как Морозов, Рябушинский, Мамонтов, Сытин... За «полезную деятельность на поприще фабричной промышленности» тот был награжден дважды орденом св. Станислава 3-й степени, дважды орденом св. Анны 3-й и 2-й степеней, орденом св. Владимира 4-й степени, а за Парижскую выставку в 1900 году французское правительство отметило его Кавалерским крестом Ордена Почетного легиона.

В дореволюционные годы кузнецовские сервизы, вазы и чашки стояли в буфетах почти каждого дома – от крестьян и мещан до дворян. 1300 постоянных и 4000 временных рабочих трудились на заводах Кузнецова. Склады Товарищества находились в десяти крупнейших городах России. Продукция «фарфоровой империи» отличалась высоким качеством и была отмечена Большими золотыми медалями на выставках в Париже (1900) и Ташкенте (1890), дипломами Гран-при на выставках в Париже (1900) и Реймсе (1903), медаля-

ми разных достоинств в последующие годы. Фарфоровые и фаянсовые изделия фирмы пользовались большим спросом в Турции, Персии, Болгарии, Японии, Америке, Австрии, Индии и других странах. С 1892 года Товарищество было поставщиком Императорского двора.

Все без исключения Кузнецовы были членами старообрядческой общины Рогожского кладбища. В своих фабричных поселках они построили 7 старообрядческих церквей, 4 молитвенных дома, 6 школ, 7 больниц, богадельню, несколько спортивных плацев, бань и многое другое. В Дулево Кузнецовы содержали сразу четыре футбольные команды! В 1911 году, после смерти отца, Николай Матвеевич возглавил «Товарищество по производству фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова» (до этого он длительное время занимал должность директора-распорядителя Товарищества). После революции, лишившись всех своих заводов и особняков, Кузнецовы приняли решение о переезде в Ригу, где осталась одна из принадлежащих им фабрик. Это производство Николай Матвеевич и возглавил. Знаменитые керамические бутылочки «Рижского бальзама» изготовлены именно здесь. В 1938 году Н. М. Кузнецов скончался.

Французский подданный Виктор Клавдиевич Жиро был членом Московского автомобильного клуба, а «по совместительству» – директором-распорядителем Торгового дома «Жиро и Сыновья» с уставным капиталом 8 миллионов рублей, владевшего крупнейшей в Российской империи шелкот-

качкой фабрикой в Хамовниках, известной в советское время под названием «Красная Роза», членом правлений Товарищества мануфактурной торговли «И. И. Дунаева Наследники», Хамовнического домостроительного общества, членом Совета Римско-Католической церкви св. Людовика и т. д. и т. п.

Предприниматель, банкир, коллекционер, меценат, выходец из знаменитой старообрядческой купеческой семьи, потомственный почетный гражданин Степан Павлович Рябушинский был директором Торгово-промышленного товарищества «П. М. Рябушинский с Сыновьями» (он заведовал торговой частью фирмы) и Товарищества Окуловских писчебумажных фабрик. Вместе с братом Сергеем основал первый в России автомобильный завод АМО.

С. П. Рябушинский вошел в отечественную историю как известнейший предприниматель и коллекционер, обладатель лучшей в России коллекции икон музейного значения. Со временем его коллекция превратилась в подлинную художественную сокровищницу. Собирателю планировалось создать на ее основе Музей иконы, но 1-я Мировая война помешала осуществить замысел. В 1917 коллекция была разорена. Потом, в 1924–1928 годах отдельные иконы поступили в «Антиквариат», Оружейную палату, ГИМ, ГТГ, Пермский и Кубанский музеи.

Степан Павлович, кроме расширения семейных предприятий и управления ими, был активным членом старообряд-

ческой общины, имел собственный автомобиль, возглавлял Московский клуб автомобилистов и Московское общество воздухоплавания, активно играл в теннис в клубных турнирах СКС. С. П. Рябушинский эмигрировал из России после 1917 года, жил в Милане.

Луи Павлович Шартрон владел золотоканительной фабрикой, что располагалась в Сокольниках, на Ермаковской улице (сегодня – улица Короленко).

Отец братьев Вентцели – австрийский подданный Альфред Иванович Вентцели – в московском купечестве состоял с 1882 года, владел большой (здесь трудилось до 200 рабочих) фабрикой кокосовых пуговиц в Лефортовской части, на Малой Переведеновке (это в районе современной Спартаковской площади), занимался торговлей своего товара в Зарядье и благотворительностью, был казначеем Австро-Венгерского вспомогательного общества в Москве, членом Русского фотографического общества. Проживал в собственном доме на Переведеновке вместе с супругой – Августой Васильевной.

Роберт Вентцели, отличный организатор и неоднократный чемпион Москвы по лаун-теннису, любимец Фульды, имел хорошие связи с уже существовавшей тогда Петербургской футбольной лигой, и стал в будущем главным инициатором и организатором футбольных матчей между командами двух столиц. В 1914 году он проживал вместе с женой – Ольгой Сергеевной – в переулке Сивцев Вражек, 44.

Об Альфреде Вентцели «Русский спорт» в 1909 году писал: «А. А. Вентцели, известный московский футболист и большой любитель тенниса, перешел в сторону воздухоплавания. Он хочет стать авиатором и сделал уже к тому первые шаги – построил планер и пробовал летать. Насколько серьезна затея г. Вентцели, покажет будущее. Отметим, однако, что он первый и пока единственный москвич, перешедший от проектов и теории воздухоплавания к практическим опытам». Известно, что в 1911 году А. А. Вентцели учился в Московской школе воздухоплавания (его семья спонсировала это заведение), но что стала с ним позже – мы, к сожалению, не знаем.

Вообще, о судьбе братьев Рудольфа, Роберта и Альфреда Вентцели, много сделавших для развития московского спорта, после 1914 года практически ничего неизвестно. Скорее всего, они, как австрийские подданные, были с началом военных действий высланы из Москвы. А в Книге памяти Иркутской области есть такая справка: «Вентцели Альфред Альфредович. Родился в 1884 г., г. Москва; австриец; б/п; отбывал административную ссылку в с. Назарово Усть-Кутского района Иркутской области. Арестован 14 апреля 1930 г. Приговорен: Особая тройка при ПП ОГПУ ВСК 31 августа 1930 г., обв.: по ст. 58–11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 13 сентября 1930 г. Место захоронения – г. Иркутск. Реабилитирован 29 марта 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области». Судя по всему, речь здесь

идет именно об одном из наших героев.

Позже в состав комитета вошли Владимир (Владимир-Карл-Георгий) Эрнестович Цоппи, Александр Иванович Дёмин и Роман Васильевич Карнац (член Совета Евангелическо-Реформаторской церкви, совладелец Торгового дома «В. Ф. Карнац», карандашная и грифельная фабрика которого была первым промышленным предприятием такого рода в Москве), а кандидатами в члены комитета были Константин Алексеевич Васильев и потомственный почетный гражданин, владелец посреднической конторы Лев (Луи) Львович Ферстер.

Отец В. Э. Цоппи – обрусевший итальянец Эрнест (Эрнст-Иосиф-Карл) Яковлевич Цоппи – был купцом, потомственным почетным гражданином Москвы, членом Совета Французской церкви св. Людовика (как и В. К. Жиро), товарищем председателя Русско-Итальянской торговой палаты, занимал высокий пост гоф-маклера Московского биржевого комитета и члена совета Общества производства и торговли резиновыми изделиями «Богатырь». Владимир Цоппи окончил юридический факультет Московского университета, служил помощником присяжного поверенного, адвокатом. Неплохо играл в теннис (после Фульды занимал пост председателя Московской лиги лаун-тенниса и представлял эту организацию в Московском олимпийском комитете), хоккеей и футбол. Он даже участвовал в матчах сборных Москвы и Петербурга в 1908 году. Активно занимались спортом в СКС и

его старшие братья – Карл-Павел-Мария-Виктор и Лев-Роберт-Эдуард Цоппи, а также молодой Александр.

Но главной страстью Владимира Цоппи были театр и кино. В 1925–1927 годах он играл в Четвертой студии МХАТа, затем был актером различных театров. В 1930–1968 годах играл в кино небольшие острохарактерные роли: Директор цирка («Два – Бульди – два»), Американский фермер («Альбидум»), Апаш («События в Сен Луи»), Английский майор («Зангезур»), адвокат («Сестры»), Картасов («Анна Каренина») и др. При этом он не расставался и со спортом, в 20-е годы был членом московского общества «Пищевики».

Александр Иванович Дёмин был потомственным почетным гражданином, директором правления Товарищества Садковской мануфактуры «Дёмин Иван», фабрика которого располагалась недалеко от подмосковного Воскресенска. Сам он активно занимался спортом, частенько выходил на корт СКС с теннисной ракеткой. Вот такие персоны опекали первый московский клуб – СКС. Право же, похвастаться такими могучими покровителями (все – деловая элита Российской империи!) не может ни один, даже самый богатый суперклуб современной России. И как им только времени на все хватало?

Как мы видим, учредителями, руководителями и «спонсорами» СКС были, в основном, богатейшие люди Москвы династий Рябушинских, Носовых, Зиминых, Кузнецовых, Крестовниковых и др. Да и иностранцев среди них хватало. По

этому поводу авторы книги «100 лет российскому футболу» пишут: «Сколько их было – Ричардсонов, Макферсонов, Вентцели и других иностранцев, не жалевших ни сил, ни времени, ни средств на развитие русского спорта и не получавших взамен никакой личной выгоды?! Не будь их, процесс становления отечественного спорта, и в частности футбола, затянулся бы на десятилетия. За все это Россия «отблагодарила» их своеобразным образом: одних объявила военнопленными и отправила на поселение, как это сделало царское правительство с немецкими подданными после начала Первой мировой войны, других вообще лишила жизни или выдворила за ее границы советская власть. К нашему стыду, о судьбе многих людей, стоявших у истоков российского футбола, после 1917 года мы почти ничего не знаем».

В советское время об этих людях предпочитали молчать, а уж если и вспоминали, то исключительно с негативным подтекстом. Не удержался даже глубокоуважаемый Андрей Петрович Старостин, который, вспоминая поездку сборной Москвы в Чехословакию в 1934 году, где он встретился с Р. Ф. Фульдой, писал: «...Мог ли я предположить, что встречу этого всемогущего футбольного деятеля много лет спустя, утратившим всю свою респектабельность, превратившемся в жалкого старика без рода и племени... Грустно было смотреть на этот обломок бывшего футбольного величия, когда старческой походкой Фульда, в сером поношенном плаще и шляпе, с обвисшими белыми усами двинулся к выходу со

стадиона. Да, Октябрьская революция сказала свое слово и в футболе. Кто-то, подобно Фюльде, не выдержал экзамена на право строить новую жизнь, оказался за чертой Родины, позднее горько раскаиваясь в своих ошибках. Кто-то, оставаясь по эту сторону черты, но потеряв возможность меценатствовать и своевольно распоряжаться в клубе, отошел от футбола. Но клубы от этого ничего не потеряли. Они продолжали существовать и в новых условиях стали широко привлекать к управлению общественный актив».

Членский взнос для действительных членов СКС первоначально был установлен в размере 10 рублей, плюс 5 рублей единовременный взнос при вступлении. Однако, вскоре взнос действительных членов был увеличен до 35 рублей, а вступительный до 15 рублей – сумма по тем временам очень солидная, заплатить которую мог в Москве далеко не каждый, что делало СКС узко привилегированным клубом столичной аристократии. Член-посетитель должен был заплатить 25 рублей (плюс 5 рублей вступительный взнос), член только футбольной секции – 10 рублей. Кроме того, каждый соискатель членства клуба должен был иметь рекомендации двух его действительных членов.

Несмотря на это, в 1910 году в клубе было 127 членов (103 мужчины и 24 дамы, из них: почетных членов – 1, пожизненных – 22, действительных – 62, членов-посетителей – 42), а к 1912 году их число возросло до 147 человек (в т. ч. 2 почетных и 69 действительных), но футболом из них зани-

мались не более 40 человек. В 1912 году, по предложению Фульды почетным членом СКС был избран известный спортивный деятель из Петербурга А. Д. Макферсон.

Заметим, что в программе СКС сначала были только лаун-теннис (даже на эмблеме клуба были изображены сокол, а под ним скрещенные ракетки), хоккей и катание с ледяных гор на санях типа бобслея. На площадках СКС проводилось первенство Москвы по лаун-теннису, а среди лучших игроков клуба были братья В. Э. и Л. Э. Цоппи, Е. А. и В. А. Вербицкие, Роб. и Руд. Вентцели, Н. П. и В. П. Виноградовы, Р. Я. и В. Я. Серпинские, С. Л. и В. Л. Зимины, Л. Л. Ферстер, Ю. В. Эдельберг, А. Е. Шинман, В. Л. Штекер, И. В. Редерс, Р. Ф. Морель, Я. И. Бит, В. А. Калиш, В. Д. Кирпичников, Л. М. Постников, Н. В. Миквиц, В. Ф. Карш и др. Почти все перечисленные персоны были разносторонними спортсменами и вполне прилично играли в футбол.

Теннисисты клуба были одними из сильнейших в Москве. Кроме проведения чемпионата Москвы (победителям в парном разряде вручался Кубок А. П. Мусси), спортсмены СКС разыгрывали и ряд клубных переходящих кубков: Кубок Р. Фульды (в 1907 году он учредил переходящий кубок своего имени для московских теннисистов, который разыгрывался как чемпионат Москвы в одиночном разряде, а первым обладателем приза стал Рудольф Вентцели), Кубок В. Э. Цоппи (мужской одиночный разряд; Кубок А. И. Демина (мужской парный разряд); Кубок В. Л. Мандль (женский одиночный

разряд); Кубок К. А. Васильева (микст). В 1907 году братья Роберт и Рудольф Вентцели стали первыми чемпионами России в парном разряде. В 1914 на площадках клуба проведен матч Россия – Франция.

Насчет футбола первоначально серьезных разговоров не было. Правление СКС, однако, увидев, что футбольные встречи стали привлекать значительное количество зрителей, решило извлечь из этого явления денежную пользу. В 1906 году была организована футбольная команда из игроков, «подвизавшихся» на Ширяевом поле, и футболистов «Быково», оборудовано футбольное поле. Территорию клуба оградили высоким забором. За вход на футбольные состязания со зрителей стали брать деньги.

К счастью, история сохранила для нас фамилии первых футболистов СКС: братья Владимир, Сергей, Дмитрий, Павел и Николай Виноградовы (их отец – известный купец Петр Гордеевич Виноградов, владел булочной, кондитерской, кофейней и пекарней, а мать – Анна Ивановна Виноградова – собственным домом на Мясницкой, 30), Сергей Зимин, Иван Казаков, Николай Слепнев, братья Роберт, Рудольф и Альфред Вентцели, Федор и Петр Федоровичи Розановы (Федор служил помощником присяжного поверенного), Андрей Вашке, Николай Шашин. Футболисты СКС играли в белых фуфайках с продольными синими полосами и в белых трусах.

Говоря о создании первого в Москве официального спор-

тивного клуба и футбольной команды при нем, необходимо уточнить следующее. Один из лучших знатоков дореволюционного футбола Юрий Павлович Лукасяк в своей книге «Футбол. Первые шаги» совершенно справедливо отметил, что «цели, которые первоначально преследовали первые кружковцы, были довольно скромными: распространять тот или иной вид спорта, и с этой целью проводить совместно свободное время, совершать общие пешеходные и велосипедные прогулки, проводить общие собрания, устраивать музыкальные и танцевальные вечера, чаепития и т. д.

Проводимые внутри кружков соревнования не носили состязательного характера, всех участников можно было сосчитать по пальцам. Участвовать в соревнованиях считалось несолидным занятием для интеллигентного человека и отдельным спортсменам приходилось даже скрываться под псевдонимами, чтобы избежать неприятностей по службе». Это подтверждают и тексты уставов первых московских спортивных клубов.

В те годы СКС построил в сосновом бору недалеко от Сокольнической (Бахрушинской) больницы, за местной пожарной частью, у самой трамвайной остановки (из центра сюда ходили трамваи №№ 4 и 6) шесть грунтовых площадок для лаун-тенниса (со временем их стало восемь), более менее пригодное для игры футбольное поле в 1200 кв. сажений (а всего, общая площадь арендованной клубом земли составляла 9750 кв. сажений) и небольшой бревенчатый павильон,

служивший летом раздевалкой, а зимой – буфетом. Имелся у СКС и собственный дом на Стромынке. Это было первое в Москве закрытое (т. е. окруженное забором) футбольное поле с хорошим (по тем временам) травяным покровом, с трибунами для зрителей в виде нескольких рядов скамеек. Поля на зиму заливались, здесь играли в хоккей. Через три года взяли в аренду еще 715 кв. саженей и соорудили высокую ледяную горку для катания на санях. Для катающихся (а в год их было около 3000 человек) рядом построили «теплушку».

«Русское слово» писало в 1908 году: «В Сокольническом клубе спорта закончено устройство грандиозных ледяных гор для катания. Они достигают высоты 12 аршин, и устроены специалистами-техниками по образцу распространенных в Швеции и Норвегии – с виражами, особыми для спуска санями. Катанье с этой горы стало любимым спортом высшего московского общества и иностранной колонии. Некоторые группы сняли у клуба определенный день в неделю для катания с этой горы». А в следующем году «Голос Москвы» отмечает: «В воскресенье на катанье в Сокольническом клубе спорта приехал Н. И. Гучков с дочерьми и члены клуба приветствовали в его лице городское управление. Катающихся было так много, так как катание предполагалось снять для синематографа. Катавшиеся были в белых костюмах и таких же шапках, Присутствовали Н. П. и А. П. Рябушинские, Сиу, Ферстер, Демин, Воронины, Алексеевы, Ю. П. Гужон, В. К.

Жиро, А. П. Мусси, Р. Ф. Фульда; явился специалист—ансатор для снимков. Перед аппаратом проносились с горы сани во всевозможных фигурах Чествование Н. И. Гучкова было также запечатлено на синематографической ленте».

Р. Фульда был не только почетным секретарем СКС, но и страстным спортсменом. Он играл в лаун-теннис (это был его любимый вид спорта), пинг-понг, занимался фигурным катанием на коньках, недурно играл в футбол. При этом Фульда был человеком отчаянно смелым. 1 мая 1911 года он, вместе с пилотом Шарлем Жильбером, своим товарищем по СКС В. Я. Серпинским и Н. И. Штробиндером, со двора владения Свешниковой за Тверской заставой поднялся в воздух на аэростате «Катык» и пролетел более 50 верст. Через две недели Фульда повторил полет и, пролетев 150 верст, приземлился за Волоколамском, установив при этом собственный рекорд высоты – 2125 метров. А 24 мая того же года Фульда летал уже на Фармане военного типа, который пилотировал авиатор В. А. Лебедев. В 1910 году, находясь в Швейцарии, Фульда спускался на небольших санях с горы в Сен-Морице, избрав для этого самый опасный путь. Ему удалось развить скорость до 112 км в час, но на вираже он налетел на ледяную стену и был отброшен на 60 метров. Смельчака срочно доставили в больницу, где ему наложили на лицо 23 шва.

Фульда также провел через Государственную Думу закон о продаже земли для спортивных клубов не дороже 10 копе-

ек за сажень. В 1908 году футбольное поле было расширено до 1450 квадратных сажен, что соответствовало международным правилам и позволяло проводить матчи с зарубежными клубами. Для увеличения плаца пришлось значительно передвинуть вираж знаменитой горы клуба, после чего он стал немного круче и короче. За свои большие размеры футбольное поле СКС получило в народе прозвище «лошадиное поле». А для футболистов в раздевалке был устроен душ! Фактически, это был первый столичный стадион, открытие которого состоялось 16 августа 1909 года матчем СКС и «Быково». Вход на футбольные матчи был платным – билет для взрослых стоил 40 копеек, для учащихся – 20 копеек.

Добавим, что этот стадион (ул. Стромынка, 4) – один из немногих, который сохранился в столице и действует поныне. До войны он назывался Стадионом коммунальщиков и медсантрудящихся «Красные Сокольники». Здесь было футбольное поле, площадки для баскетбола (3), волейбола (2), тенниса (4), городков (6) и легкой атлетики. Заведовал всем этим большим хозяйством В. Г. Седов. Сейчас здесь тренируются в основном легкоатлеты, а рядом построен крытый манеж, который называется «Зимним стадионом «Спартак».

Вскоре А. И. Вашке по каким-то причинам СКС покинул. Он вспоминал: «После того, как группа лиц арендовала на Стромынке землю и создала СКС, наша группа начала называться, в отличие от него, «Старые Сокольники», а затем мы решили организовать из оставшихся на Ширяевом поле

спортсменов свой кружок, назвав его Кружок футболистов «Сокольники» – КФС. Мы разработали устав кружка и передали его для проверки нотариусу, который, исправив некоторые юридические шероховатости, но, не меняя его по существу, вернул учредителям. Впоследствии наш устав служил образцом для других спортивных организаций. Утверждение устава последовало 21 мая (по старому стилю) 1907 года. «Кружок футболистов Сокольники», официально зарегистрированный, основался на старом месте – на Ширяевом поле, где Общество физического воспитания предоставило ему павильон.

В первый год своего существования, очень скромного за неимением средств, Кружку пришлось потратить много сил на приведение в должный вид футбольного поля, где с 1895 года по 1907 вместо ворот стояли жерди с перекладинами и больше ничего. Интересно привести бюджет первого года КФС: приход 135 рублей, расход – 187 рублей, итого дефицит – 52 рубля. Стоимость мяча в то время была 8–9 рублей (столько стоили три пары простых сапог), сторожу за весь сезон заплатили 12 рублей».

Название КФС долгое время не приживалось. И в народе, и в печати новую команду все продолжали называть «Ширяево поле». Отметим также, что еще одна часть оставшихся после создания СКС и КФС без работы сокольнических аборигенов «трудоустроилась» в подмосковной Мамонтовке, где тоже была создана футбольная команда.

Вскоре футбол в Москве настолько развился, что Ширяево поле не могло уже обслужить всех желающих. Молодежь из средних учебных заведений стала играть почти на всех пустырях и площадях Москвы, даже на главном парадном плацу в Кремле. Ставили переносные ворота, а затем уносили их с собой.

Но говорить о том, что футбол уже стал полноправным членом спортивной жизни Москвы, было преждевременным. Пока это была случайная, нерегулярная забава с мячом весьма ограниченного круга людей. Ветеран московского футбола, первый президент клуба «Кожаный мяч» Михаил Сушков вспоминал, что футбол в те годы только «объявился в Москве. Слово «объявился» не случайно – футбол лишь показался, не более того, поскольку захватил москвичей далеко не сразу. Это был «черенок», прививавшийся на московской земле довольно медленно. Около десяти лет продолжался этот инкубационный период. Лишь к 1905 году сей «саженец» пошел в рост, один за другим стали появляться футбольные клубы. А вместе с ними – и футбольные болельщики...

Нынешний класс игры в кожаный мяч, как известно, складывался постепенно, футбольное мастерство росло от года к году в течение многих десятилетий. Искусство «боления»,

по-моему, достигло сегодняшней своей высоты сразу на самой же первой игре. Выше оно не стало. Выше некуда! Да, уже в ту пору непосвященный, глядя на футбольного зрителя, мог бы себе сказать: одно, дескать, из двух – то ли я попал на сбор религиозной секты, обряд которой понуждает ее членов доводить себя до полного исступления, то ли стал свидетелем какого-то таинственного коллективного помешательства. И он, непосвященный, чтобы скрыть негодование, вызванное столь разнузданным поведением зрителя, бранное слово «сумасшедшие» заменял более корректным «больные». Отсюда, наверное, и пошло «болельщик»... Впрочем, тогда говорили: «болещик».

О том, что собой представляли первые футбольные матчи того времени, можно судить по воспоминаниям бывшего вице-президента Московской футбольной лиги, одного из основателей футбола в Орехово-Зуево, англичанина Гарри Чарнока. «Если можно было бы отодвинуть время назад, то, присутствуя на первых футбольных матчах, мы увидели бы усатых и бородатых парней, скопом бегающих за мячом по примитивному полю. Такой же примитивной была и техника, сводившаяся к ударам по мячу носком. Тактика также проста до предела: овладей мячом и бей по нему в сторону ворот противника.

Играли все, кто хотел. Каждый старался забрать мяч и забить гол, соперник же стремился отнять мяч, при этом на помощь к нему подключались все товарищи по команде, в

результате чего нередко получался на поле клубок тел, в котором трудно было что-либо разобрать. Время от времени игроки охлаждали свой пыл лимонадом или пивом, корзина с которыми всегда стояла у кромки поля. Игра проходила с шумом и гамом, и только наступление темноты заставляло игроков расходиться по домам».

А вот что писал по этому поводу Леонид Смирнов: «Двадцать футболистов, за исключением двух вратарей, гонялись за мячом. Кто свой, кто чужой – разобраться было невозможно. Каждый старался только скорее ударить по мячу. В этой движущейся за мячом толпе ударов по ногам приходилось куда больше, чем по мячу. В ворота мяч попадал редко, чисто случайно, так что вратарям делать было нечего. Игрок, поставленный в ворота, считал себя обиженным, обойденным, не принимающим участия в общей игре. Очень часто такой вратарь уходил из ворот, не желая бездействовать, тогда как другие с упоением гонялись за мячом... По воротам тогда еще никто бить не умел. Мяч в ворота «загоняли». Очень часто при таком «загоне» мяча в воротах оказывалось до десяти футболистов – и своих, и чужих.

Надо также заметить, что никакого понятия о спортивных трусиках, майках и бутсах мы, первые футболисты, не имели. Играли в своем обыденном костюме: длинных брюках, в простых ботинках, а некоторые даже в сапогах. Мы видели в иностранных журналах фотоснимки амуниции футбольных команд, но нигде у нас еще такой не было. Были брюки чуть

ниже колен и чулки для гольфа. Много лет прошло, пока мы дошли до трусиков, ботс и маек. Никто из нас долго не решился обнажить колени. Такое было тогда время, нравы были совершенно другие!..

Внедрению футбольного костюма в нашу жизнь помогли... мальчишки из детской команды «Быково». Родители не могли купить им еще одни брюки и обрезать их на уровне колен – это было просто дорого. Тогда они сшили им из легкой материи брючки с бретельками и это было первое подобие футбольных трусиков. Решились вскоре на это дело и взрослые футболисты, заказавшие у портных брюки гражданского покроя, но все-таки чуть ниже колен. На ноги футболисты надели... женские чулки. Революция футбольного костюма была совершена!

Только в 1907 году в Москве появились в продаже, правда, только в одном магазине «Мюр и Мерилиз», английские футбольные мячи, ботсы, фланелевые футболки различных цветов, гетры и щитки. До этого футбольные мячи выписывались из Англии». Кстати сказать, английские мячи на заре футбола представляли собой нечто среднее между круглым и овальным мячом для регби. В 1909 году появились в Москве круглые немецкие мячи, заменившие английские полуовальные».

Ну и, конечно же, заметной приметой первых футбольных матчей была грубость. Футболу в дореволюционной России до балета было ой как далеко! В. М. Фалин пишет: «Сла-

бых духом и телом футбол просто-напросто отторгал и, хотя в него в подавляющем большинстве играли интеллигентные люди, на поле в них вселялся какой-то бес, и они разительно преображались. Даже от обычной чопорности англичан не оставалось и следа, а поэтому понятно удивление репортера после одной из встреч: «Игра прошла без всяких недоумений, что случается крайне редко на матчах в футбол». В отчетах чаще звучало: «До перерыва большая часть игроков была перебита». Обычно матчи посещало несколько сотен довольно почтенной публики, которая на трибунах также резко преображалась и настоятельно требовала от игроков: «С ног его, убейте его». Перебранки между футболистами и зрителями были обычным делом, благо скамейки примыкали к полю. Не церемонились в выражениях и действиях по отношению друг к другу и сами играющие, а поэтому имелись случаи, когда в ходе матча они лишались даже зубов, уходили с поля все в синяках. Как же надо было поклоняться своему увлечению, чтобы после всего этого, невзирая на насмешки на службе и ломоту в теле, забрасывая все дела, отправляться на очередную игру?!».

Но при всем этом, нельзя не отметить, что зрелищно тот футбол был очень привлекательным. Может быть, с позиций тактических премудростей сегодняшнего дня он был примитивен по схеме расстановки игроков, но зато он представлялся более жизнерадостным, изобиловал индивидуальными поединками, был украшен частыми «пушечными» удара-

ми по воротам и не давал скучать зрителям. Нулевых ничьих в этих матчах практически не было.

В свою очередь, Андрей Петрович Старостин в книге «Флагман футбола» отмечает, что отличительной чертой первых футбольных матчей был «звон мячей». Он пишет: «Колдовская музыка ударов по кожаному мячу с самых ранних лет поселилась в моем сердце, заняв в нем прочное место. Из всей звуковой гаммы, голосившей на все лады дореволюционной Москвы, не было для мальчишеского уха ничего более зазывного, чем эти барабанные удары – «бум, бум, бум». Едва заслышав их, я припускался бегом на эти звуки... Раньше так и говорили – пойдём постучим. Удары по мячу были слышны за квартал. Это сейчас футбол стал беззвучным. Бутсы и мячи стали другими – бутсы легкими, как тапочки, мячи эластичные, летающие. Сильнейшие отбойные удары беков ушли в область преданий, пушечные «шютты» форвардов с дальних дистанций живут лишь в воспоминаниях. Игра по принципу «сосед соседу», пас на короткую дистанцию никакого шума не производит.

Футбольные «предки» любили и умели бить по мячу, даже в самые давние времена – начала нашего века. Я свидетельствую об этом, как очевидец. Мощные «шютты» и «свечи» были мерилем умений футболистов обращаться с мячом – его техническая оснащённость определялась именно этими качествами. Бывало, бек... засветит мяч в поднебесье и публика, задрав головы, бурно аплодирует. Только многие годы

спустя появилось ироническое... «для кухарок»...

Своего товарища дополняет Михаил Павлович Сушков: «Конечно, не тот был кожаный мяч. Никто тогда и представить себе не мог нынешнего блеска, виртуозности, мастерства... Однако, была в том футболе некая первородная чистота, цельность, непорочность. Служители его не искали в нем утилитарной выгоды. Вовсе не от бескорыстия – не было ее там, этой выгоды. Были одни убытки в виде всяких вступительных, членских взносов да штрафов...».

В связи с возрастающей популярностью футбола на страницах газет и журналов Москвы развернулась дискуссия о значении этого вида спорта. Примечательны в этом отношении две выдержки о футболе. Вот они. «Футбол – спорт не для слабых мужчин... Не только одни ноги должны быть эластичными и сильными – футбол требует еще здоровых легких и сердца. Если футболом занимаются люди здоровые, они не только укрепляют свое здоровье, но еще развивают почти все органы и мускулы тела. Благоприятно влияние футбола на развитие ловкости и смелости. Футбол немислим без присутствия духа и смелости и мало полезен без выдержки и энергии... Кто медлит, кто избегает встречи с противником, кто не способен в известные моменты напрягать все свои силы, тот никогда не попадет в ряды лучших игроков».

И еще: «Футбол следует признать полезной игрой и в общественном смысле. Чувство товарищества невольно прививается каждому участнику игры. Это один из самых де-

шевых и доступных видов спорта... Да, он часто приводит к несчастным случаям, но футбол не ответствен за неопытность и легкомыслие молодых игроков, не научившихся играть хладнокровно. При условии сохранения полного хладнокровия, при наличии известной тренировки опасность несчастных случаев при игре в футбол становится минимальной».

* * *

Мы уже отмечали, что в 1905 году в Москве наконец-то был организован «Британский клуб спорта» (БКС), который окончательно легализуется в 1909 году (хотя, официально устав БКС утвержден только 10 мая 1910 года) и на землях Невского стеаринового завода в Немецкой слободе (Салтыковская ул., д. 2) строит второе в Москве футбольное поле, которое, правда, из-за своих топографических особенностей просыхало только к осени.

Первое общее собрание членов-учредителей БКС состоялось 31 марта 1909 года, а уже через год только действительными членами БКС состояли 178 человек (27 дам и 151 мужчина). Это был своеобразный московский рекорд. Кроме того, почетными членами БКС были избраны московский биржевой маклер, председатель Московского общества любителей лаун-тенниса, член комитета Всероссийского союза лаун-теннис клубов Лев Федорович Юнкер, председатель СКС

Андрей Петрович Мусси и петербуржец, спортивный функционер и меценат, председатель Всероссийского союза лаун-теннис клубов Артур Давидович Макферсон (единственный деятель дореволюционного спорта в России, удостоенный императорской награды «за труды по развитию спорта в России» – ордена Св. Станислава 3-й степени). Интересно, что один из почетных членов БКС был немцем, другой – французом, и только последний – «настоящим» британцем.

В 1910 году в распоряжении БКС были уже три песчаных корта для тенниса и выравненное футбольное поле. На территории стеаринового завода спортсменами был разбит роскошный тенистый сад с тремя беседками и клубным павильоном. В павильоне находились комитетская, комната для дам и обширное помещение для мужчин с душем и умывальниками.

Первым председателем (президентом) БКС стал Гедлей-Джордж Соломонович Годфрей (он сначала служил на заводе конторщиком, а потом стал его директором, состоял членом Русского фотографического общества, а с 1910 года – действительным членом Замоскворецкого клуба спорта), его заместителями («товарищами» председателя) – Федор Яковлевич Белль (братья Федор и Андрей Белль были совладельцами Торгового дома «Белль Джеймс-Эллерби с Сми», который специализировался на поставке в Россию высококачественных инструментов, а кроме того, отличными теннисистами, победителями и призерами различных сорев-

нований; оба брата входили в руководящий состав Московского общества любителей лаун-тенниса) и первый консул британского представительства в Москве майор Монтгомери Гров (иногда – Грове).

Посты вице-президентов занимали: совладелец московского предприятия фирмы «Фаберже», рожденный в Южной Африке англичанин Генрих-Аллан Андреевич Бо (с 1911 года член ЗКС, как и Федор Казалет – старшина Великобританской Англиканской церкви); инженеры Мартин Фомич Кокс (служащий машинного отделения конторы Кнопа) и Роджер Денисович Гильтенен (представитель Торгового дома и технической конторы «Сумнер Джеймс М. и К^о»). В 1914 году их сменили Я. В. Гоппер и П. П. Пурмстон.

Секретарем клуба был игрок сборной Москвы Клемент Фомич Нэш (контора Сумнера), который начинал играть в Санкт-Петербурге за клуб «Нева» еще в 1904 году, а почетным секретарем – Артур Яковлевич Пульмен (он служил в Невском стеариновом т-ве, а его брат Карл был членом ЗКС). Первым казначеем БКС стал Аллан Карлович Гибсон (брат управляющего стеариновым заводом Карла Карловича Гибсона), на смену которому сначала пришел служащий конторы Сумнера Г. Уотсон, а того, в свою очередь, заменил известный футболист Георгий Фомич Ньюман (контора Кнопа). Пост почетного казначея занял «доктор химии» Норман Васильевич Гебгард (Невское стеариновое т-во; часто упоминается как Хебгардт или Гебхардт). Членами ревизионной

комиссии состояли И. В. Ричардсон и Артур Андреевич Дикон.

Членами комитета БКС избирались: П. Я. Доон (Петр Яковлевич был органистом Англиканской церкви св. Михаила и представителем в России акционерной компании «Кодак»; в составе БКС первого созыва он играл защитником; иногда упоминается как Доун), П. П. Урмстон (Петр Петрович работал на Даниловской мануфактуре и состоял членом ЗКС), Томас-Джеймс Джонс, А. В. Паркер, В. Бинс, Г. В. Ауэ (служащий Торгового дома «П. К. Грошъ», сын инженера Василия Васильевича Ауэ, одного из активных деятелей Императорского речного яхт-клуба), А. Я. Смит (Альберт Яковлевич был другом Торнтона, одним из пионеров московского футбола, совладельцем механического и чугунно-литейного завода «О. Людвиг и А. Смит» на Б. Дербеневской ул.), О. И. Гольден (Остен Иванович и его брат Павел Иванович в 1910 года стали членами ЗКС, кроме того О. И. Гольден был и заместителем казначея в «Унионе»), В. Я. Буркгард, Г. В. Мерелиз, Р. И. Балдок, Р. В. Казалет и др.

Основной костяк клуба (здесь культивировали теннис, футбол, хоккей с мячом, легкую атлетику и другие виды спорта) составляли служащие на заводе и других предприятиях Москвы англичане. Как говорилось в Уставе клуба, он «учреждается с целью более близкого общения между собой проживающих в Москве и Московском районе Великобританских подданных и граждан Северо-Американских Соеди-

ненных штатов, а равно с целью доставить своим членам и их семьям возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой».

Были, правда, и исключения. Подданные других государств тоже могли стать членами БКС, если «они будут выбраны единогласно, при участии не менее 10 членов комитета клуба». Интересно, что в отличие от других московских кружков и клубов, членом Британского клуба мог стать любой человек, даже состоящий под судом и следствием, исключенный из другого клуба, профессионал и т. п. Если, конечно, ему позволяло гражданство. Членские взносы в БКС были вполне демократичными и составляли 10 рублей для действительных членов и 5 рублей – для дам. Оттачивали свое мастерство англичане за глухим забором, разыгрывая между собой товарищеские встречи по футболу и теннису.

В 1907 году регистрируются в качестве спортивных клубов и кружков, в составе которых были и секции футбола, Кружок футболистов «Сокольники» (КФС) и уже знакомое нам Быково, в 1908 году – кружок «Даниловцы».

Председателем КФС был А. И. Вашке, его заместителем – А. М. Слудников (вместе с братьями он играл в хоккей за РГО и в футбол за дачную команду Владыкино и ОЛЛС), а секретарем – В. Ю. Недрит. Позже Слудников и Недрит стали членами 1-го Русского гимнастического общества «Сокол». В Книге памяти Смоленской области о нем можно прочитать следующее: «Недрит Владимир Юрьевич, родился в

1884 г., Курляндская обл., дер. Додель; латыш; б/п; Смоленский облфинотдел, налоговый инспектор. Арестован 28 января 1938 г. 3 отделом УГБ УНКВД Смоленской обл. Приговорен: НКВД и прокурора СССР 23 февраля 1938 г., обв.: 58–4, 7, 11. Приговор: расстрел Расстрелян 3 марта 1938 г. Реабилитирован 23 августа 1957 г.»). Какими ветрами его занесло в годы революции и гражданской войны в Смоленскую область – одному Богу известно.

Казначеем КФС избрали Николая Ильича Филиппова, а капитаном команды стал его брат – игрок сборной Москвы Александр Ильич Филиппов. Они были сыновьями Ильи Филипповича и Анны Анфиногеновны Филипповых, владельцев доходных домов и девяти булочных, имевших и кондитерские отделы, на Большой и Малой Бронных улицах, Тверском бульваре, в Камергерском и Богословском переулках, на Павловских улицах и переулках. В одном из таких домов-магазинов (М. Бронная, 6) находилось и правление КФС. Александр и Николай Филипповы – правнуки легендарного основателя хлебопекарного производства Максима Филиппова по линии Филипповичей (наибольшую известность в Москве и Петербурге получила ветвь Ивановичей). Игнали в команде КФС и еще два Филипповых – Михаил и Сергей Ильичи. Позже из МКЛ пришел Владимир Николаевич Филиппов, но он родственными узами с Филипповыми-Ильичами связан не был.

Чуть позже в состав комитета КФС вошли В. С. Розенбе-

ев (со временем ушел в РГО), А. И. Зейферт и В. С. Савостьянов (он заменил Недрита на посту секретаря правления). Основным цветом КФС стал белый, а на левой стороне груди красовался круглый фирменный значок клуба.

Команду «Даниловцы» (иногда ее называли «Даниловка» или «Даниловец») на удивление легко и быстро, организовал ткацкий мастер, а позднее главный механик Даниловской мануфактуры, обрусевший англичанин Джордж Ричард (на русский манер – Егор Ричардович) Бейнс (иногда москвичи называли его по фамилии Бенц, или Бинс), прошедший хорошую футбольную практику в БКС. Несмотря на солидный 45-летний возраст, Бейнс сохранял хорошую спортивную форму, нередко играл центрфорвардом команды «Даниловцы», или защищал ворота клуба. Он даже был голкипером сборной Москвы первого созыва, а затем стал одним из самых авторитетных рефери Москвы.

«Русский спорт» писал в 1909 году: «На Даниловской мануфактуре уже давно организована игра в футбол, и первая команда заключает в себе нескольких старейших московских футболистов. Играют часто, дружно и серьезно...». О каких старейших футболистах Москвы идет речь, корреспондент, к сожалению, не уточнил. По сути, созданный англичанином коллектив, стал первой рабочей московской командой, так как в ней играли исключительно трудящиеся фабрики. Англичане, проживавшие в Москве, были «шокированы» действиями своего соплеменника. Активная рабо-

та члена их колонии среди русских рабочих пришлось не по вкусу многим московским англичанам. И они решили дискредитировать начинание Бейнса, предложив помериться силами его рабочей футбольной команде с британцами.

Бейнс, наверное, совершил ошибку, что согласился на эту откровенную авантюру. На хороший результат он никак не мог надеяться. Так и вышло. Под смех собравшейся многочисленной английской публики русские проиграли со счетом 0:22! Этот разгром подорвал у даниловцев веру в лучшее, и в конце 1909 года команда распалась. Правда, в 1912 году ее реанимировали под названием «Даниловский кружок спорта», но она выступала только среди нелиговых любителей Замоскворечья. Вот, кто играл за «Даниловцев» в 1909 году: Царьков, братья Москалевы, Сверчков, Лич, Носов, Гаврилов, Голубев, Байков, Седоченкин, Бейнс. Но футболисты с игрой не распрощались. Уже скоро некоторые игроки первой рабочей футбольной команды играли во вновь организованном спортивном клубе ЗКС, председателем которого был все тот же Егор Ричардович Бейнс. Мы к этому еще обязательно вернемся.

В 1908–1909 годах список московских футбольных команд пополнили Общество физического воспитания (ОФВ) и «Унион». ОФВ выступало в рубашках сиреневого цвета и со временем имело пять полей – на Девичьем поле (зимой, как мы знаем, здесь был каток, на котором начинал свой путь в большой спорт легендарный конькобежец Яков Мельни-

ков, оставивший свой след и в истории футбольной команды «Торпедо»), на Пресне, Миуссах, в Останкино, Болшево, а еще одно поле – Ширяево, арендовало у городских властей.

Создано ОФВ было по инициативе уже знакомого нам доктора А. В. Марковникова и Карла Карловича Мазинга, а правление располагалось в здании учрежденного Мазингом частного реального училища (угол Антипьевского и Малого Знаменского переулков, между Волхонкой и Знаменкой). Создание ОФВ явилось следствием реорганизации в самостоятельную организацию Комиссии по устройству подвижных игр на открытом воздухе при Московском гигиеническом обществе. ОФВ отошло и все имущество этой Комиссии, включая и спортивные площадки.

В 1909 году с помощью собственных средств ОФВ и субсидий Общества «Унион» (оно вложило 250 рублей) была произведена частичная реконструкция площадки в Сокольниках. В частности, была перекопана и вновь засеяна травой футбольная площадка, приобретен железный каток весом около 23 пудов для укатывания грунта, построена новая бетонированная площадка для тенниса (большую часть времени ее занимали спортсмены «Униона») и реконструированы три старые. В павильоне построили новые шкафы для переодевания, в обоих раздевалках установили чугунные эмалированные умывальные столы с медными кранами и проведенной из железного бака водой.

Председателем ОФВ стал известный в Москве доктор по

нервным и внутренним болезням, ярый пропагандист лечения алкоголизма методом гипноза и владелец частной лечебницы для алкоголиков, первый председатель Комиссии по устройству подвижных игр Александр Владимирович Марковников. Он же – автор популярной в то время книги «Подвижные игры на открытом воздухе, как метод физического воспитания и их постановка», один из первых организаторов массовых пеших экскурсий по Подмосковию, член Московского попечительства о народной трезвости и член правления Дорогомиловского общества трезвости, заведующий постоянными курсами по подготовке преподавателей физических упражнений при Московском обществе содействия физическому развитию, а с 1916 года – член Московского Спортивного Союза.

Членами комитета ОФВ состояли: доктор Г. Н. Сперанский (он стал заведовать новой пресненской площадкой), статский советник доктор И. И. Пенязев (казначей), дворянин В. К. Мазинг (секретарь), коллежский советник доктор Н. П. Померанцев (заместитель председателя, руководил сокольнической площадкой). Членами Совета ОФВ в разные годы были: М. Э. Лангер (заведовал площадкой на Девичьем поле, в 1918 году возглавил Московскую хоккейную лигу), В. В. Успенский, Н. В. Успенский, В. В. Белоусов (отвечал за миусскую площадку, позже его сменил Четвериков), С. А. Четвериков, Б. Е. Евдокимов, А. С. Петров, С. В. Петров, К. Я. Романовский, К. К. Калантаров (в его подчинении нахо-

дилась останкинская площадка), А. Ф. Торопов, В. А. Жемчужников и др.

К началу 1910 года членами Общества состояли 127 человек. Первым председателем футбольного отдела ОФВ был избран доктор С. М. Никольский.

Из перечисленных выше фамилий (интересно, что почти все эти люди, бескорыстно отдававшие свое свободное время служению московскому спорту, были известными врачами, или преподавателями, а само ОФВ официально относилось к разряду медицинских обществ) наиболее интересны две – Мазинг и Сперанский. Познакомим же читателя с этими людьми. Они этого заслуживают. Известный математик, инженер и педагог Карл Карлович Мазинг – личность в истории Москвы уникальная. В дореволюционных справочниках «Вся Москва» указывается свыше десяти ответственных постов, которые занимал действительный статский советник Мазинг: гласный Московской городской думы, гласный Московского уездного земского собрания, председатель Московского отделения Императорского русского технического общества, Механико-технического ученого общества, почетный мировой судья и т. д. Он был награжден несколькими орденами, в том числе святого равноапостольного князя Владимира III и IV степени. Занимаясь самыми актуальными для Москвы вопросами – водоснабжением, канализацией, созданием телефонной сети, пилотными проектами «подземных железных дорог», прародителя современно-

го метрополитена, К. К. Мазинг, однако, главным считал дело народного просвещения.

Он был владельцем и директором реального и коммерческого училищ, организатором первых вечерних школ – «рабочих классов», преобразованных после революции в рабфаки. Учебные заведения Мазинга были новым типом реального училища, отвечающего требованиям быстро развивающейся российской промышленности. В отличие от элитарной гимназии здесь учили не каким-то отвлеченным, а прикладным наукам и, разумеется, «наукам словесным», которые способствовали нравственному формированию свободной, независимой личности. Для своего училища Мазинг создает первый в России курс математики, впоследствии названный им «прикладной математикой» и включающий серию учебников по алгебре, геометрии и стереометрии. В своих воспоминаниях Андрей Вашке отмечал несомненные заслуги Мазинга в деле пропаганды здорового образа жизни, физкультуры и спорта, в том числе, и футбола, а также в устройстве площадок для подвижных игр по всей Москве. Кстати, правление ОФВ размещалось в Малом Знаменском переулке, в помещении училища К. К. Мазинга.

Членом правления ОФВ был и один из пионеров Комиссии по устройству подвижных игр Георгий Несторович Сперанский – выдающийся деятель отечественной педиатрии, пропагандист здорового образа жизни. В 1907 году он стал первым штатным сотрудником родильного дома в Москве,

руководимого А. Н. Рахмановым. По сути, с этого момента берет свое начало становление системы охраны материнства и детства в России. На Лесной улице Сперанский открывает первую в Москве детскую консультацию, а в 1910 году на Малой Дмитровке – стационар на 12 коек – первое в России учреждение больничного типа для детей грудного возраста. Позже на Большой Пресне была открыта лечебница для детей грудного возраста на 20 коек, а при ней устроена постоянная выставка для родителей по воспитанию грудного ребенка.

Г. Н. Сперанский обладал неутомимой работоспособностью, активно занимался физкультурой (особенно он любил лыжи), физическим трудом, любил токарное и столярное дело, шил обувь, плел корзины. Научная, педагогическая, общественная деятельность Сперанского была высоко оценена: с 1934 г. он – заслуженный деятель науки РФ, в 1943 г. избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1944 г. – действительным членом АМН СССР. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда и присуждена Ленинская премия.

* * *

Вернемся к другим московским командам. В 1910 году были образованы Сокольнический кружок лыжников, спортивное общество «Вега», Новогиреевское спортивное обще-

ство («Новогиреево»), Клуб спорта «Орехово», Московский клуб лыжников, Измайловский клуб спорта и Замоскворецкий клуб спорта. Познакомимся с ними.

«Сокольнический кружок лыжников» – СКЛ, летом выступал на арендованной у общества «Вега» площадке, в районе Преображенской площади (3-я Петровская улица, приблизительно там, где потом построили стадион «Локомотив») в рубашках бирюзового цвета. Членский взнос составлял 7 рублей, плюс 2 рубля единовременный вступительный взнос, для членов-посетителей – 6 рублей. В 1912 году членский взнос для действительных членов увеличили до 10 рублей, а для членов-посетителей – до 8. Учредителями СКЛ стали М. С. Дубинин и А. И. Булычев (позже оба вошли в состав Московского олимпийского комитета), которые ранее четыре года стояли во главе сокольнической станции МКЛ. В 1910 году руководство МКЛ от этой площадки отказалось.

Устав СКЛ был утвержден 22 ноября 1910 года, а первым председателем правления клуба стал купец, известный спортсмен и организатор Михаил Семенович Дубинин (отец футболистов ОППВ Бориса и Владимира Дубининых; в 1916 году – председатель МФЛ). Заместителем председателя правления был Александр Иванович Булычев (он же – заместитель председателя Московской лиги лыжебежцев), секретарем – Александр Борисович Уткин, казначеем – Николай Борисович Мухин (позже он стал 2-м заместителем председателя, а место казначея занял Арсентий Николаевич

Сизамский). Членами комитета были избраны Н. С. Кузьмичев и С. Г. Коняев.

Позже в состав комитета вошли Г. Г. Воронович, Я. П. Суконщиков, В. В. Брикашин, Н. А. Бункин (он стал 1-м заместителем), Р. В. Вандерлу (позже Роберт Валентинович представлял в МФЛ кружок ЧШКС), А. В. Верещагин, Г. М. Фролов, А. Н. Немухин и И. И. Гришин. В 1919 году М. С. Дубинин, А. И. Булычев и Н. Б. Мухин были выбраны почетными членами СКЛ. К 1911 году в СКЛ состояли действительными членами 131 человек, членами-посетителями – 49, сезонными посетителями – 74, членами футбольной секции – 32.

СКЛ образовался на Сокольничьей станции в результате раскола внутри ОЛЛС. Первое начинание кружка – переход в январе 1911 года на лыжах из Москвы в Санкт-Петербург, в котором участвовали А. Немухин, А. Елизаров, М. Гостев и И. Захаров. Они шли 12 дней и 6 часов при очень неблагоприятных условиях: мороз свыше 20 градусов, ветер, неподготовленность трассы. В память этого события СКЛ учреждает переходящий приз, передав его Московской Лиге лыжебежцев, созданной весной 1910 года, для ежегодного розыгрыша на трассе Звенигород – Москва с финишем в Сокольниках.

Как и практически все «лыжебежные» организации Москвы, спортсмены СКЛ начинают проводить состязания по летним видам спорта: легкой атлетике, футболу, теннису. Круп-

нейшие лыжные общества участвуют в 1910 году в создании Московской футбольной лиги, а затем Московской лиги любителей легкой атлетики, обзаводятся своими футбольными, легкоатлетическими и теннисными площадками. Отметим, что почти все первые футболисты СКЛ были и отличными легкоатлетами, одними из лучших в Москве. Вспомним, в частности, имена А. И. Булычева, А. Б. Уткина, И. И. Захарова, Л. С. Скворцова, А. А. Елизарова, М. М. Гостева, И. С. Воронцова, А. И. Тяпкина и др.

А один из пионеров отечественного лыжного спорта Александр Николаевич Немухин (отличный защитник сначала МКЛ, а затем СКЛ и дачной команды «Вешняки», капитан сборной лиги Казанской ж.д., с 1918 года член правления МФЛ, авторитетный футбольный рефери) в 1912 году стал чемпионом России в лыжных гонках на 30 км. В 1913 году Немухин вместе с Павлом Бычковым (и он великолепно играл в футбол, только за ОЛЛС) дебютировал на международных соревнованиях – Северных играх в Стокгольме. Немухин работал учителем рисования, в советское время рисовал плакаты на спортивные темы. Именно он – автор эскиза нагрудного знака к званию «Заслуженный мастер спорта СССР», учрежденному в 1934 году. В 1939 году Немухин и сам получил это почетное звание.

Эскаловцы Николай Александрович Бункин (в будущем полковник медицинской службы) и Владимир Павлович Савин (в конце 20-х годов ушел в КОР), прославившиеся еще

на дореволюционной лыжне, тоже отлично играли в футбол. Отменным центральным хавбеком был мастер лыжного спорта Виктор Григорьевич Григорьев. Этот список можно продолжать бесконечно.

Правление спортивного общества «Вега» (команда впервые предстала перед москвичами в апреле 1910 года, когда разгромила коллектив Коммерческого технического училища со счетом 6:0) базировалось в Хлудовом тупике, а плац находился на Разгуляе, около Преображенской заставы на земле Гучкова. Команда выступала в оранжевых рубашках (поэтому зрители называли игроков «Веги» оранжевыми, или желтыми) и отличалась высокими членскими взносами – 15 рублей для действительных членов (месячное жалование среднеоплачиваемого рабочего), и 10 рублей для посетителей. Еще одна отличительная черта «оранжевых» – крайне низкая дисциплина. Команда частенько могла не явиться на состязание с противником, выставить на игру незаявленных в лиге футболистов, в результате чего ей регулярно засчитывались технические поражения, а однажды даже сняли с соревнований.

К 1911 году общество насчитывало 38 действительных членов и 27 посетителей. Руководили клубом Глеб Васильевич Морозов (председатель), Георгий Александрович Найденов (его заместитель), Евгений Евгеньевич Флинн (секретарь) и П. Р. Романов (казначей). Членами Комитета были А. В. Хлудов, Н. И. Гучков (выборный городской голова Моск-

вы в 1905–1912 гг.), Н. К. Попов и Г. В. Морозов. В состав правления входило пять выборных старшин: С. А. Назаров, Н. К. Попов, А. М. Преображенский, П. И. Овсянников и Ф. К. Кук. В состав футбольного комитета входили также и капитаны команд. Членами ревизионной комиссии были избраны В. В. Хлудова, Н. И. Гучков и А. П. Фетисов.

Пожизненным и единственным почетным членом клуба был избран В. В. Прохоров. Играл ли он сам в футбол, что связывало его с «Вегой», какие такие необыкновенные услуги оказал футболистам – нам, к сожалению, достоверно установить пока не удалось. Вероятнее всего, именно Василий Васильевич был главным спонсором клуба. Личность эта настолько уникальна и, одновременно, загадочна (информация о Прохорове крайне скудна), что не рассказать о ней москвичам мы просто не имеем права. Потомственный почетный гражданин Москвы, дипломированный инженер-механик (он закончил ИМТУ), изобретатель, коллекционер икон (особенно любил Прохоров амурчиков и ангелочков с крылышками, чем-то похожих, по его словам, на летчиков), меценат, родственник по одной из боковых ветвей богатейших российских мануфактурщиков Прохоровых, разносторонний спортсмен.

Василий Васильевич Прохоров проживал в доме № 86 по Большой Ордынке, был внуком московского купца 2-й гильдии Козьмы (Косьмы) Емельяновича Прохорова, сыном Василия Козьмича Прохорова – одного из совладельцев боль-

шого «Товарищества мануфактур Козьмы Прохорова с сыновьями». Им принадлежали: Товарищество Юрьево-Польской мануфактуры, бумагопрядильная и ткацкая фабрики «Тоболка» (после революции – «Пролетарский авангард») и «Волочек» (при советской власти – «Парижская коммуна») в Вышнем Волочке, ткацкая фабрика в Клинском уезде, близ села Солнечная Гора (в 1911 году Прохоровы за неуплату долга были вынуждены передать фабрику барону Ф. Л. Кнопу, а предприятие получило название Фабрика хлопчатобумажного ткачества «Волокно») и другие мануфактурные предприятия. Правление товарищества находилось в Москве, управление осуществляла дирекция (она располагалась на Плющихе), куда входили Иван Козьмич, Василий Козьмич и Федор Козьмич Прохоровы.

Отметим также, что Козьма Емельянович Прохоров, среди прочего, состоял старостой церкви Покрова Пресвятой Богородицы при Александро-Мариинском институте на Пречистенке, в доме бывшей усадьбы кн. Долгоруких (архитектор М. Ф. Казаков). Приют для беднейших девочек-сирот был открыт на средства кавалерственной дамы В. Е. Чертовой в 1857 году, а в 1861 году переименован в Александро-Мариинское училище Пречистенского отделения Попечительства о бедных. Преобразовано в институт в 1899 году. Церковь была ликвидирована в конце 1918 года, а ныне в здании размещается Галерея искусств Зураба Церетели. Попечителем этой церкви был известный московский винотор-

говец и винопромышленник Петр Арсеньевич Смирнов.

В. В. Прохоров являлся членом Московского автомобильного общества, на своем «Фиате» неоднократно выигрывал различные гонки. А в 1909 году он первым предложил устроить автомобильную гонку для дам и учредил для победительницы почетный кубок. Мало того, В. В. Прохоров – один из первых московских авиаторов. Интересно, что свой первый аэроплан («Блерио») Прохоров купил 18 октября 1910 года у первого дипломированного русского летчика М. Н. Ефимова за 12 тысяч рублей (по другой версии, за самолет Прохоров отдал Ефимову свой дубль-фаэтон «Фиат» мощностью 60 л.с.) и обещание последнего в течение нескольких дней выучить Василия Васильевича летать на этом аппарате. Ефимов свое обещание выполнил уже через два дня, но в первом же полете, 20 октября 1910 года, Прохоров аэроплан разбил. Сам «летун», упавший с довольно значительной высоты, к счастью своему отделался лишь легкими ушибами и царапинами.

Уехав в конце 1910 года во Францию учиться авиации, В. В. Прохоров получил серьезную травму во время полетов в городке По. В 1913 году он, наконец-то получил пилотский диплом Императорского Всероссийского Аэро-Клуба (ИВАК) и становится активным членом Московского общества воздухоплавания. Именно В. В. Прохорову принадлежит приоритет в практическом применении самолета как «транспортного средства». 29 сентября 1913 года инженер

и спортсмен Прохоров собирался из своего подмосковного имения ехать в театр на балет, но лошадей подали поздно, и на поезд он опоздал. Недолго думая, авиатор во «фрачном костюме» и манишке приказал вывести свой «Фарман», уселся на пилотское место и улетел в Москву (до этого Прохоров уже неоднократно совершал такие перелеты). На Ходынку он прилетел в 7 часов вечера, за 20 минут до прихода поезда на вокзал, и с аэродрома преспокойно уехал в театр.

Кстати, строительство первого в России аэродрома – Ходынского, торжественно открытого в октябре 1910 года, велось в основном на пожертвования любителей авиации. Была сооружена взлетно-посадочная полоса, шесть небольших ангаров для аэропланов и въездные ворота, которые были построены в стиле модерн архитектором Львом Кекушевым на средства Василия Прохорова. Примечательностью аэродрома был шикарный прохоровский павильон с ангаром.

Игорь Шелест в книге «Лечу за мечтой» пишет: «Над павильоном возвышалась статуя Икара с распростертыми, как у птицы, крыльями. По углам были статуи греческих богинь – покровительниц искусств. А под козырьком на фасаде ангара красовалась затейливая надпись: «Vers les nouveaux rives de la vie eternele!» – что в переводе с французского означало: «К новым берегам вечной жизни!». На крыше ангара был застекленный павильон, устланный коврами и украшенный

картинами, в котором располагался великолепный буфет. В этом салоне перед огромным стеклом с обзором всего поля стояли кресла для гостей Прохорова. Почетными посетителями павильона считались известные театральные деятели В. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский, которые сюда часто заглядывали.

В ангаре хранился один-единственный моноплан французского происхождения – 14-метровый «Моран-Ж» с мотором в шестьдесят лошадиных сил. По крылу аэроплана было выведено огромными буквами: ПРОХОРОВЪ. Девять букв – пять на правой плоскости, четыре – на левой и во всю ширину крыла. Таким образом, спутать этот самолет с другими было нельзя...

Несмотря на то, что Василий Васильевич был родственником известных фабрикантов, он, однако, не причислял себя к «вульгарным коммерсантам, ибо был авиатором». О Василии Васильевиче говорили, что это «свободный художник, эстет и, если хотите, авиатор-поэт». Носил он экстравагантный костюм: бархатную куртку с помпонами, короткие панталоны из шелковой ткани, подхваченные ниже колен, шелковые чулки и лаковые туфли».

Имел Прохоров и свою летнюю авиационную станцию под Москвой. Она находилась около его дачи, недалеко от «Немчиновского поста» Александровской ж.д., рядом с усадьбой «Поповка» семьи Боткиных, давшей России целую плеяду выдающихся людей в промышленности, торговле, медицине

и дипломатии. Сегодня все знают эту местность под названиями Рублевка, или Барвиха. Именно здесь Прохоров снимал у крестьян деревни Раздоры большой кусок земли под аэродром с хорошо оборудованным ангаром. Часто Василий Васильевич совершал свои воздушные прогулки в компании отчаянных деревенских девушек («есть женщины в русских селениях!»), работавших в соседнем имении Н. И. Гучкова.

После 1917 года, когда ангар Прохорова национализировали (как и все остальное его имущество), «Вася», как ласково звали Прохорова в своем кругу авиаторы, часто посещал аэродром и любовался полетами. Особенно нравился ему Михаил Громов, с которым авиатор познакомился в 1924 году. Позже, когда вход на аэродром закрыли, Прохорова часто видели на липовой аллее Ленинградского шоссе, откуда он наблюдал за полетами.

Кстати, с Ходынского поля не только взлетали самолеты, там и в футбол играли! «Московская газета» писала в сентябре 1911 года: «Ходынское поле служит сейчас не только местом для скачек, бегов и авиации, – но и для футбола. Московские футболисты, вернувшись из дачных мест, облюбовали теперь для себя Ходынку. По всему полю, в разных местах, ежедневно идет состязание футбольных «команд». Играют без призов, и не для публики, а «так себе», чтобы потренироваться. Ходынское поле теперь смело можно переименовать в «спортивное поле». Ибо на нем сосредоточены сейчас все виды спорта».

Имя В. В. Прохорова с теплотой упоминает в своей книге «Встречи на футбольной орбите» Андрей Петрович Старостин. Дело в том, что Прохоров был членом Московского общества охоты и часто приезжал зимой на собственном автомобиле, с закусками и винами «от Елисеева», к знаменитым егерям-псковичам Старостиным пострелять «красного зверя» – волков, медведей и лисиц, натаскать собак. А после охоты устраивал банкет. Именно Прохоров помог в свое время семье погасить ссуду, предоставленную Обществом охоты братьям Петру и Дмитрию Старостиным на постройку собственного небольшого особнячка с садом на пресненском Камер-Коллежском валу в Грузинах. И еще неизвестно – узнала ли бы спортивная Москва фамилии Старостиных без помощи этого человека. Одно только это обстоятельство обязывает нас вспомнить о В. В. Прохорове.

А. П. Старостин пишет: «Был еще один член Общества, постоянно ездивший с отцом. Он занимал особое место в общественных кругах Москвы. Инженер по образованию, из хорошо обеспеченной семьи, Василий Васильевич Прохоров входил в число первых русских авиаторов... Нередко он заезжал к нам забинтованный после очередной аварии. В нашей столовой висел подаренный им снимок с надписью: «И в Сибири люди жить привыкают»... На фото – разбитый летательный аппарат вверх колесами, рядом стоит Прохоров и его коллеги по воздушному спорту, авиаторы Ефимов и француз Пэгу, приезжавший в Россию перед империалисти-

ческой войной и удивлявший москвичей на Ходынском поле мастерством высшего пилотажа. (Именно под предлогом удачного итога охоты на волка с французом, В. В. Прохоров выдал Петру Старостину из своего кармана очень крупную сумму денег, которая и пошла на погашение ссуды. А Старостиним он сказал, что это наградные, полученные от француза. Просто так егеря от Прохорова денег бы не взяли – гордость не позволяла. А позже авиатор прислал Старостиним из Франции штучное ружье центрального боя одной из лучших европейских фирм «Голянд-Голянд». – А. С.)...

Прохоров всегда вызывал у меня чувство восхищения. Сильный, смелый, он отличался от верхушки московских богачей, к которым принадлежал, простотой обхождения с людьми. Господа – члены Общества, обычно с повелительными интонациями в голосе обращались к егерям на «ты» – «Петр», «Дмитрий», «Кирсан», «Фрол», – Василий Васильевич же называл егерей по имени и отчеству, дружелюбно здороваясь за руку. Среди членов Общества охоты он не был популярен. Бывали случаи, когда какой-нибудь из снобов, увидев в числе записавшихся на охоту фамилию Прохорова, надменно заявлял: «Демократ тоже едет, нам не по дороге»... – и от охоты отказывался...».

В. В. Шверубович, сын знаменитого актера Василия Ивановича Качалова, с которым Прохоров был в теплых дружеских отношениях, в книге «О людях, о театре, о себе» вспоминал: «Это был человек огромного темперамента, жизне-

радостности и жизнелюбия. Физически он был могуч, здоров и вынослив почти нечеловечески. В него стреляли в упор, он получил несколько ран, они зажили. На самой заре авиации он приобрел во Франции самолет, научился летать на нем и разбился при этом сам, пролежал несколько месяцев – и полетел снова, и снова разбился. Чуть не утонул, так как пролежал под обломками самолета, рухнувшего в реку, несколько часов в воде, и... снова летал, как только оправился... Думаю, Василий Васильевич был неважным капиталистом – деньги интересовали его только в плане расходов, а не доходов. Тратил он их широко, элегантно, весело. Когда произошла революция, он потерял все состояние, но не потерял главного – любви к жизни, к людям, к искусству».

Первое время Прохоров торговал на Арбате пирожными, которые делала его жена – Вера Григорьевна, урожденная Зиминая. Ее отцом был Григорий Иванович Зимин – родной брат основателя частной оперы С. И. Зиминая, дядя первого московского футболиста С. Л. Зиминая. Мать В. Г. Прохоровой, Людмила Викуловна, была дочерью единоверца и соседа Зиминых по Зуеву – текстильного магната Викулы Елисеевича Морозова.

Именно с благословения Морозовых-Викуловичей, которые при подборе английских специалистов для своих фабрик предпочтение отдавали тем, кто хорошо играл в футбол, и был организован футбол в Орехове-Зуеве. Да и оба ореховских стадиона, в том числе и шикарный 10-тысячный в ме-

стечке Крутое, поле которого долгие годы считалось лучшим в России, строились под руководством англичан на средства И. В. Морозова, главы Никольской мануфактуры В. Е. Морозова. Мало того, брат Людмилы Викуловны, потомственный почетный гражданин и благотворитель Иван Викулович Морозов (он жил в особняке в Леонтьевском переулке в Москве, а отдыхал в имении под Москвой, известном сегодня, как Горки-10) на свои средства содержал в Орехово-Зуево и знаменитую футбольную команду КСО (Клуб-Спортъ» при фабриках Товарищества мануфактур Викула Морозова с сыновьями в местечке Никольском»), разговор о которой еще впереди. А почетными членами КСО были Алексей, Иван, Сергей и Елисей Викуловичи Морозовы.

Вошла в отечественную историю и сестра Людмилы Морозовой (Зиминой) – Вера Викуловна. Она вышла замуж за мебельного фабриканта П. А. Шмита и стала матерью «революционера» Николая Шмита, бабушкой кинооператора и режиссера Евгения Андриканиса и прабабушкой народной артистки РСФСР Татьяны Андриканис, более известной под псевдонимом Лаврова. Интересно, что первым мужем Татьяны Лавровой был актер Евгений Урбанский, вторым – актер Олег Даль, с которым они прожили полгода, ну а третьим – известный футболист московского «Торпедо» середины 60-х годов Владимир Алексеевич Михайлов.

Несколько слов о Н. П. Шмите. Николай Павлович рано потерял отца и в 1904 году вступил в права наследова-

ния, став владельцем лучшей в России мебельной фабрики на Пресне, изготавливавшей самую роскошную мебель. Среди постоянных заказчиков фабрики были и члены императорской семьи. Именно здесь изготавливался и трон последнего императора из династии Романовых – Николая II.

Руководить юношей по жизни взялся его двоюродный дядя Савва Тимофеевич Морозов, в последние годы жизни благоволивший большевикам. Под его влиянием Шмит и познакомился с известными московскими партийцами – Леонидом Красиным, Николаем Бауманом, Виргилием Шанцером, пожертвовал крупную сумму на издание горьковской газеты «Новая жизнь», а после начала декабрьского вооруженного восстания в Москве выдал на покупку оружия для рабочих 20 000 рублей.

Фабрика Шмита сделалась бастионом сопротивления так называемых «шмитовских дружин», состоявших из местных рабочих, и в ходе боев с правительственными войсками была практически полностью разрушена артиллерией и сожжена. На месте сгоревшей дотла фабрики Шмита до начала 20-х годов был пустырь, затем там установили памятный камень с надписью и открыли районный детский парк (Дружинниковская ул., 9). В 1948 году парку присвоили имя Павлика Морозова, установив там памятник «пионеру-герою № 1».

Хозяина фабрики, входившего в штаб восстания, в 1905 году арестовали. В тюрьме жандармы легко «раскололи» неопытного революционера с неустойчивой психикой (по

мнению психиатра В. П. Сербского, Шмит страдал редкой разновидностью паранойи), который назвал «адреса, пароли, явки», выдав весь круг лиц, причастных к получению от него денег, закупкам оружия и участию в беспорядках.

В конце 1906 года в виду явных признаков психического расстройства Шмита перевели в тюремную больницу. Шли переговоры о его освобождении на поруки семьи, как вдруг 13 февраля 1907 года, за день до назначенного срока, он погиб. Согласно официальной версии, он разбил окно и осколком стекла перерезал себе горло. Большевистская печать утверждала, что Шмита убили уголовники по приказанию Охранки. Однако в последние годы многие историки придерживаются версии об его устранении самими большевиками.

Дело в том, что незадолго до смерти Николай Шмит, в знак искупления своей вины, завещал все свое состояние передать в партийную кассу РСДРП. После этого участь Н. Шмита была решена... Для легальной передачи средств его сестры-революционерки вышли замуж за предложенных партией женихов (эта многоходовая ленинская операция по выживанию денег Шмита у законных наследников заслуживает отдельного рассказа), а большевистский центр в итоге получил около 380 тысяч рублей, что соответствовало количеству золота весом около 300 килограммов. А в те времена за 3 рубля покупалась хорошая корова...

Это «золото партии» пошло на обеспечения «нормаль-

ных условий» жизни в эмиграции руководителей фракции, издание легальных и нелегальных большевистских изданий, организацию партийных съездов и финансирование работы школы большевистских пропагандистов в Лонжюмо (под Парижем) и различных партийных кружков в России и за ее границами. Именно на этом золоте и окрепла партия большевиков в период между двумя революциями. Вкладывались эти средства и в доходный бизнес, и кто его знает, какие предприятия, и в каких странах были открыты на деньги Николая Шмита, чьим именем в 1930 году был назван Шмитовский проезд в районе Пресни. А знаменитый лейтенант Петр Петрович Шмидт, уроженец славного города Одесса, и его легендарные «дети» к нашим пресненским «разборкам» никакого отношения не имеют. Как, впрочем, и юный отцеубийца Павлик Морозов к Морозовым зуевским.

А Василий Васильевич Прохоров в дальнейшем нашел себе достойное своих знаний, умения и энергии место в советской хозяйственной жизни, и работал инженером на ответственной должности в ВСНХ. А еще он воспитывал дочь, которая родилась в 1925 году от его внебрачной связи с польской актрисой Иреней Гримусиньской. Виолетта Васильевна Прохорова закончила хореографическое училище Большого театра в 1941 году. С 1943 по 1946 год работала в Большом театре, театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. Потом вышла замуж за английского архитектора Гарольда Элвина и уехала в Лондон, где срывала овалы уже

под именем Виолетты Элвин в составе балетной группы Королевского оперного театра «Ковент-Гарден». Она танцевала практически все ведущие партии классического репертуара и делила зрительскую любовь с выдающимися примами Марго Фонтейн и Нинет де Валуа. В 1956 году Виолетта вышла замуж за итальянца, оставила сцену и уехала в Италию. В начале 2000-х годов приезжала в Россию.

Упомянутый же А. П. Старостиным в рассказе о В. В. Прохорове француз «Пэгу» – никто иной, как легендарный пилот, пионер французской авиации Адольф Селестен Пегу. Он вторым в мире, через неделю после нашего Петра Нестерова, выполнил трюк «мертвая петля». В 1914 году Пегу посетил Москву. Журнал «Искры» от 25 мая 1914 года писал тогда: «Известный французский авиатор Пегу, сделавший в прошлом году в августе безумный прыжок с аэроплана на парашюте и вслед за тем «мертвую петлю», после петербургских «гастролей» появился на московском аэродроме. Выступление «короля воздуха», как называют Пегу, так заинтересовало Москву, что на его полетах присутствовало до 300 тыс. человек. Пегу, действительно, показал ряд воздушных «трюков», которым приходится удивляться. Кувыркание в воздухе для него – забава, а «мертвая петля» – пустячное дело. Он их делает подряд десятками. Мало того, он вылезает из гондолы и летит, стоя. Это уже совершенно невероятный трюк, сделанный только Пегу, и то в первый раз в Москве. За два дня полетов Пегу Москва принесла свою

дать в 24 000 руб., из коих московскому воздухоплавательному обществу осталось лишь 2 тыс. с небольшим. Остальные деньги пошли в карман Пегу и его антрепренеров».

Во время одного из показательных полетов Пегу над Москвой его пассажиром был наш знакомый Р. Ф. Фульда. 31 августа 1915 года лейтенант Адольф Пегу был сбит немецким унтер-офицером польского происхождения Кандульским. В 26 лет этот человек, изобретатель многих технических новинок, нашедших применение в самолетостроении, первый испытатель, опробовавший парашют при прыжке из самолета, первый в истории ас, «авиатор из когорты одержимых», всего себя посвятивший небу, погиб. Адольф Пегу – Кавалер Ордена Почетного легиона.

Но вернемся к спортивному клубу «Вега». Этот «скромный» коллектив «держали» известные всей России представители семей Хлудовых – Морозовых – Найденовых. Президент клуба – потомственный почетный гражданин Глеб Васильевич Морозов – был «вечным» студентом естественного отделения физико-математического факультета Императорского Московского Университета. По каким-то причинам он неоднократно прерывал учебу и неизвестно, получил он в итоге диплом, или нет. Ничем не проявил он себя и на предпринимательском поприще. О его судьбе вообще мало, что известно. Кроме того, что в 1924 году он уехал в Германию, где его следы и затерялись. Но был в его биографии один момент, который сделал его знаменитым на всю Россию. Глеб

Морозов был сыном Варвары Алексеевны Морозовой, урожденной Хлудовой.

Имя Морозовой, потомственной почетной гражданки Москвы, заслуженно принадлежит к гражданской и предпринимательской элите России. Она прославилась не только как человек отменных деловых качеств, но и как истинная покровительница науки, культуры и образования. Об этом говорят ее многочисленные благотворительные дела, вызывающие уважение и гордость за русского Человека.

Варвара Алексеевна родилась в семье московского фабриканта Алексея Ивановича Хлудова, принадлежащего к купеческому старообрядческому роду. Почетный потомственный гражданин Москвы, первый председатель Московского биржевого комитета А. И. Хлудов был широко известен не только как крупный фабрикант в хлопчатобумажной промышленности, но и как коллекционер, увлекавшийся поисками древних рукописей, старопечатных книг и икон. Знаменитая Хлудовская коллекция после его смерти была передана в Никольский монастырь, а ныне хранится в Государственном Историческом музее.

Мужем В. А. Хлудовой стал один из владельцев Тверской мануфактуры бумажных изделий Абрам Абрамович Морозов (старообрядцы называли своих детей строго по святым, так что имена Абраам, Яков, Иоанн у них были не редкость), сын богатых фабрикантов Абрама Савича и Дарьи Давыдовны Морозовых. У них родилось трое детей: Михаил, Иван

и Арсений. После смерти мужа Вера Алексеевна взяла в свои руки его дела, расширив и усовершенствовав производство Тверской мануфактуры, которая по объему производства была одной из крупнейших в России. На всех производствах «Товарищества Тверской Мануфактуры бумажных изделий» (бумагопрядильная, ткацкая и отбельно-красильно-ситценабивная фабрика) к 1918 году было занято 17,8 тысяч человек. Основной капитал – 12 миллионов рублей, а стоимость недвижимого имущества – 26 миллионов рублей! Все это было национализировано 28 июня 1918 года.

Обладая удивительными деловыми способностями, Варвара Алексеевна была щедрой меценаткой и активно участвовала во многих благотворительных и культурных начинаниях в России. В частности, В. А. Морозова на собственные средства открыла в Москве на Покровской улице начальную школу, при которой впоследствии были основаны ремесленные классы, потратив на приобретение владения и постройку здания для училища и квартир для учащихся 150 тысяч рублей. Позже Морозова передала ремесленное и начальное училища городу, и они стали городскими. Так было положено начало системы профессиональных училищ.

Она же основала в Москве первую бесплатную читальню на Сретенском бульваре. Многие поколения москвичей пользовались фондами широко известной библиотеки имени И. С. Тургенева (Тургеневская библиотека), основанной В. А. Морозовой, пока ее здание в 1972 году не было раз-

рушено. Таким образом именно Морозовой было положено начало столичной сети публичных читален.

Часть огромного состояния, доставшегося ей после смерти мужа, Морозова передала на строительство московских больниц. В 1884 году она приобрела, а через два года подарила Московскому университету землю в районе Олсуфьевского и Бужениновского переулков для строительства психиатрической клиники и клиники нервных болезней. Психиатрическая клиника была построена и оборудована тоже на средства Морозовой. Ей было присвоено имя А. А. Морозова. Затраты на строительство Клиники составили более 500 тысяч рублей. В 1890 году Морозова внесла 50 тысяч рублей на устройство приюта для хронических нервных больных при Клинике нервных болезней. В январе 1892 года за свою благотворительную деятельность в пользу Московского университета она была удостоена монаршей благодарности. Психиатрическая клиника им. А. А. Морозова положила начало Клиническому городку в районе Большой и Малой Пироговской улиц. Ныне Клиника носит имя С. С. Корсакова (ул. Россолимо, 11 а).

Кроме того, по инициативе Варвары Алексеевны были собраны средства на сооружение первого в России Института для лечения опухолей. В 1898 году она вместе со своими сыновьями пожертвовала 150 тысяч рублей на постройку и обзаведение этого института. Раковый институт, названный «Морозовским», был открыт в 1903 году на М. Царицынской

улице (ныне Онкологический институт имени П. А. Герцена, ул. М. Пироговская, д. 20). И это – только малая часть того, что удалось сделать Морозовой на благо общества в Москве, Твери и Клину.

В. А. Морозова осталась вдовой в 34 года. Согласно завещанию покойного мужа, в случае повторного брака она лишалась прав наследства. Дабы сохранить возможность распоряжаться состоянием, она вынуждена была жить гражданским браком с профессором Василием Михайловичем Соболевским, известным экономистом, публицистом, издателем и редактором либеральной газеты «Русские ведомости». Их общие дети Наталья и Глеб носили отчество отца и фамилию «Морозовы».

Дети Варвары Алексеевны от первого брака не посрамили фамилию и оставили свой след в истории культуры Москвы. Старший сын Михаил Абрамович стал одним из первых представителей нового поколения купечества, окончивших Московский университет. В фабричных делах Михаил Морозов участия практически не принимал, но был заядлым коллекционером, известным в Москве под именем «Джентльмен». После его смерти великолепное собрание западной и русской живописи, икон и скульптур было передано в Третьяковскую галерею.

Средний сын Морозовой, Иван Абрамович, окончил Цюрихский политехникум в Швейцарии и стал единственным продолжателем семейного бизнеса, с 1892 года занимая

должность директора-распорядителя на Тверской мануфактуре. В 1899 году он приобрел особняк на Пречистенке (ныне д. 21, здание Российской Академии художеств) для размещения своей коллекции, которую впоследствии собирался подарить городу. В 1918 году его картинная галерея была национализирована.

Младший сын Арсений несколько лет обучался в Англии. По возвращении увлекся охотничьим собаководством. Благодаря Арсению Абрамовичу, мы имеем ныне возможность любоваться его «замком» в псевдомавританском стиле на Воздвиженке, 16 («Дом дружбы народов»). Особняк на Воздвиженке был построен в 1899 году другом Арсения Морозова – архитектором-мистиком Виктором Мазыриным (земельное владение под застройку Арсению подарила мать на его 25-летие). Этот дом и поныне является архитектурной особенностью исторического центра Москвы. Рассказывали, что когда Морозова увидела построенный сыном дворец, она воскликнула: «Раньше только я знала, что ты болван. Теперь же это видит вся Москва!».

Глеб Васильевич Морозов в 1910 году обвенчался со своей дальней родственницей, дочерью Александры Герасимовны и Александра Александровича Найденовых, Мариной. Ее брат – Георгий Александрович, стал заместителем председателя правления «Веги». Интересно, что и семья Морозовых, и семья Найденовых входили в первую пятерку московского купечества (Морозовы, Бахрушины, Найденовы, Тре-

тьяковы и Щукины), которые из рода в род сохраняли большое влияние на промышленную и общественную жизнь России. Следом шли семьи Прохоровых, Алексеевых, Солдатенковых, Якунчиковых, Абрикосовых, Кузнецовых, Мамонтовых, Оловянишниковых, Боткиных.

Одним из самых известных в Москве представителей рода Найденовых был дядя Георгия Найденова – уже неоднократно упоминавшийся нами коммерции-советник, потомственный почетный гражданин Николай Александрович Найденов. Это был выдающийся общественный деятель, крупный московский предприниматель, известный российский историк, меценат и благотворитель. В конце XIX века авторитет Найденова был так высок, что в 1877 году он избирается председателем Московского биржевого комитета и становится главой московского купечества, одним из руководителей российской экономики в течении 30 лет. Чиновники правительственных канцелярий почти всегда запрашивали компетентное мнение председателя Биржевого комитета по всем вопросам экономической политики, важнейшими из которых были таможенные тарифы, железнодорожное строительство, денежное обращение и кредит, система налогообложения, торговля с иностранными государствами. Кроме того, Н. А. Найденов бессменно, вплоть до своей кончины, был Председателем правления созданного при его участии Московского Торгового банка, который называли «Банком Найденова».

Как гласный (депутат) Московской Городской Думы от купеческого сословия он добивается издания материалов по истории Москвы. Им созданы знаменитые «найденовские» альбомы с изображением храмов и монастырей Москвы, видов города, а также старинных гравюр, впервые опубликованных. Это бесценное собрание, где в наши дни можно увидеть давно ушедшие в небытие памятники архитектуры и виды старой Москвы, было и для своего времени крупнейшим научным трудом.

Сам Георгий Александрович Найденев (родственник знакомых нам футболистов Варенцовых, начинавших свою карьеру именно в «Веге») окончил ИМТУ, служил бухгалтером Торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», входил в совет Дома призрения бедных Г. И. Хлудова, был членом Русского фотографического общества, слыл прекрасным рисовальщиком, охотником (он состоял секретарем и одним из директоров Московского общества охоты), большим любителем и мастером разных поделок и столярного дела, которое станет для него после эмиграции в 1918 году в Париж средством к существованию.

Какие же это личности, какой размах! Да что там люди! В историю Москвы вошло даже здание, где размещалось правление «Веги». Собственный дом Хлудовых (владения №№ 5 и 7) находился в Басманной части Москвы, в глухом Хомутовском (одно время он назывался Хлудовским или Хлудовым) переулке, соединяющем Садово-Черногрязскую ули-

цу с Басманным тупиком (недалеко от современной станции метро «Красные Ворота»). Именно в этом доме проживал родной дядя управляющего футбольным клубом «Вега» Глеба Морозова – легендарный Михаил Алексеевич Хлудов. Он был человеком очень одаренным, умным, сметливым, неутомимым охотником и мужественным воином. И при этом – бесшабашным, с русским размахом гулякой и кутилой, своими страстями не владеющий. Хлудов был участником похода русских войск в Среднюю Азию, участвовал во взятии Ташкента и Коканда. В Русско-турецкую войну служил адъютантом генерала М. Д. Скобелева, пробравшись в турецкий лагерь, взял «языка» и за храбрость получил Георгиевский крест.

Прославился же Хлудов на всю Москву (помимо своих легендарных запоев и развратных походов) тем, что привез из Туркестана ручную тигрицу по кличке Машка, и поселил в своем громадном особняке. А в подвале Михаил держал медведя – силой богатырской с ним мерился. Тигрица так пугала посетителей Хлудова и его соседей, что пришлось отдать ее в Зоологический сад.

А на фабрике в Ярцеве, что в Смоленской губернии, у Хлудова был ручной волк, свободно расхаживающий по дому, и, вскакивая передними лапами на стол, где был накрыт чай для гостей, с пирогами и печениями, и пожирал их, при смехе хозяина. Пил же чай Михаил Алексеевич так: ему подавали стакан чая и бутылку коньяку, он отопьет ложку чая,

допьет коньяком, тоже другую и пьет так этот стакан чая до тех пор, пока не опустеет бутылка с коньяком.

Уже знакомый нам Н. А. Варенцов дал Хлудову такую характеристику: «Михаил Алексеевич был субъект патологический: где бы ему не приходилось жить, везде оставлял он за собой ореол богатырчества, удивлявший всех. Несмотря на его безумные кутежи и безобразия, в нем проглядывало нечто, что увлекало людей. Им интересовались, с любопытством старались разобраться в его личности; его беспредельная храбрость и непомерная физическая сила, которую он употреблял ради только своих личных переживаний, удивляли всех...

Мне думается, если бы его духовная жизнь была бы в сфере более высших переживаний и вожделений, из него мог бы получиться великий человек, но, к сожалению, все его духовные силы поглощались низменными чувственными желаниями, именно: пьянством и развратом».

Умер М. А. Хлудов на своей даче в Сокольниках, то ли от белой горячки, то ли был отравлен женой и ее любовником, всего сорока лет от роду. По его духовному завещанию в Москве, на Девичьем поле (Пироговская улица) была построена детская больница, на устройство и содержание которой Хлудовым было оставлено 100 тыс. руб. и 50 паев Товарищества Ярцевской мануфактуры, стоящих 250 тыс. рублей. Больница была отстроена вблизи университетских клиник на земле, бесплатно отведенной для нее Городской упра-

вой. Начало клинике было положено в январе 1866 года. Здание клиники сохранилось вместе с надписью на фронте. Сегодня – это Детская клиника Первого мединститута.

Племянник М. А. Хлудова – Алексей Васильевич, входил в правление «Веги» и состоял членом-соревнователем в «Унионе», а двое молодых Хлудовых играли в первой команде Общества. Один из них – Сергей Васильевич Хлудов, окончил Александровское коммерческое училище, химический факультет МГУ, защитил кандидатскую диссертацию. В 1-ю Мировую войну служил в артиллерии. После революции остался в России. Во время Великой Отечественной войны, будучи инженер-полковником, заведовал химической лабораторией. Вот на какие исторические параллели вывел нас рассказ, о невзрачном, на первый взгляд, московском футбольном клубе «Вега».

* * *

Новогиреевское спортивное общество, или просто «Новогиреево» (правда, тогда писали «Ново-Гиреево») было организовано в августе 1909 года жителями одноименного дачного поселка. Инициаторами этого начинания выступили П. Ф. Момма, Н. А. Ионов, К. Г. Линденберг, Ю. Ю. Вюрт, К. К. Ленге, Ф. Т. Конкин, а учредителями стали А. В. Фосс, П. Ф. Момма, М. М. Бурдон, А. Я. Вейнрауб и К. Г. Линденберг. Наблюдательный комитет возглавил местный житель Павел

Федорович (Пауль-Фридрих) Момма – бывший бюргер из города Нарва, купец 1-й гильдии владел в Москве Торговым домом «Момма и Мургед», который торговал на Ильинке мануфактурным и галантерейным товаром. Его брат – титулярный тайный советник, инженер-технолог Александр Федорович Момма, был нотариусом Московского окружного суда, старшиной Общества любителей верховой езды, членом Московского общества рижских политехников.

Заместителем председателя правления «Новогиреево» стал инженер-технолог, владелец технической конторы по изготовлению вагонеток, стрелок, поворотных кругов и прочих принадлежностей для узкоколейных дорог, продаже железа, стали и чугуна, а также директор механического завода на Грязной улице Карл Гугович Линденберг (помимо того, К. Г. Линденберг и П. Ф. Момма были членами технической комиссии Общества благоустройства в поселке Ново-Гиреево), казначеем – австрийский подданный, купеческий сын Милан Мечиславович Бурдон (его отец владел Торговым домом «Бурдон Мечислав Ив. и К^о» и имел магазин галантерейных товаров на Петровке), а секретарем – местный житель Николай Афанасьевич Ионов, заведующий водокачкой и освещением Общества благоустройства в поселке Ново-Гиреево.

В распорядительный комитет «Новогиреево» входили Эмилия Васильевна Фосс, Лора Карловна и Александр Иванович Говард, Вера Васильевна Бурдон, Александр Васи-

льевич Фосс, Ядвига Максимовна Линденберг и Александр Александрович Полянин. Как видно, деятельное участие в жизни нового общества принимали и женщины, что отличало «Новогиреево» от других спортивных кружков Москвы.

К 1 января 1910 года в клуб вступило уже 67 человек. Располагалась команда на одноименной станции Нижегородской железной дороги, выступала в форме желто-голубых цветов (почти в такой же, в какой позже выступала команда ВВС), а размер членских и вступительных взносов здесь был по 3 рубля при рекомендации двух членов клуба. За футбол в клубе отвечал прусский подданный, владелец агентской конторы по продаже москательного товара, житель Новогиреево А. В. Фосс.

23 июня (6 июля) газета «Голос России» писала: «20 июня в поселке Новогиреево состоялась закладка и торжественное освящение нового здания для спортивного клуба. На молебствие прибыли делегаты спортивных обществ, которые после богослужения произнесли приветственные речи; особенной задушевностью отличалась речь г-жи Фосс; она желала развития клуба, как учреждения оздоравливающего подрастающее поколение».

Один из участников этого мероприятия, некто господин А. А. Петров, завершил свою пламенную речь пожеланием, «чтобы в новооткрытом клубе нашло себе приют все, что служит всестороннему развитию человека... Пусть процветает здесь не только спорт подвижный во всех его проявля-

ниях, но пусть также найдут здесь себе отклик и другие наклонности человеческой природы... Здесь, в этом клубе, будем мы развивать свое тело и свой дух, и будем помнить всегда, что развитие тела не есть наша цель, это только средство, только необходимый путь к развитию нашего духа, к торжеству человеческого разума над природой и жизнью!».

Клубный павильон, открытие которого состоялось 14 октября 1910 года, получился в итоге шикарный. В центре большого помещения (150 кв. саженей) расположился гимнастический зал, который быстро и легко трансформировался в зрительный или танцевальный, рядом находились солидная бильярдная комната (в необходимых случаях она служила сценой), кегельбан, комитетская комната, помещения для переодевания спортсменов, летняя терраса (зимний буфет). В конце здания – погреб и отопление, на втором этаже – хоры для оркестрантов. Вдоль здания разместилось вполне приличное футбольное поле (правда, чуть уже предусмотренных стандартов), две площадки для тенниса, «гигантские шаги», площадка для легкой атлетики, складское помещение для хранения спортивного инвентаря и т. д.

Благодаря покровительству хозяина поселка Александра Ивановича Торлецкого, учредителям общества удалось приобрести 5000 кв. саженей земли по цене, 2,5 рубля за сажень, с выплатой по 300 рублей. Не рассчитывая на пожертвования меценатов, правление «Новогиреево» выпустило паи по 30 рублей каждый с рассрочкой платежа. Подписка в итоге

дала 12 000 рублей (некоторые пайщики приобретали и по 50 паев). Для пожилых членов клуба, которые уже не могли активно заниматься спортом, руководство получило разрешение организовать игры в домино, бильярд (его пожертвовал член клуба, владелец бильярдной мастерской в Сытинском переулке Николай Васильевич Шульц), шахматы, кегли, иметь собственную библиотеку.

Несколько слов о покровителе спортивного общества «Новогиреево». Последний известный представитель ветви Торлецких, сколотивших миллионное состояние на винных откупах, строительных подрядах, сдаче в аренду недвижимости на Кузнецком мосту, штабс-капитан Александр Иванович Торлецкий – личность довольно любопытная. Именно он считается первым девелопером в России, основателем Новогиреево – первого в Российской Империи коттеджного поселка, в котором можно было купить дома по ипотеке.

Впервые название «Новогиреево» (до этого здесь было небольшое село Гиреево и находившаяся по соседству родовая усадьба Торлецких – «Старое Гиреево») упоминается в рекламном проспекте, изданном А. И. Торлецким в 1906 году. Брошюра именовалась так: «Описание вновь устроенного подмосковного поселка «Новогиреево» Московской губернии и уезда близ станции «Кусково», Нижегородской ж. д. Владения Александра Ивановича Торлецкого». На титульном листе также было написано: «Поселок освещен электричеством. Общий подземный водопровод с подачей воды в

каждый участок. Телефон с Москвой для общего пользования».

Прогрессивно настроенный молодой человек, Александр Иванович, получив довольно потрепанное наследство, решает поправить свои дела путем продажи под дачное строительство части своих владений. Часто бывая в Европе, он обращает внимание на уютные пригороды тамошних столиц и, задумывая свой поселок, берет за основу германские Потсдам и Бабельсберг. В течение 1905–1907 годов в вековом лесу, поросшем соснами, елями, дубами и липами прорубаются 16 взаимно перпендикулярных проспектов, ширина которых составляет 25 метров, «с канавами, пешеходными дорожками и аллеями по обеим сторонам дороги для гуляний. Проспекты освещены электричеством; устроена своя электрическая станция. Все улицы замощены отличными торцевыми мостовыми, по всем тротуарам поставлены скамейки».

Распланировав таким образом будущий поселок, Торлецкий предлагает его земельные участки сначала под дачное строительство, а затем, после дальнейшего благоустройства, уже и под круглогодичное проживание. Новый поселок заинтересовал техническую интеллигенцию и иностранных инженерных работников Московско-Казанской железной дороги, заводов Дангауэра и Кайзера, фирмы «Гужон» и Кусковского химического завода. Из-за того, что около половины центральных участков были куплены сотрудниками различных германских фирм, новый посёлок в просторечии звали

«Немецким». Существовала в поселке и своя инфраструктура: «церковь, парк, врачи, почтовый ящик, пруды для купания, отличная артезианская вода, лавки со всеми необходимыми припасами».

За короткий срок, менее чем за год, все участки центральной части поселка были распроданы. Условия приобретения участков были достаточно доступными. По желанию покупателей их стоимость можно было выплатить с рассрочкой до десяти лет под 5 % годовых. Площадь каждого участка составляла 375 кв. сажен (15 ар), а стоимость – 1200 рублей. А учрежденное Торлецким Обществом, с помощью фирмы инженера М. Г. Гейслера также предлагало построить деревянные или каменные дома на земле, купленной собственником, также по льготным ценам и с возможностью оплаты в рассрочку. Возможные проекты домов также были представлены в указанной выше брошюре.

Прекрасные природные условия, пересеченная чистыми водоемами равнинная местность, бесперебойная торговля продовольственными товарами и особенно молочными продуктами – все это способствовало образованию своеобразного ореола популярности вокруг поселка. Новогиреево считалось одним из самых благоустроенных дачных мест в России.

Между тем Александр Иванович Торлецкий продолжил благоустройство. В Новогиреево появилась пожарная команда, а вершиной удобств стала собственная платформа

Московско-Нижегородской железной дороги, обустроенная вблизи поселка и, конечно же, конная железная дорога, проложенная по центральному Гиреевскому проспекту (ныне 5-й проспект) от платформы к центру поселка. Новогиреевская конка – первый в России общественный транспорт пригородного местного сообщения. Были даже планы соединения посёлка трамваем с Москвой. Были выстроены общие на поселок водонапорная башня с электрическими часами, насосная станция, а также собственная небольшая электростанция на жидком топливе. Территория поселка охранялась круглосуточно.

Жилищные условия, достойные большого города, и при этом экологическая чистота сельской местности (по уставу участки под застройку нельзя было использовать под строительство «питейных и ремесленных заведений, фабричных и заводских предприятий) пришлось по нраву не только инженерам. К концу первого десятилетия XX века сюда потянулась творческая интеллигенция: актеры, писатели, художники.

Во время Октябрьской революции А. И. Торлецкому, который потерял все, удалось бежать из России вместе со своей матерью. Умер он в страшной нищете после 1927 года, в хорватском городке Цриквеница.

Футбольная команда Московского клуба лыжников (МКЛ) выступал на Ходынском поле, по Санкт-Петербургскому шоссе, где много позже в Петровском парке вырос Стадион юных пионеров. У МКЛ было 7(!) песчаных площадок для лаун-тенниса, хороший футбольный плац и площадка для легкой атлетики. Имелась и зимняя станция. Очень красивый двухэтажный клубный павильон (в виде старорусского рубленного терема) состоял из 9 комнат (московский рекорд): гостиной, комитетской, дамской, 4-х мужских, служебной и швейцарской. Проведенная в клуб вода давала возможность без ограничений пользоваться душем и ежедневно поливать все спортивные площадки.

Играла команда в форме сине-белых (позже – красно-белых) цветов. С 1908 года МКЛ возглавлял граф Федор Петрович Кавский – владелец фирмы «Ф. П. Кавский», торговавшей на Петровке автомобилями, велосипедами, мотоциклами, запасными частями и принадлежностями к ним, с 1911 года председатель Всероссийского союза лыжебежцев, председатель московского клуба мотористов, старшина Московского автомобильного общества, один из пионеров российского велосипедного туризма, действительный член Замоскворецкого клуба спорта. Осенью 1894 года он вместе с А. Докучаевым за 18 дней проехал на велосипеде по маршруту

Москва – Париж.

Заместителем председателя правления и председателем спортивного комитета МКЛ был сначала Макс Федорович Бауэр (член Совета старшин Московского автомобильного общества, член Русского фотографического общества, доверенный Товарищества цементного, известкового и алебастрового заводов «Эмиль Липгарт и К°», которое, кроме того, владело механическим заводом по выпуску высококачественных сельскохозяйственных машин; вскоре Бауэр стал председателем Московской лиги лыжебежцев, заместителем председателя Московского олимпийского комитета), а затем – Александр Никитович Ежов, секретарем – потомственный почетный гражданин, заведующий заготовкой камня для мостовых Москвы Леонид Леонидович Архангельский. Последний, кроме того, занимал высокий пост и в клубе мотористов, а вскоре он сам возглавил МКЛ; был членом Московского олимпийского комитета, а в 1917 году – заместителем председателя Московского военно-спортивного комитета.

Позже заместителем председателя правления МКЛ стал Василий Павлович Панов, а секретарем – Павел Августович Линде. Футбольную секцию МКЛ в разное время возглавляли Л. Л. Архангельский, Николай Ильич Филиппов (а еще он был, как мы помним, казначеем в КФС), Бернгард Иванович Нордин (служащий склада шведско-американской конторской мебели на Мясницкой), Вадим Петрович Кригер

и присяжный поверенный, секретарь спортивной комиссии Московского общества автомобилистов, член Совета старшин МКЛ Богдан Фелицианович Яроцинский (позже – казначей Московского олимпийского комитета, один из основателей и активных членов и МФЛ, и МХЛ). Нордин, Кригер и Яроцинский представляли свой клуб в МФЛ.

Легкой атлетикой в МКЛ заведовали такие известные в Москве спортсмены, как Борис Алексеевич Котов, Наум Гаврилович Филимонов, Вильгельм Александрович и Сергей Александрович Шульц. Нередко они выступали за 1-ю и 2-ю футбольные команды МКЛ.

К 1914 году МКЛ насчитывал 438 (!) членов, в том числе 10 почетных и 170 действительных. Размер членского взноса для действительных членов составлял 23 рубля (первоначально – 17), для сезонных посетителей – 21 рубль (15). Действительными членами МКЛ состояли очень известные в московском спорте персоны: К. Г. Бертрам, А. И. Вашке, Л. В. Вегелиус, В. Я. Стейнер, Е. Ф. Корш (потомственный дворянин, служил инспектором Российского исторического музея), Б. И. Торбинский, Б. А. Ульянов, А. К. Штрекэйзен (позже Аксель Конрадович представлял интересы своего клуба в МФЛ), А. Н. Шульц (известный футбольный рефери; на 2-й Российской олимпиаде он стал вторым призером в десятиборье и третьим – в беге с барьерами на 110 м), Н. Н. Шульц, В. Н. Шустов, Ф. Ф. Энгельке, В. Ф. Аусберг, Д. А. Бабакин, А. А. Гладышев, Б. А. Мухин, В. И. Иоост, Б. В.

Муратов, А. Н. и С. Н. Дементьевы, И. В. Владимиров и др.

Вообще-то, устав Московского клуба лыжников – первого подобного объединения не только Москвы, но и России, был утвержден еще весной 1895 года! Его основал и до 1899 года возглавлял Иван Павлович Росляков. Центральная лыжная станция МКЛ «Петровская», открытая 17 декабря 1895 года, разместилась за Тверской заставой в частном доме, арендуемом клубом. Вскоре появилась и вторая станция – «Сокольническая».

Летом 1901 года в Москве было основано второе объединение лыжников – Общество любителей лыжного спорта (ОЛЛС, о нем мы подробно расскажем позже), обосновавшееся в Сокольниках и быстро обогнавшее по численности МКЛ, делавший упор на чистый профессионализм и к тому времени превратившийся в просто аристократический клуб. В 1909 году разросшийся МКЛ к своему пятидесятилетию получает новое обширное помещение: городское управление передает ему бывший Императорский павильон на Ходынском поле, построенный для Всероссийской Художественно-Промышленной выставки 1882 года, и прилегающие участки земли. С 1911 года на стадионе МКЛ проходит ежегодное первенство Москвы, а с 1912 года – первенство России по легкой атлетике. Футбол в обществе стали культивировать с 1910 года.

Команда Измайловского клуба спорта (ИКС) выступала в форме фиолетово-белых цветов на Семеновской заставе, в

Измайловском зверинце (официальный адрес: Преображенское, Суворовская ул., д. 15). Зимняя станция клуба располагалась у Хапиловского пруда. Членский взнос для действительных членов ИКС составлял 15 рублей, для «соревнователей» – 8, а для посетителей – 5 рублей. Отметим, что футболисты деревни Измайлово были хорошо известны в Москве и ранее, а в 1907 году несколько раз встречались с командой из Быково.

Учредителями клуба выступили господа Яковлев, Мейер, Степанов, Трофимов и Протопопов. Первым председателем ИКС стал Евстигней Афанасьевич Трофимов – московский купец 1-й гильдии, член правления Товарищества мануфактур «С. и Г. Василия Балашова сыновья», которое включало в себя ткацкую и отделочную фабрики в деревне Куровской, и красильно-набивную с аппретурной в Москве.

Заместителем Трофимова был А. И. Окунев, казначеем – П. И. Яковлев, секретарем – Н. П. Шмаков, членами комитета – И. М. Невежин (в 1917 году он возглавил клуб) и Б. П. Щербачев. Позже председательское кресло ИКС занял Михаил Андреевич Мейер, а его «товарищем» стал К. В. Степанов, секретарем – С. С. Протопопов, членами комитета – И. П. Окунев, А. Ф. Ганшин, Г. К. Зимгер, В. В. Вольнов, В. С. Четвериков, С. С. Четвериков, Л. В. Геркан, И. С. Баранов (заведующий футболом), Е. И. Иванов (после Четверикова представлял клуб в МФЛ).

Организатором, одним из учредителей и первым председателем Замоскворецкого клуба спорта (ЗКС) был уже знакомый нам Егор Ричардович Бейнс. Деятельное участие в создании замоскворецкой команды приняли руководители и служащие окрестных предприятий: завода Гоппера (М. П. Сушков вообще написал, что «владельцы завода Гоппера помогли организации Замоскворецкого клуба спорта еще в 1904 году и с тех пор регулярно оказывали ему финансовую поддержку»; достоверного подтверждения информации о 1904 годе мы пока не нашли), Товарищества Даниловской мануфактуры, Товарищества Рябовской мануфактуры бумажных изделий (в нее входили бумагопрядильная, ткацкая и отделочная фабрики в селе Нефедово Серпуховского уезда, и большая – 1000 человек работающих – ситценабивная фабрика в Москве, в Рыбниковом переулке), тюлево-кружевной фабрики англичанина Томаса Вильямовича Флетчера в Гамсоновском переулке у Данилова монастыря, Товарищества «Эмиль Циндель», АО «Фарбверке и К°» и других.

Крупнейшая в Российской империи ситценабивная фабрика (на ней в 1912 году работало около 3000 человек) мануфактурного товарищества «Эмиль Циндель» находилась на Дербеневской улице, дом 16. Изделия предприятия не име-

ли себе равных по качеству, богатству красок и изысканности рисунка. Неоднократно удостоивались высоких наград, в том числе права изображения Государственного герба Российской империи на вывесках, рекламе, ярлыках. Мануфактура Цинделя имела сеть торговых представительств по всей России, а в области оптовой товарной торговли занимала лидирующие позиции. Рабочие мануфактуры бесплатно пользовались больницей, школой, училищем для взрослых, баней, библиотекой и театром, а кроме того, получали награды, пенсии и пособия. Сегодня на месте этого предприятия расположен деловой центр «Новоспасский двор»...

Химический завод фирмы «Фарбверке», входил в германский концерн «Хёхст» и располагался на углу Дербеневской набережной и Жукова проезда. Основные продукты производства – анилиновые и ализариновые красители, а также фармацевтические препараты. Служащими и техниками на фабрике были исключительно немцы по происхождению, рабочими – русские. Заведующий технической частью «Фарбверке» Эмиль Брунс и коммерческий директор Василий (Вильгельм) Вальтер в 1910 году стали действительными членами ЗКС.

Представители указанных предприятий и вошли в состав временного комитета (он разместился на Кузнецкой улице), силами которого в декабре 1909 года был подготовлен, а в январе 1910 года утвержден устав ЗКС.

В нем, в частности, отмечалось, что «цель клуба – рас-

пространение в Москве и ее окрестностях игры лаун-теннис, как полезного для здоровья удовольствия. Клуб имеет право устраивать и другие игры – летние и зимние, как-то: футбол, крикет, хоккей, кегли, крокет, гимнастику, легкую атлетику, велосипедный и лыжный спорт, бильярд и пр. Членами клуба могут быть лица обоего пола всех званий, состояний и национальностей за исключением несовершеннолетних, учащихся, состоящих на действительной службе нижних чинов, юнкеров, подвергшихся ограничению прав по суду, состоящих под надзором полиции или под судом и следствием, исключенных из других спортивных организаций и профессионалов в спорте (ими считаются всякое лицо, выступающее по какому-либо отдельному спорту за деньги... Клуб состоит из членов: почетных, пожизненных, действительных, соревнователей и посетителей».

В соответствии с Уставом средства клуба составляли: «единовременные и ежегодные взносы членов; разовые платы от гостей; пожертвования; сборы с музыкальных и танцевальных вечеров, спектаклей, праздников, балов, маскарадов, состязаний и других увеселений, устраиваемых клубом; займы у своих членов и лиц посторонних».

Все организационные расходы велись за счет средств «пожертвователей». Основная финансовая помощь клубу была оказана Товариществом Даниловской мануфактуры. Самая крупная текстильная фирма дореволюционной России была основана в Даниловской слободе в 1867 году купцом 1-й

гильдии и потомственным почетным гражданином Москвы В. Е. Мещериным, но вскоре перешла в собственность уроженца Бремена, принявшего российское подданство, Людвиг-а Иоганна (Льва Герасимовича) Кнопа. По меркам российского бизнеса конца позапрошлого – начала прошлого веков Лев Герасимович, представлял собой явление уникальное. Он держал под полным или частичным контролем более сотни компаний в текстильной отрасли, не будучи единоличным собственником ни одной из них! Это именно про него ходила популярная в Москве поговорка: «что ни церковь – то поп, что ни казарма – то клоп, что ни фабрика – то Кноп!».

Членами правления «Даниловки» в разное время были такие известные в промышленном мире личности, как К. Т. Солдатенков, Ф. Л. Кнон, Н. И. Шукин, Г. П. Нейвейлер, А. С. Бер и др. Со временем Кноп стал единственным владельцем фабрики, а сыновья В. Е. Мещерина по суду были лишены своих паев в деле. Основной капитал к 1913 году достиг 3 миллионов рублей, а годовой оборот превышал баснословную по тем временам сумму в 20 миллионов рублей!

В состав Товарищества входили ткацкая, ситценабивная механическая и бумагопрядильная фабрики. К 1882 году Даниловская мануфактура стала комбинатом с полным циклом производства. В 1912 году здесь было выпущено свыше 2 млн. кусков готовых тканей около 150 сортов и свыше 20 млн. платков. На «Даниловке» выпускались высококачественные ситцы («фасонные», или «модные»), простые

ситцы, сатины, набивная бумагея, фланель, батист, бязь, малескин. На производстве в 1914 году было занято около 6 тыс. человек, для которых были построены кирпичные общежития.

Товарищество имело сеть собственных оптовых складов в различных городах страны, несколько магазинов в Москве и Петербурге. Правление и главный склад располагались в Москве в доме Московского купеческого банка на улице Ильинке. В советский период предприятие называлось Фабрикой имени М. В. Фрунзе, а с 1994 года – «Даниловская мануфактура» (Варшавское шоссе, 9). В 1997 году предприятие было объявлено банкротом и ликвидировано, а на его месте вырос Бизнес-центр «Даниловская мануфактура» – современный деловой квартал в стиле «loft», состоящий из реконструированных зданий XIX века из красного кирпича с сохранением их исторического облика. БЦ «Даниловская мануфактура» был удостоен награды Commercial Real Estate Moscow Awards, как лучший деловой комплекс класса «В+». Здесь же вырос элитный жилой комплекс «Даниловская мануфактура 1867», где бывшие производственные цеха с 15-метровыми потолками преобразованы в жилье премиум-класса. На территории почти в восемь гектаров разместились четырнадцать таких объектов. Помимо дизайна и внешней отделки зданий в лофтах «Даниловская мануфактура» полностью заменены системы коммуникаций, воплощены все самые современные тренды урбанистики, позволя-

ющие создавать по-настоящему комфортное городское пространство, однако сохранены детали уникальной архитектурной стилистики эпохи Промышленной революции в России конца XIX века – металлические трубы, кирпич, балки. Ну а мануфактурные товары в Россию теперь из Китая завозят...

В 1910 году «Даниловка» внесла в «копилку» ЗКС 500 рублей. Еще 200 рублей пожертвовало АО «Фарбверке» и 100 – Товарищество Рябовской мануфактуры. Первыми частными «спонсорами» замоскворецких футболистов стали Георгий Петрович Нейвейлер (младший из трех братьев Нейвейлеров, управлявших «Даниловкой» при Кнопе), чей вклад составил 100 рублей, и Фома Фомич Флетчер, пожертвовавший такую же сумму. Этих денег явно не хватало, и их пришлось одалживать. Ссуду ЗКС выдали: Е. Р. Бейнс (1100 рублей), К. К. Риглер (200), И. П. Смирнов (234), О. О. Грунди (200), братья Сысоевы (200), Л. П. Викторов, Д. И. Зеленский и В. И. Герасимов (все – по 100). Несколько меньшие суммы ссудили А. О. Герд и М. Я. Алленов. Общая сумма ссуды составила 2400 рублей. И в дальнейшем руководство ЗКС охотно прибегало к частным заимствованиям, что привело, как мы позже увидим, к негативным последствиям.

В следующем году ЗКС помогли крупнейшие промышленные и банковские деятели, потомственные бароны Йоганн-Андреас и Теодор-Юлий (соответственно, Андрей Львович и Федор Львович) Кноп, каждый из которых по-

жертвовал по 200 рублей, Торговый дом Гоппера (100 рублей в этом, и 200 – в следующем году), В. Л. Казалет (50). 10 рублей внес К. В. Чарнок.

Таких щедрых спонсоров ЗКС, как братья Кнопы, следует представить более подробно. Действительный статский советник А. Л. Кноп был совладельцем, а в 1901–1916 годах директором-распорядителем торгового дома «Людвиг Кноп», председателем правления Товарищества «Эмиль Циндель», директором правления товариществ Кренгольмской и Вознесенской мануфактур, председателем правления Московского учетного банка, членом Московского биржевого комитета и т. д.

Действительный статский советник, коммерции советник, банкир и промышленник Ф. Л. Кноп являлся членом советов Московского купеческого банка и Московского частного коммерческого банка, правлений товариществ Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуры, Измайловской мануфактуры, мануфактур Барановых, Даниловской мануфактуры, мануфактур Н. Н. Коншина, Вознесенской мануфактуры, каменноугольных копей и химических заводов Р. Гилля и Садковской мануфактуры И. Дёмина. После 1917 года братья покинули Россию.

Учредителями ЗКС стали частные лица: подданные Великобритании Егор Ричардович Бейнс и Андрей (Гарри) Иосифович Герд (он служил на фабрике Флетчера), личный почетный гражданин Москвы Иван Платонович Смир-

нов (инженер-технолог, директор фабрики Рябовской мануфактуры, член правления Кружка технологов Московского района), и мещанин города Кобеляки Дмитрий Иосифович Зеленский – хозяин технической конторы, совладелец Торгового дома «Викторов, Зеленский и К^о», член правления Московской конькобежной лиги (конькобежцы Москвы разыгрывали учрежденный Зеленским переходящий приз).

Учредительное собрание нового клуба состоялось 3 декабря 1909 года, на котором в члены клуба записались 72 человека, а 11 января был утвержден Устав ЗКС. 14 февраля 1910 года на общем собрании состоялись выборы Комитета ЗКС, в который вошли: Е. Р. Бейнс (председатель), И. П. Смирнов и Фома Фомич Флетчер (товарищи председателя), А. И. Герд (казначей), К. Р. Леман (потомственный почетный гражданин Карл Романович Леман служил инженером на фабрике Цинделя, управляющим которой был его отец – Роман Антонович), Александр Евгеньевич Швицер (фабрика Цинделя), Владимир Романович Крепелька («Фарбверке»), Карл Карлович Риглер и Иосиф Фомич Брукс (оба – «Даниловка»), Д. И. Зеленский (секретарь, позже его сменил служащий Рябовской мануфактуры Александр Иванович Гадалов, а Зеленский занял пост 1-ого заместителя председателя правления ЗКС) и Леонид Петрович Викторов (он был соучредителем торговых домов «Викторов, Зеленский и К^о» и «Викторов Л. П., Голубев Д. Я. и К^о», а его старший брат – инженер-технолог Петр Петрович Викторов, был известным

специалистом «по техническому обустройству фабрик и заводов»).

Почетным председателем ЗКС был избран барон Федор Львович Кноп (кроме того, он был пожизненным членом «Униона»), товарищем почетного председателя – Георгий Петрович Нейвейлер. Отметим, что многие действительные члены ЗКС были представителями технической интеллигенции (инженеры, мастера, управляющие производством, техники, архитекторы и пр.). Хватало среди них врачей и финансистов. Такой социальный состав был отличительной особенностью ЗКС.

Позже в состав комитета ЗКС входили: потомственный почетный гражданин, хозяин магазина писчебумажных товаров и принадлежностей для типолиитографий «Радуга» на Тверской Борис Владимирович Кудинов (сын и помощник В. Ф. Кудинова, известного в Москве владельца и директора Товарищества типо-литографии Е. Кудиновой и К^о), Осип Осипович Грунди (2-й заместитель председателя правления служил в Товариществе «Эмиль Циндель» и играл в ЗКС голкипером), Василий Иванович Бабыкин (членами ЗКС были трое купеческих сыновей Бабыкиных – Василий, Сергей и Георгий, и все они играли в разных командах ЗКС), Матвей Никитович Мартынов, Сергей Федорович Максимов («Мюр и Мерилиз»), Александр Михайлович Ефремов (директор арматурного завода на Шабаловке), Архип Иванович Жилкин, Павел Павлович Замятин, Евгений Иосифо-

вич Зеленский (архитектор, служил в технической конторе своего брата), Константин Дмитриевич Прозоров (врач соседней Голицынской больницы), Иван Васильевич Синицын, Михаил Яковлевич Алленов (был членом Московской лиги лыжебежцев, в 1912 году занял пост одного из заместителей председателя правления ЗКС), Евгений Федорович Экерле («Даниловка»), домовладелец Григорий Сергеевич Холостов, Илья Васильевич Эллиссон (он вместе с сыном служил на заводе Гоппера) и др.

Делопроизводителем состоял А. Ф. Мещерский. В состав спортивного комитета вошли Д. И. Зеленский, П. И. Гольден и капитаны команд: Трипп, Сысоев-1 (Владимир) и Алленов-1. Позже была образована и спортивная комиссия, куда вошли Вал. В. Сысоев, Г. Д. Эдж (они отвечали за футбол), М. Н. Мартынов и П. С. Прокофьев, которые «курировали» легкую атлетику.

Вступить в клуб можно было только по рекомендации двух его действительных членов, размер членского взноса для действительных членов составлял 12 рублей, для «соревнователей» – 10 рублей. Вступительный взнос составлял 3 рубля 20 копеек. Желаящие стать пожизненным членом ЗКС должны были заплатить единовременно 120 рублей. Первыми пожизненными членами ЗКС стали Егор Ричардович Бейнс и потомственный почетный гражданин Сергей Семенович Рябов (сын директора правления Рябовской мануфактуры и домовладельца Семена Петровича Рябова).

В 1911 году к ним присоединились Михаил Яковлевич Алленов, Осип Осипович Грунди, Иван Платонович Смирнов и Яков Иванович Фирсов (бывший член КФС пожертвовал клубу иконы и портрет Государя Императора), позже – Валентин и Владимир Васильевичи Сысоевы (кроме того, действительными членами ЗКС был еще один брат и сестра Сысоевых – Борис и Александра Васильевна), Афанасий Яковлевич Алленов, братья Зеленские, Александр Иванович Гадалов, Архип Иванович Жилкин, Борис Алексеевич Майтов, Андрей Дмитриевич Марин, Григорий Сергеевич Холостов и др.

Почетными членами ЗКС были избраны: Московский голова Николай Иванович Гучков, Егор Ричардович Бейнс, Илья Васильевич и Елизавета Яковлевна Эллиссон, Иван Платонович Смирнов, Андрей Иосифович Герд, Дмитрий Иосифович Зеленский и др.

Отметим, что действительными членами ЗКС состояли такие известные в Москве личности, как: Иосиф Иванович Арнольдт, Александр Михайлович Архипов (Голицынская больница), Василий Васильевич Ауэ, Федор Фомич Бейнс, Отто Иванович Бем, Михаил Владимирович Березин, Александр Александрович Венедиктов, Роман Романович Винклер (Прохоровская мануфактура), Герольд Васильевич Гартлей, Густав Федорович Генгст, Василий Иванович Герасимов, Петр Петрович Гуттон, Морис Эмильевич Дютуа, Федор Петрович Кавский, Вальтер Васильевич Кар-

нац, Герасим Августович Кноп, Павел Алексеевич Кудрявцев, Александр Федорович Кузьмин, Эрнест Юльевич Лист, Федор Прокопьевич Морозов, Эмилий Петрович Нейвейлер, Франц Эмильевич Нельтинг, Карл и Федор Федоровичи Платт (Вознесенская мануфактура), Карп Яковлевич Пульмен и Яков Филиппович Бордман (оба из конторы Кнопа), Владимир Васильевич Пономарев (Ярцевская мануфактура), Эльмаро Эдуардович Розенберг, Николай Федорович Савин, Иван Иванович Сноден, Вернер Фридрихович Стефани (Рябовская мануфактура), Александр Николаевич Тамаркин, Эдгар Викторович Тилль, Роман Федорович Фульда, Андрей и Клемент Васильевичи Чарнок, Сергей Михайлович Чернов, Александр Евгеньевич Швицер, Федор Федорович Энгельке и многие другие.

23 марта 1910 года ЗКС стал членом Московской футбольной лиги, 1 апреля – Московской лиги лыжебежцев (представитель В. И. Бабыкин), а 13 октября – Московской лиги любителей легкой атлетики (представитель М. Н. Мартынов). Позже ЗКС стал членом Московской хоккейной лиги (представитель А. И. Жилкин).

Зимой 1910 года руководство ЗКС обратилось в Городскую управу с просьбой отдать клубу в аренду участок городской земли в количестве около 5000 сажений на Дровяной площади, рядом с Мытной улицей. Здесь находился тогда склад камня. На этом месте предполагалось устроить площадку для лаун-тенниса, каток-площадку для легкой атлети-

ки, ледяную горку и трек для велосипедистов, а также выстроить клубный павильон. В этой просьбе ЗКС тогда отказали.

Первое время клуб располагался за Серпуховскими воротами на углу Арсеньевского переулка и Мытной улицы, напротив знаменитого на весь мир парфюмерного производства «Брокер и К^о». Основал эту фирму в 1869 году американец французского происхождения Генрих Брокер. Начал он с производства детского мыла, а потом нашел новый способ изготовления концентрированных духов. В этом он стал непревзойденным мастером. Так, однажды он преподнес герцогине Эдинбургской букет цветов из воска, каждый бутон которого издавал свой собственный, неповторимый аромат. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов Брокер выпускал мыло «Воинское», а позже наладил производство очень дешевой продукции: например, брусок мыла «Народного» или «Сельского» стоил всего 1 копейку!

Кроме этого, Брокер придумал делать парфюмерные наборы из 10 предметов, в которые входили духи, мыло, одеколон, пудра, помада и тому подобное ценой в 1 рубль, благодаря чему сбыт продукции увеличился невероятно. Брокару принадлежит и «ноу-хау»: придание мылу необыкновенных форм (шара, звездочки, рыбки). А в 1882 году в Москве, на открытии Всероссийской художественно-промышленной выставке «гвоздем» программы был фонтан в виде цветка, бывший знаменитым цветочным одеколоном Брокара. В со-

ветское время фабрика называлась «Новая заря».

Для проведения футбольных матчей в 1910 году Торговый дом Гоппера любезно предоставил ЗКС свою спортивную площадку на Павловской улице, с тем лишь условием, «чтобы на этой земле никаких доходов в виде разовой платы с гостей не было». ЗКС с такими ограничениями согласился, и 11 апреля (эта дата считается днем официального открытия ЗКС) на гопперовской площадке состоялась первая тренировочная игра, на которой футболисты знакомились друг с другом. А уже через год у ЗКС было свое собственное футбольное поле недалеко от Калужской заставы, торжественное открытие которого состоялось 15 августа 1911 года.

Этот участок земли (6150 кв. саженей) ЗКС арендовал у Городской управы по 5 копеек за кв. сажень свободной от построек земли и по 1,5 рубля – под постройками. А официальный адрес стадиона ЗКС тогда был таким: «Большая Калужская улица, 67, против Нескучного сада». Сюда ходили трамваи №№ 7, 10, 18 и «Б». Был даже телефон: 3–09–38. Площадка ЗКС граничила с владениями Медведниковской больницы и Рахмановской богадельни (сегодня это территория центральной клинической больницы Святителя Алексия Митрополита Московского Московской Патриархии Русской Православной Церкви; адрес – Ленинский проспект, д. 27), и между спортсменами и больницей поначалу возникали горячие территориальные споры. Городская управа в этом конфликте встала на сторону руководства ЗКС, и

вскоре отношения между соседями нормализовались.

Долгие годы спортивная площадка ЗКС была лучшим футбольным полем в Москве. После 1922 года этот стадион назывался Площадка им. Воровского при клубе «Просвещение трудящихся». Тогда здесь было футбольное поле, площадки для баскетбола, волейбола, тенниса (2), городков, легкой атлетики, беговая дорожка (360 м) и душ.

В 30-е годы совсем рядом, по адресу Б. Калужская, 29 располагалась физкультурная площадка завода «Красный пролетарий» (бывший завод братьев Бромлей). Позже спортсменам «Красного пролетария» передали стадион Гознака (Мытная, 40 и 44), который стал называться «Труд». Кстати, до Гознака здесь находилась одна из спортивных площадок Замоскворецкого клуба физкультуры Союза печатников (ЗКФП). Это место хорошо известно московским призывникам советских времен. В конце 40-х годов на месте легендарного стадиона ЗКС выросли дома, примыкающие к Ленинскому проспекту. А вскоре застроят и территорию, занимаемую стадионом «Труд».

Для павильона ЗКС в Сокольниках за 1400 рублей с уплатой в три срока, у В. С. Петровского была куплена хорошая, «капитальной постройки» дача (20×40 аршин). В 1910 году ее перевезли на Большую Калужскую улицу и собрали. Перевозка, установка, «приспособление дачи для надобностей клуба», полная внутренняя и внешняя отделка обошлись ЗКС еще в 4500 рублей. Поле огородили солидным

деревянным забором (еще 2000 рублей), который покрасили масляной краской (это удовольствие обошлось в 400 рублей).

В павильоне находился большой гимнастический зал (15×9 аршин), комнаты для переодевания и хранения спортивных принадлежностей, буфетная, дамская комната и др. Для выравнивания площадки завезли землю, засадили ее травой. Все земляные работы обошлись ЗКС в 2000 рублей. А вот за дерн, которым покрыли все поле, платить не пришлось, так как все расходы взяли на себя жертвователи – члены клуба Илья Васильевич и Елизавета Яковлевна Эллисоны. Схему дренажа разработал архитектор Д. И. Зеленский. На этом участке земли располагались две площадки для игры в футбол, три площадки для тенниса и детская площадка для футбола. Зимой играли в хоккей на собственном катке, катались на лыжах. Всего же на оборудование клуба (включая, помимо указанных выше затрат, посадку деревьев, обустройство площадок и катка, покупку лыж «от Биткова», мебели для павильона, заказ клубных значков и формы) ушло 13 950 рублей!

Выступала команда сначала в рубашках, одна половина которой была оранжевая, а другая – черная, а с 1911 года в красных трикотажных футболках (большинство московских команд играло тогда в простых рубашках) с продольными черными полосами. При этом фуфайка обязательно выпускалась поверх черных трусов. В этом был особый шик, тра-

диционный «фирменный стиль» ЗКС. Пожертвовал 36 фу-
фаек нового образца для всех трех команд ЗКС знакомый
нам И. В. Эллисон.

Среди жертвователей ЗКС отметим также В. И. Герасимо-
ва, за свой счет обустроившего одну площадку для тенниса,
и А. М. Ефремова, который устроил цветник ко дню откры-
тия клуба и пожертвовал аптечку.

Всего за летний сезон 1910 года ЗКС посетило 180 чело-
век, из них действительных членов – 98, членов-соревнова-
телей – 15. Перед московской публикой ЗКС впервые пред-
стал 9 мая 1910 года. В этот день, на площадке завода Гоп-
пера футболисты Замоскворечья встречались с «Вегой», и
разгромили соперника со счетом 8:1! А во втором своем по-
единке, 16 мая, футболисты ЗКС с крупным счетом (7:1)
обыграли многоопытный КФС. Кстати, именно на стадионе
ЗКС впервые в Москве было введено правило, когда за пол-
часа до начала игры все футболисты покидали поле. В на-
значенное время в центре появлялся судья и только по его
свистку игроки выбегали на поле. Первыми это делала ко-
манда гостей.

*В 1910 году составы команд Замоскворецкого клуба
спорта были следующими.*

*Первая команда: Е. Р. Бейнс, А. А. Говард, Д. Д.
Белл, П. И. Гольден, О'Маллей, Сысоев-2 (Валентин),
Филатов-1, Ф. Ф. Лебедев, С. И. Логинов, Филатов-2, Г.
Д. Эдж, О. О. Грунди, Г. Ф. Трипп, Б. Г. Николаев (вице-*

капитан), В. И. Эллисон (встречается и как Эльяссон, и как Эллиассон, и как Эллисон, и как Элисон), Ф. В. Лич. Под какими номерами числились братья Г. Д., В. Д. и С. Д. Филатовы – неизвестно.

Вторая команда: Сысоев-1 (Владимир), Б. В. Кудинов (вице-капитан), М. Д. Утенков, С. А. Кукуев, И. Н. Крашенинников, И. К. Воздвиженский, В. О. Гордон, Н. В. Романов, И. Г. Веселов, А. Г. Мартынов, М. Н. Мартынов, П. Ф. Кумеи, С. В. Скворцов, Н. А. Новосильцев, Н. С. Коробов, В. Ф. Бусыгин. Третья команда: М. Я. Алленов, Бабькин-1 (вице-капитан), В. П. Спроге, В. М. Васильев, П. С. Прокофьев, Бабькин-2, Иванов (членами-посетителями ЗКС были М. И. и И. И. Ивановы, но кто из них играл в футбол – неизвестно), А. Н. Крашенинников, Филатов-3, В. И. Бутин, Н. И. Бутин, В. В. Колчев, Пригоров, С. М. Савченко.

Московское отделение клуба «Унион» (знаменитый немецкий клуб одноименной электротехнической компании имел филиалы в 10 европейских странах, в т. ч. с 1897 года – в Санкт-Петербурге и Риге) появилось в 1908 году по инициативе известных велосипедистов Валентина Каспаровича Фельдмана, Павла Борисовича Пальма, Владимира Федоровича Карша (он был доверенным лицом немецкой Континентальной каучуковой и гуттаперчевой компании из Ганновера, больше известной под именем «Континенталь», которая первой из европейских фирм-производителей шин открыла свое представительство в России), Карла Фомича Таммана

(в 1906 году выиграл гонку Москва – Петербург), Владимира Федоровича (Вольдемара Фридриховича) Аусберга, О. Г. Паура (член правления Московской конькобежной лиги) и Александра Александровича Цорна (представитель рижской фабрики «Лейтнер и К^о»). Первое время общество занималось только устройством велосипедных и автомобильных гонок и состояло всего из 37 членов. Общество имело в Петровском парке два теннисных корта и велосипедную станцию.

В Уставе спортивного общества «Унион» было записано, что оно «имеет целью содействовать теоретическому и практическому развитию всех видов любительского спорта для развития и укрепления силы и здоровья юношества; доставить членам своим и их семьям возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой на развитие спорта...

Для достижения означенной цели «Унион» имеет право поощрять, распространять и устраивать все необходимое для правильного занятия по различным видам любительского спорта, как то: автомобильного, атлетического, велосипедного, гимнастического, конькобежного, лыжного, плавательного, теннис, футбол и др., в наемном или своем помещении, если на это позволяют средства Спортивного общества «Унион».

С 1909 года в обществе «Унион» стали культивировать и футбол. К этому времени в Обществе было 55 действитель-

ных членов и 22 сореvнователя, а уже к началу 1911 года количество действительных членов достигло 94, а сореvнователей – 62. В клубе стали заниматься легкой атлетикой, хоккеем, коньками, лыжами, теннисом. Вступительный взнос составлял 4 рубля, членский – 10 (с 1913 года – 15 рублей). Желающие стать пожизненным членом «Униона» должны были заплатить 100 рублей. Со временем «Унион» стал членом пяти московских лиг: футбольной, хоккейной, лыжебежной, легкоатлетической и теннисной.

Покровителем «Униона» (на очень выгодных условиях он передал клубу 3000 квадратных саженей земли) и его почетным членом был выходец из старинного дворянского рода, коллежский асессор Семен Петрович Чоколов, который, будучи по образованию инженером-путейцем, занимал видную должность Управляющего дорогами Акционерного общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, и одновременно – главного инженера строительства пути от Вологды до Архангельска.

В центральной части села Всехсвятское на окраине тогдашней Москвы (сегодня это район Сокол) на двух десятинах купленной у крестьян земли, в 1896 году Чоколовым был основан завод «для выработки глиняных изделий, терракоты и фаянса», на котором едва ли не впервые в России стали производиться низковольтные фарфоровые изоляторы для телеграфных и телефонных линий, а также для железной дороги. При заводе у жены Чоколова – хозяйки строитель-

ной конторы Веры Николаевны – было собственное цветочно-фарворовое и гончарное заведение.

Кроме того, Семен Петрович был членом Московской городской управы (он отвечал за городские железные дороги), Комиссии по надзору за сохранение водопровода Москвы, Московского отделения Императорского русского технического общества, Общества помощи лицам интеллигентных профессий, а в Самарском переулке ему принадлежало несколько домовладений. Его сын, в будущем известный художник, фарфорист Сергей Семенович Чоколов, чьим крестным отцом был сам С. И. Мамонтов, закончил Строгановское училище и юридический факультет Московского университета, был членом Московского автомобильного общества и «Униона», играл в хоккейной команде клуба. Входил в тайное общество по освобождению Николая II. После революции, от греха подальше, уехал в Молдавию.

Поначалу «Унион» проводил свои матчи на арендованном у ОФВ Ширяевом поле, но вскоре построил свое собственное поле у Екатерининского парка (ныне сад Российской Армии) по адресу: Старая Божедомка, Самарский переулок, дом 22 (это – бывшее владение Чоколова). В советское время спортивная площадка «Униона» называлась стадионом Профинтерна союза работников госторговли, а затем – стадион «Буревестник». Сейчас на этом месте расположен спортивный комплекс «Олимпийский».

Зимой на поле заливался каток. По этому поводу прес-

са писала: «Результат устройства катков наглядно виден в «Унионе» и СКС, где ежегодно приходится засеивать поле; трава на этих полях появляется лишь осенью, да и то так слабо, что с первыми же состязаниями уже вытаптывается». Другой источник добавляет: «Всегда сырое, грязное весной и осенью поле «Униона» высыхает лишь к началу лета, но при этом покрывается многочисленными мелкими буграми, которые заставляют мяч отпрыгивать совершенно не в ту сторону, куда следовало». А Михаил Ромм про стадион «Униона» написал так: «Это поле было «недомерком», короче и уже, чем предусмотрено правилами. Такие тесные поля выгодны грубым и примитивно играющим командам и гандикапируют команды хорошего класса: для тактических комбинаций нужен простор». Но зато, скользкое после дождя глиняное поле «Униона», которое часто превращалось в сплошное болото, очень любили англичане, «великолепно справлявшиеся со всеми трудностями неустойчивого положения».

Отметим также, что уже тогда вокруг футбольного поля «Униона» были установлены рекламные щиты, которые отчетливо видны на фотографиях тех лет. Широко использовалась подобная практика и в Киеве. На других московских площадках такого не было. В собственном здании клуба помещались буфет, столовая, другие служебные помещения, рядом были устроены три площадки для тенниса и одно футбольное поле.

Первым руководителем «Униона» стал потомственный

почетный гражданин, московский 1-й гильдии купец, биржевой нотариус Московского биржевого комитета, вице-президент совета при лютеранской церкви св. Михаила, Павел Филиппович Миндер (не путать эту фамилию с аптекарями Аристархом и Виктором Аристарховичами Миндер, владельцами Товарищества «Миндер А. и К^о», торговавшего минеральной и искусственной водой). Сын П. Ф. Миндера – Владимир, со временем стал одним из сильнейших защитников «Униона» и сборной Москвы. Кроме него играли за футбольную команду «Униона» Андрей, Георгий, Владимир и Федор Павловичи, а также их двоюродный брат – Александр Николаевич Миндер. Интересно, что в молодости Павел Филиппович был армейским прапорщиком, потом службу бросил и вступил в купеческое сословие, но торговлей не занимался, и в итоге оказался на бирже, как и его старший брат Александр, специализировавшийся на операциях с шерстью и хлопком.

А вот их третий брат – действительный статский советник Егор (в крещении Георгий) Филиппович Миндер, достиг в бизнесе определенных успехов: он окончил ИМТУ, получив специальность инженера-механика, долгие годы был директором правления «Товарищества Вознесенской мануфактуры С. Лепешкина сыновей», учредителем-пайщиком этой компании, владельцем хлопкоочистительного завода в Мерве (Туркестанский край), попечителем Александро-Мариинского приюта Ведомства учреждений императрицы Марии в

Москве на Старой Басманной улице. В 1913 году по инициативе Е. Ф. Миндера правление Вознесенской мануфактуры (сегодня – это подмосковный Красноармейск) открыло кинематограф в пустующем здании бывшего газового завода. Был оборудован зал на 250 мест и будка киномеханика. По воскресеньям здесь устраивались сеансы, на которых демонстрировались фильмы, специально привозимые из Москвы.

Заместителями председателя правления «Униона» были Герман Германович Беккель (владелец агентской конторы на Покровке, «специалист по бумажному и печатному делу», член Русского фотографического общества), личный почетный гражданин Василий Юльевич Буркевиц (он служил главным бухгалтером правления Общества русских трубопрокатных заводов) и Яльмар Альфонсович Стинберг – совладелец Торгового дома «Сандгрэн О. К. и Стинберг Я. А.», который занимался торговлей и ремонтом пишущих машинок и смазочных аппаратов.

Секретарем правления «Униона» состоял Иван Кондратьевич Дроммер (управляющий Московским отделением Эстляндской писчебумажной фабрики, одновременно заведовал лыжной станцией «Униона»), «товарищем» секретаря – Отто Гугович Гербек (пруссский подданный, купец, сын владельца большой типографии на Никитской, совладелец Торгового дома «Гербек О. Г. и Козляковский П. Н.», который специализировался на отоплении и вентиляции; одновременно он заведовал клубным катком), казначеем –

Карл Георгиевич Бертрам (одновременно служащий конторы «Тюдор» был действительным членом МКЛ, казначеем Московской лиги лыжебежцев, а позже – «товарищем» секретаря Московского олимпийского комитета; кроме того, он был одним из первых голкиперов «Униона», а позже защищал ворота МКЛ), его заместителем – Остен Иванович Гольден (позже его сменил Гарольд Александрович Кабот), командором (заведующий хозяйственной частью) – Карл-Герман Карлович Адлер, а его заместителем – Василий Иванович Шавыкин.

В ревизионную комиссию входили Георгий Георгиевич Анвельдт, Владимир Федорович Аусберг, Мирослав Иванович Китрих, знакомый нам Б. Ф. Яроцинский (одновременно он был капитаном 2-й хоккейной команды «Униона») и коллежский советник Александр Николаевич Гладкий (делопроизводитель Московского синодального училища церковного пения и Синодального хора; его сыновья играли в 1-й команде клуба).

Почетными членами «Униона» избирались Г. Г. Биккель, П. Ф. Миндер и С. П. Чоколов.

Пожизненными членами «Униона» были: потомственный почетный гражданин, директор Товарищества скоропечатни А. А. Левинсона, директор Балашинской мануфактуры, член Совета Российского союза взаимного страхования, член Московского биржевого общества Лонгин Алексеевич Карзинкин; действительный статский советник, ком-

мерции советник, консул Датского королевства в Москве, совладелец Торгового дома «Л. Кноп», председатель правления Т-ва Каспийской мануфактуры, директор Т-ва Кренгольмской мануфактуры, член правлений Богородско-Глуховской мануфактуры, Высоковской мануфактуры, Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуры, Московского страхового от огня общества и т. д. и т. п. Роман Романович (Рудольф Рудольфович) Фестер (племянник барона Людвига Кнопа, отец Аделии-Юлии-Доротеи Ферстер, ставшей женой Каспара-Эдуарда Кнопа); барон Федор Львович Кноп; Павел Борисович Пальм; потомственный почетный гражданин, купец Рудольф Леонтьевич Левинсон; потомственный почетный гражданин Александр Владимирович Бер; Николай Михайлович Миронов (АО Бумажных мануфактур Карла Шейблер) и О. Г. Гербек.

В спортивный комитет «Униона» первого созыва входили: Юрий Михайлович Янкович (председатель), Александр Васильевич Мак-Киббин (секретарь и заведующий отделением футбола), Федор Андреевич Бюстрем (служащий германской строительной конторы), О. Г. Паур (иногда – Пауэр, позже член правления Московской Хоккейной Лиги), Владимир Федорович Карш (он был капитаном 1-й хоккейной команды «Униона» пока его не заменил Всеволод Эдуардович Фельдман, а также пожертвовал Серебряный кубок для лучшего легкоатлета клуба) и Карл Фомич (Томасович) Тамман.

Позже в этот комитет вошли Василий Иванович Шавыкин, Борис Алексеевич Майтов (летом 1913 года возглавил его; сын Алексея Александровича Майтова – известного купца, биржевого маклера и домовладельца – был популярным московским издателем, а его дети играли в ОЛЛС), Василий Васильевич Фельгенгауэр (заведующий отделением хоккея), Остен Иванович Гольден, Герберт Александрович Штраус (ответственный за лаун-теннис, вскоре стал секретарем комиссии, а за теннис стал отвечать Буркевиц), Альфред Юльевич Шульц (вместе с Адлером отвечал за легкую атлетику), Герман Германович Беккель и Дмитрий Павлович Матрин.

Интересно, что отец братьев Матриных (Дмитрий играл в воротах, а Владимир был хавбеком «Униона»; третий брат – Александр Павлович, состоял членом МКЛ; о спортивных пристрастиях старшего брата Николая нам ничего неизвестно) – замоскворецкий купец, владелец собственного дома на Воловой улице Павел Титович Матрин, торговавший бумажной пряжей, шерстью и державший большой амбар в Рыбном переулке на Варварке, частенько посещал матчи, в которых принимал участие сын (несмотря на протесты администрации, 60-летний купец всегда стоял у ворот Дмитрия), а когда был недоволен его игрой – мог прилюдно и оплеуху любимому отпрыску (отказавшемуся, кстати, следовать по стопам отца, и вместо торговли выбравшему учебу в Университете) за промах вклепить. Серьезными людьми были москов-

ские купцы...

Капитанами футбольных команд «Униона» (до революции) в разное время были: 1-я команда – А. Ю. Шульц (вице-капитан Ю. М. Янкович), А. А. Ганшин (вице-капитан В. Поляков), Л. С. Смирнов, А. В. Мак-Киббин, Б. С. Антропов; 2-я команда – А. В. Мак-Киббин (вице-капитан М. Мейер), Н. Я. Калмыков (его отец – Яков Львович Калмыков, заведовал знаменитой табачной фабрикой Товарищества М. Бостанжогло); 3-я команда – К. К. Адлер, М. И. Китрих, Герман Германович Пуш; 4-я команда – Рудольф Денисович Миль.

Первоначально «Унион» выступал в белых брюках и зеленых фуфайках с белым обшлагом, а с 1913 года перешел на фиолетовые футболки с белыми манжетами и воротником. В футбольную комиссию «Униона» входили К. Бертрам, Б. Майтов, О. Гольден, В. Фельгенгауэр, Д. Матрин, И. Савостьянов и А. Мак-Киббин.

Александр Васильевич Мак-Киббин, который вскоре занял пост председателя спортивной комиссии «Униона», был личностью уникальной. Великолепный хавбек, вице-капитан «Униона», игрок сборной Москвы по футболу и хоккею, отличный легкоатлет-прыгун, спортивный организатор, член Московского олимпийского комитета (он представлял здесь хоккейную лигу), один из инициаторов проведения соревнований среди учащихся и «диких» команд, блестящий спортивный аналитик и журналист, постоянный автор журнала

«К спорту!». Писал он под псевдонимами: А. В.; А. М. К.; М.—К.; Ave. А жил он рядом со стадионом «Унион», на Старой Божедомке.

Его отец – дворянин Василий Васильевич (Вильям Вильямович) Мак-Киббин, был выходцем из Шотландии, в Москве проживал в Лобковском переулке. Занимал должность помощника начальника Ленского управления внутренних водных путей, позже служил на кафедре химии Московского университета. В 1929 году был арестован по обвинению в шпионаже и в 1931 году расстрелян на Ваганьковском кладбище. Реабилитирован в 1989 году. О послереволюционной судьбе самого Александра Васильевича, к сожалению, ничего неизвестно.

Мы уже говорили, что московский «Унион» был одним из десяти отделений Общества, разбросанных по всей России, а главное правление находилось в Петербурге. Еще в 1912 году на почве финансовых и ряда других вопросов между петербуржцами и москвичами стали возникать серьезные разногласия, которые обострились весной 1913 года. В результате москвичи проводят в июне того же года общее собрание членов своего отделения и принимают решения создать новую, независимую от Петербурга организацию – Московский клуб спорта «Унион». Вскоре ее устав регистрируют, а московское отделение «Униона» закрывают.

После начала 1-й Мировой войны руководство «Униона» сменилось. Председателем правления стал В. Ю. Буркевиц,

а его заместителем – О. Г. Гербек. Другие посты заняли: Г. А. Штраус (казначей), П. А. Кудрявцев (зам. казначея), В. Э. Фельдман (секретарь), Н. Г. Горелов (председатель спортивной комиссии).

Интересно, что именно в «Унионе», впервые в Москве была открыта запись мальчиков до 12 лет в детские футбольные команды общества. Уже к концу 1910 года при клубе было две такие команды. За детский футбол в «Унионе» отвечал К. К. Адлер.

До 1917 года лучшими игроками «Униона» были: Андрей Сергеевич и Борис Сергеевич Антроповы (дети потомственного почетного гражданина Сергея Ивановича Антропова, управляющего бумагопрядильной фабрикой Т-ва Братьев Хлудовых), Николай Иванович Александров, Владимир и Игорь Александровичи Гладкие, Николай Максевич Гольдберг, Остен Иванович Гольден, Николай Григорьевич Горелов, Евстафий Николаевич Емельянов, Николай Григорьевич Ермаков, Алексей Иванович Жаров, Борис Густавович Зееберг, Борис Иванович и Василий Иванович Зейдель (одни из лучших теннисистов Москвы), Владимир Иванович Иванов, Николай Викторович Ильин, Николай Яковлевич Калмыков, Иван Антонович Кожин, Василий Львович и Федор Львович Лаи, братья Борис и Николай Павловичи Леандровы (из кружка футболистов «Лефортово», их отец – Павел Петрович Леандров, был приставом 3-го участка Мещанской части), Александр Васильевич Мак-Киббин, Борис Николаевич

Манин, Владимир Павлович и Дмитрий Павлович Матрины, Андрей, Владимир и Георгий Павловичи Миндер, Алексей Алексеевич Постнов, Константин Александрович Пустовалов, Федор Михайлович Римша, Иван Робертович Рипп (его отец – Роберт Александрович, служил управляющим московскими складами Торгового дома «Людвиг Нобель»), Владимир Иванович Савостьянов, Александр Андреевич Скорлупкин, Леонид Сергеевич Смирнов, Михаил Петрович Смирнов, Александр Николаевич Сосунов, Александр и Карл Фомичи Тамман, Иван Карпович Таманцов, Алексей, Дмитрий и Сергей Евлампиевичи Троицкие, Василий Васильевич Фельгенгауер, Борис Робертович Цабель, Михаил Владимирович Чаплыгин, Василий Николаевич Шишелев, Альфред Юльевич Шульц, Юрий Михайлович Янкович.

* * *

Играли в московских командах первое время преимущественно иностранцы, в первую очередь – англичане, шотландцы и немцы, служащие в Москве инженерами, бухгалтерами, конторщиками. Мало того, владельцы КСО, опекаемого самим Викулой Морозовым, для усиления своей команды в 1910 году дали даже объявление в газете «Таймс» о том, что Никольской мануфактуре «срочно требуются рабочие и служащие, хорошо играющие в футбол». Прибыв-

ших по этому зову иностранцев хватило не только для «морозовцев», как тогда часто называли футболистов КСО, отобравших себе лучших «легионеров», среди которых выделялись С. Дикин, Морон, К. Каstellо, Т. Бонд, А. Томлинсон, Р. Дункерлей, Р. Гейвуд.

Оставшихся «бриттов-гастарбайтеров» решил подобрать в свой клуб Бейнс. Все они были устроены на работу на Металлургический завод Гоппера и другие предприятия района, с обязательством играть за ЗКС. Так в Замоскворечье появились англичане: нападающие А. Говард и Э. Томас, вратарь О. Грунди, полузащитники Г. Трипп и Д. Белл (из него позже вышел отличный рефери, получивший диплом в Англии). Не попавшие ни в КСО, ни в ЗКС заморские гастролеры со временем пристроились в других командах Москвы и Подмосковья. Но с годами иностранцев все активнее стали вытеснять из составов команд местные, московские футболисты (в основном – отпрыски известных фамилий), быстро осваивавшие тонкости заморской игры.

Выше уже отмечалось, что в развитие московского футбола огромный вклад внесли покровители спортивных кружков (именно поэтому мы и сочли необходимым, как вы уже заметили, более подробно представить этих людей читателям). В большинстве своем они были ярыми болельщиками футбола. От них зависело многое, они, по сути дела, были истинными хозяевами клубов. Кто же они, эти покровители? Михаил Сушков писал: «Их называли меценатами, и слово

это в какой-то мере проясняет вопрос, поскольку именно меценатство лежало в основе их деятельности. Спорт считался благородным занятием. Он был в большой чести в светском обществе. Слово «спортсмен» часто употребляли тогда как синоним слову «джентльмен». Говорили, к примеру: «Это неспортивный поступок», желая сказать: «Это не джентльменский поступок». Неудивительно, что капиталисты, владельцы крупных предприятий, банков, не взяв происхождением, но страстно желая снискать себе признание высшего общества, стремились любым путем приобщиться к спорту. Это давало им, так сказать, общественное лицо, кстати, весьма важное для их предпринимательской деятельности.

К тому же в спорте у них лежали и другие, более конкретные меркантильные интересы. Они создавали клубы, финансировали их, снабжали спортивным оборудованием, подыскивали спортсменов, следили за регулярностью тренировок, за спортивной дисциплиной в командах, способствовали в определенной мере внедрению спортивных идей. Делали это, как правило, на базе своих предприятий, вблизи них. Отсюда и пошли названия: «морозовцы» – по имени известных капиталистов Морозовых, «калмыковцы» – говорили иногда о команде Мамонтовки, которой покровительствовал миллионер Калмыков, или: «Площадка Цинделя», «Площадка Гоппера». Объективности ради следует сказать: каковы бы ни были личные мотивы, руководившие деятельностью спортивных меценатов, но в целом они сыграли важ-

ную и весьма положительную роль в развитии российской атлетики и футбола, в частности». Подобное признание дорогого стоит, если вспомнить, что писал эти слова Михаил Сушков в самые застойные 70-е годы. Проморгали уважаемые товарищи цензоры...

* * *

Первое время во всех состязаниях вне конкуренции были более опытные и сильные футболисты Британского клуба, и интерес соперничающих с ними команд сводился лишь к достижению наиболее приличного цифрового результата. Пресса отмечала, что у русских футболистов слово «британцы» вызывало «чувство невольного уважения, зависти, сознания чужого превосходства». М. П. Сушков вспоминал: «Мы считали себя счастливыми, когда попадали на матч с участием команды Британского клуба спорта. Англичане играли на голову выше. У них и учились. Учились прилежно, с верой в учителей, без тайной игры ущемленного самолюбия. Учились, надо сказать, неплохо. Англичане играли красиво – это бросалось в глаза даже нам, неискушенным мальчишкам.

Играли без суеты – мастерски. На таких матчах мы постигали тонкости футбола, замечали, что стихия событий на поле подчинена людям, она управляема, что здесь воплощается в жизнь заранее разработанная тактика. Разумеется, мы тогда не могли сформулировать то, что понимали, но глав-

ное понимали! И не было ничего удивительного в том, что, вернувшись домой, мы копировали своих кумиров и у себя во дворе гоняли «в футбол» до изнеможения...».

Со временем к «британцам» почти вплотную приблизились по мастерству футболисты СКС, в составе которых уже возмужали и приобрели опыт командной игры пионеры московского и дачного быковского футбола Владимир и Сергей Виноградовы, Роберт Вентцели, Михаил Ромм, Леонид Смирнов, Александр Скорлупкин, Федор и Петр Розановы, Сергей Парфенов, братья Серпинские, воспитанник мамонтовского дачного футбола Евгений Константинович, другие способные спортсмены. Эти два клуба – БКС и СКС, соперничали не только в поединках между собой, но и, заочно, в количестве забиваемых мячей «Униону», пропускавшему в свои ворота не менее дюжины мячей за игру. Основными источниками пополнения клубных касс служили тогда членские и вступительные взносы, пожертвования меценатов и сыновей зажиточных москвичей, занимавшихся в этих клубах самыми различными видами спорта.

В эти же годы бурно развивается футбол и в ближайшем Подмосковье. Инициатором такого увлечения провинции новой игрой стал дачный футбол. На дачи выезжал в то время народ достаточно обеспеченный (снять дачу на лето в престижном месте стоило в то время от 100 до 150 рублей, при средней месячной заработной плате квалифицированного рабочего 15 рублей), имевший место, время и усло-

вия для увлечения спортом. Обязательными среди дачников той поры были теннисный корт, городошная и волейбольная площадки, тропа для конных прогулок под седлом. Устраивались велосипедные поездки и, конечно же, футбольные матчи. Мода на игру в футбол всецело захватила Подмоскowie. Служащие, представители интеллигенции, среди которых были и уже опытные московские футболисты, создавали на отдыхе свои команды и всецело предавались любимейшей игре.

С наступлением каникул сюда же перекочевывали учащиеся гимназий и студенты. Известный футболист Валентин Сысоев так вспоминал о дачном футболе: «Все началось в 1908 году на даче в Расторгуеве, где наша семья жила летом. Соседскому парнишке Виктору Кудинову знакомый англичанин подарил футбольный мяч и в общих словах объяснил правила игры. Как только Кудинов вышел с мячом на лужайку, к нему присоединились трое Сысоевых. Виктор приблизительно объяснил нам правила, и закипели сражения. Сначала играли два на два, потом к нам присоединились ребята с соседних дач. Игра пришлась всем по душе, и мы носились по полю с утра до темноты. К концу лета в Расторгуеве уже насчитывалось несколько команд, составы которых, правда, менялись ежедневно. Появились и свои знаменитости».

Похожую историю в свое время поведал и Михаил Сушков. «Прежде Расторгуево знали как дачное место. Там, в деревне Тимохово, был дом, где наша семья проводила лето.

Дачников-москвичей здесь хватало, но футболист, как говорится, искал след футболиста. Впрочем, оказалось, что найти его не так уж и трудно. Не помню теперь, кто кого нашел: мы ли братьев Мастеровых – Николая, Федора и Василия – или это они разыскали Николая, Сергея, Александра и Михаила Сушковых. Но факт тот, что эти две семьи, да еще двое братьев Ивановых составили ядро дачной футбольной команды.

Мы нашли подходящее место, разровняли его, разметили зоны, и получилось неплохое поле, правда, с небольшим уклоном в одну сторону. Здесь с утра и до темна гоняли мяч – благо, делать больше нечего. Однако, сказав: «гоняли» и «нечего делать», я мог создать у читателя впечатление, будто гоняли от нечего делать. Но нет, это была работа – настойчивая, упорная и даже с позиции нынешней методики тренировки в чем-то достаточно умная. Мы не бессмысленно гоняли мяч, а отрабатывали удар, точные пасы, разыгрывали сложные комбинации, придумывали тактические ходы. Признаюсь, правда, – не от высокой сознательности, а вынужденно...».

Аналогично было и в других дачных поселках. Дачники играли не только между собой, но и выезжали для соревнований в соседние дачные местности, не только по Казанской дороге, но и по Северной, Нижегородской, Николаевской, Брестской. Вместе с футболистами, занимая несколько вагонов дачного поезда, на игры выезжали и болельщи-

ки. Главными фаворитами среди дачников считались футболисты Быково и Мамонтовки. Организовал мамонтовский футбольный кружок из игроков Ширяева поля, англичан и дачников дворянин, известный в Москве врач, специализировавшийся на болезнях уха, горла и носа, Сергей Миронович Никольский – большой энтузиаст физической культуры, один из немногих врачей того времени, понимавших ее ценность и значение (как мы уже знаем, С. М. Никольский одновременно возглавлял секцию футбола в Обществе физического воспитания – А. С.).

Вот, что рассказал об истории создания «Мамонтовки» М. П. Сушков, в свое время поигравший за этот коллектив. «Мамонтовка» – команда дачного происхождения. В некий сезон – а именно в 1907 году – собрались дачники поиграть в футбол. И вдруг выяснилось, что большинство из них сильные спортсмены. Сыграли с другими командами – последовала серия убедительных и довольно легких побед. Этот взезд на белом коне привел к единственному и приятному решению: состав необходимо сохранить, Команду зарегистрировали. Беда лишь в том, что «прописана» команда на станции Мамонтовка, в 30 километрах от Москвы, а игроки ее большую часть времени проживают в Москве. Вот и получается: создавать базу в Мамонтовке – слишком далеко ездить, построить же ее в Москве... Спортивная база станции Мамонтовка – в Москве! С какой бы стати?! Словом, нет у «Мамонтовки» собственного дома. А нет дома, то, по сути,

нет и настоящего коллектива. Нет семьи! Да к тому же народ здесь разновозрастный – у иных на голове уже весьма заметное «декольте», а у таких, как я, усы едва пробились...».

Кстати, каждый год в мамонтовской команде играли один или два английских офицера из частей, расположенных в Индии. В Москву они приезжали (если верить их официальной версии) в командировку для изучения русского языка, а летом жили на даче в Мамонтовке. Участие англичан отложило свой отпечаток на стиль игры мамонтовцев, особенно в нападении, отличавшимся хорошей сыгранностью, точным низовыми пасами, сильными ударами по воротам. Красивая и корректная игра принесла мамонтовцам большую популярность. Нигде так страстно не болели за свою команду. Футболисты были кумирами дачных барышень, а в дни соревнований уютное мамонтовское поле в березовом лесу было окружено густой толпой зрителей не только из близлежащего дачного поселка, но и с соседних станций и окрестных деревень.

Основным частным «инвестором» и главным «селекционером» Мамонтовского кружка являлся миллионер, личный почетный гражданин Николай Александрович Калмыков. Он был доверенным Торгового дома «Вогау и К^о», директором правления общества «Электропровод», председателем правления Товарищества меднопрокатных заводов «Тловно», директором правления Акционерного общества «Сиверских металлопрокатных заводов» (именно здесь для во-

енного ведомства производились солдатские котелки, мундирные пуговицы, фляги, поясные бляхи и каски), председателем правления и директором-распределителем Товарищества латунного и меднопрокатного заводов А. Г. Кольчугина, директором правления Акционерного общества Московского электролитического завода, членом Совета Московского промышленного банка, директором правления страхового общества «Якорь», выборным Московского биржевого общества.

Кроме того, Калмыков состоял членом Московского автомобильного общества, Русского фотографического общества, попечительного совета Комиссаровского технического училища и т. д. и т. п. По свидетельству М. П. Сушкова, Н. А. Калмыков лично просматривал потенциальных новичков «Мамонтовки» и решал – играть ли им в команде, или нет. Имеются косвенные данные, что и сам Николай Александрович в начале XX века входил в число первых московских футболистов-любителей, развлекавшихся на Ширяевом поле.

После революции Калмыкову оставили только одну комнату в его, ставшей коммунальной, квартире (Староконюшенный, 10), хотя он и занимал пост технического директора Металлоимпорта, получал солидный оклад, часто ездил в заграничные командировки, обладал постоянным абонементом в ложу Большого театра. Летом он жил на даче в Мамонтовке. В августе 1929 года Н. А. Калмыков был арестован

и осужден на 10 лет лагерей, где спустя несколько месяцев скончался.

Собрать команды полностью из «своих» дачникам удавалось не всегда и тогда приходилось обращаться к помощи местных жителей – селян, ремесленников, рабочих, среди которых оказывалось очень много способных игроков. После окончания дачного сезона москвичи возвращались домой, а футбол в Подмоскowie продолжался до первого снега. Аборигены, приобщенные к футболу, составляли теперь команды из своих, местных жителей. Таким образом сложился футбол в Останкино, Сходне, Владыкино, Ховрино, Филлах, Кунцево, Немчиновке, Салтыковке, Реутово, Мытищах, Тарасовке, Малаховке, Люберцах, Томилино, Раменском и т. д. Дачный футбол стал испытательным полигоном для таких футболистов, как братья Мастеровы, Сушковы, Парусниковы, Мухины, Тарадины, Сысоевы, Смирновы, Розановы, Скорлупкины и многих, многих других.

Любопытную заметку по поводу «дачного футбола» поместила в июле 1911 года «Московская Газета», которая писала: «В прежние времена самым «спортивным» элементом на дачах были велосипедисты. Но времена меняются, и прогресс, не останавливаясь, шагает гигантскими шагами вперед. Сейчас дачные местности всецело охвачены «футболизмом». Велосипеду дана полная отставка. Дачная молодежь превратилась в футболистов. И если садится на велосипед, то разве только для того, чтобы поехать на нем «на фут-

бол». Увлечение футболом достигло грандиозных размеров. В каждой дачной местности есть своя «команда» футболистов и есть свое «футбольное поле», с двумя «воротами». Гимназисты, реалисты, «техники», «консерваторы», «промышленники», студенты, – все объединились в одну громадную «футбольную лигу».

Дачные папаши и мамыши не узнают своих чад. Мало того: они их не видят по целым дням. Молодежь «футболит», пренебрегая чаем, завтраками и обедом. – Когда же ты начнешь заниматься? Ведь, у тебя переэкзаменовка! – говорить дачная мамаша своему великовозрастному гимназисту. – Успеется, мамаша! У нас на днях матч с люберецкой командой. Не до переэкзаменовок. Я хавбеком буду!

Подойдите к группе подмосковной дачной молодежи и прислушайтесь, о чем она разговаривает. В первый момент вам покажется, что это – англичане. До вашего слуха долетят слова: Голкипер, форвард, бек, хавбек, хавтайм, рефери, аут, корнер, оф-сайт... Это все – футбольные термины.

У подмосковного дачника, имеющего сыновей, явилась новая «статья расхода»: Футбольная. – Папаша, мне необходимы штиблеты для футбола! – Да у тебя же есть штиблеты? – Эти не годятся. Я их в два раза о мяч разорву. Нужны специальные. С шипами и толстой-претолстой подметкой!.. В одно прекрасное утро дачные родители узнают новость. – Наша команда будет в одинаковой форме. Полосатые курточки и белые штаны. Вот, мамаша, образец материи! Давай-

те денег. Завтра председатель нашего комитета едет в город закупать!.. На другой день в дачном поселке все женщины сидят у швейных машинок и работают иглами: – для футболистов шьется «форма».

На футбольном поле – каждый день «сражение». И дачники толпами тянутся «на футбол». Стоят, и смотрят за своими «наследниками», как те, потные и запыхавшиеся, работают ногами, «наддавая» мяч. – Смотрите-ка, мой Данила-то! Как-ков?! – Батюшки, ваш Сергей кувырнулся!

Здесь есть и свои футбольные «герои», по которым вздыхают дачные барышни. Интересно посмотреть на футболистов, когда они возвращаются по домам «с поля битвы». Важные, как будто только что свершившие великий подвиг. В коротеньких штанишках, обнажающих загорелые, сильные ноги. Почти каждого футболиста провожает с поля «обожательница», – дачная барышня. Ноги у футболистов покрыты синяками и ссадинами. Бывает, что футболист дня три прихрамывает и не выходит «на работу»...

Футболисты – джентльмены. Если одна «команда» приглашает другую «команду» к себе для состязания, то она встречает соперников с большим почетом. И «ставить угощение»: чай, прохладительные напитки.

Боюсь, что результаты футбольного увлечения скажутся осенью, в дни переэкзаменовок... Милая футбольная молодежь! Конечно, «хавтайм», «аут», «офсайд» и «хавбек» – слова звучные... Конечно, нет выше наслаждения, как

«вбить гол» своим противникам. Но... если у вас в перспективе хоть одна маленькая переэкзаменовочка, – не забывайте об этом! И в промежутке между двумя «хавтаймами» нет-нет, да и загляните в книжку! Приятно «вогнуть гол». Но еще приятнее не сидеть два года в одном классе».

* * *

В 1912 году Московская футбольная лига учредила для команд учебных заведений специальный Кубок, первым обладателем которого стал коллектив Александровского коммерческого училища. В рядах команд учебных заведений было воспитано множество хороших футболистов, которые постоянно пополняли составы лучших команд города. Среди первых «выпускников» московского «школьного» футбола в первую очередь выделим имена Василия Житарева, Льва Фаворского, Владимира и Дмитрия Матриных, Бориса Николаева, Константина Пустовалова, Николая Ермакова, Ивана и Николая Воронцовых, Бориса Поповича, Леонида Золкина, Александра Филиппова и других. Большое число высококлассных футболистов было воспитано в московских учебных заведениях и в последующие годы.

Интересные воспоминания о начале своего долгого и славного футбольного пути оставил Казимир Людвигович Малахов (его настоящая фамилия – Бялковский). Личность интересная и легендарная. Родился он в Вязьме, в семье му-

зыканта, которая вскоре перебралась в Москву. Ещё гимназистом увлекся театром, играл в любительских спектаклях, снимался в качестве статиста на студии Ханжонкова, учился на драматическом отделении Московского филармонического училища. Начинал как актер в Московском театре революционной сатиры, потом работал в театрах миниатюр «Палас», «Павлиний хвост», «Скворечник», в коллективе «Синяя блуза». С 1927 года начал выступать на эстраде, аккомпанируя себе на рояле. Исключительная музыкальность, завораживающий лирический тенор, индивидуальный стиль исполнения и обаятельная артистичность приносят Малахову успех у зрителей. В 30-е годы Малахов записывает с оркестрами А. Цфасмана и Ф. Криша пластинки с получившими большую популярность танго и фокстротами «О, донна Клара» Е. Петербургского, «Рамона», «Юнга Джим», «Черные глаза» О. Строка и др.

Но в жизни артиста была еще одна страсть, ставшая его второй профессией – футбол, которым он был увлечен тоже с гимназических лет. Поклонники футбола, не знавшие, что он актер, называли стиль его игры «артистичным». Выходил он на футбольное поле в течение 43 лет, играл во многих прославленных командах, в том числе в сборной Москвы и республики. Несмотря на спортивные успехи, расставаться с эстрадой Малахов не хотел, иногда он прямо со стадиона ехал на концерт. В годы Великой Отечественной войны Малахов руководил фронтовой бригадой артистов, с которой

дошел до Будапешта и Берлина.

К. Л. Малахов вспоминал: «Осваивать футбол я начал в детском возрасте, примерно в 1908 году, в асфальтированном дворе дома, где я жил, с каменными воротами, с двумя тумбами по бокам и большой кирпичной стеной прилегающего фасада, которые в ансамбле составляли мне благоприятные условия. Играл я резиновыми мячами разных размеров, бил разнообразными ударами и по каменным воротам, и по тумбам, играл со стеной в «стенку», попадал и в оконные стекла, за что не раз мне драли уши и стегала мокрым полотенцем родная мать. Этот асфальтированный двор дома на Тверской улице был моим первым стадионом, где первобытными способами, в бесконечной беготне постепенно оттачивалось мое детское футбольное мастерство. Теперь на этом месте стоит красивое здание новой гостиницы «Минск» (рассказ Малахова был записан в 1969 году, сейчас гостиница «Минск» уже снесена, а на ее месте воздвигнут современный отель «InterContinental Moscow Tverskaya» – А. С.). А тогда это был особняк наполеоновских времен, принадлежавший известному ресторатору Тестову.

Мальчишеская увлеченность, упорство в своеобразных тренировках и совместные игры с ребятами двора оказали мне большую услугу, позволили освоить технику владения мячом и точные удары, приобрести физическую выносливость, укрепили мускулы и суставы. Я довольно быстро освоил игру и начал выступать в детских командах Подмоск-

вья – в Вешняках, Одинцове, Немчиновке. В 1914 году меня включили во второй состав КФС. Было мне 14 лет. А в 1916 году меня взяли в первую команду».

А вот, что вспоминал о своих первых «футбольных университетах» М. П. Сушков: «Не помню, в каком точно возрасте я увидел настоящий матч спортсменов, но свои первые мальчишеские голы стал забивать, когда мне было лет восемь. «Мяч», который я снял с ноги соперника, обладал своеобразным свойством: он был начисто лишен возможности подпрыгивать, стало быть, и скакать, поскольку представлял собой плотно сбитый комок тряпок. Прочность его была все же немалая – мяча хватало на две-три игры. Игровая площадка представляла собой двор магазина, где мой отец работал бухгалтером и третий этаж которого занимала наша семья. Поэтому доморощенный мяч имел даже преимущество перед надувным, ибо последний принадлежал к классу «земля – окно», наш же относился к классу «земля – земля» и позволял бить по нему без оглядки, не опасаясь стекольных скандалов...».

Заметим, что московские дворы и в те далекие годы, и много позже были настоящим испытательным полигоном для юных футболистов. Детские команды, вооруженные тряпичным мячом, ходили по дворам, как бродячие артисты, играли на маленьких кривых площадках, на булыжнике, на тротуаре. В горячих схватках они не замечали, как под их ударами звенели стекла, ломались ограды газонов, черными

пятнами штамповалось чистое белье, только что вывешенное на солнце. Тогда раздавался чей-то пискливый крик, и команды, схватив мяч, бежали на соседний двор, где стекла еще были целы, а и на веревках не было белья...

А это фрагмент из воспоминаний Андрея Петровича Старостина: «Я на Ходынку, где играли дикие детские команды, еще не бегал, старшие братья, Николай и Александр, не брали с собой – молод. Однако я зря время не терял и нашел популярный у мальчишек всех поколений способ разрядки «мышечного нетерпения». Во дворе нашего дома, на задней стенке деревянной уборной я намалевал кармином футбольные ворота, а напротив, на дощатом заборе, другие. Краски не жалел и очень любовался своим стадионом. Был приготовлен и мяч. Разумеется, не настоящий, а сделанный из длинного материнского чулка, туго набитого газетами и крепко, поверху, обвязанного бечевкой. Бутсы еще и во сне не снились: мальчишки играли только босиком.

Я едва успел установить чулковый мяч на «пенальти», как с улицы вошли во двор дядя Митя и отец. Помню, как возмутились они, увидев красные штанги на сером дощанике. Я почувствовал, что наказание за размалевку стен во дворе неотвратимо. На этот раз, однако, отделался легко. Меня поставили в угол за печкой на колени на два часа. Праздничное настроение улетучилось. Пришли прозаические будни... С того и начались мои ежедневные тренировки в ударах по намалеванным воротам на дворовом поле...

Вскоре, когда я пошел в школу, то по дороге туда и обратно – около двух километров – вместо чулочного мяча гнал перед собой все, что можно было ударять ногой – ледышку зимой, камешек летом. Привычка укоренилась настолько, что отец обратил внимание на быстро снашивающиеся возле носка ботинки. Я затаился: на ворчливо-укоризненное замечание – косолапый, мол, – не ответил. «Дриблинг» же по тротуарам и мостовым всевозможных мелких предметов – пуговиц, пряжек – неизменно продолжал «от калитки до калитки». Допускаю, что мною руководил инстинкт ориентирования на отдаленную цель, к которой я подсознательно стремился уже в ту пору...».

* * *

14(27) сентября 1907 года, в Петербурге, на поле «Невско-го» клуба состоялся первый в истории отечественного футбола матч между сборными командами Москвы и Петербурга. О событиях той поры рассказывает известный российский футбольный историк Юрий Павлович Лукосяк. «Две столицы всегда ревновали друг к другу. С одной стороны – купеческая, сытая, с другой – интеллектуальная, новаторская. Заголовки в прессе «Война двух столиц» – это про них. Касалась вражда и спорта. Объединяло две столицы лишь одно – диктат местных англичан. Прирожденный дипломат, петербуржец Георгий Дюперрон, которого принято считать

отцом российского футбола, понимал, что будущее этой игры в России – в единении. И в 1907 году он уговорил секретаря питерской лиги Осипа Львовича Гольдарбейтера связаться с москвичами и пригласить их на два товарищеских матча. В конце июля 1907 года москвичи получили письмо от комитета Петербургской лиги, ответив на него так:

«3 сентября 1907 г. в комитет Санкт-Петербургской футбол-лиги. Милостивые государи! Рассмотрев Ваше любезное письмо 10 августа, мы с радостью решили воспользоваться Вашим предложением и 13 сентября выедем в Петербург состязаться с Вашими командами. Форма наша будет: белые брюки и рубашка. Надеемся, что погода будет благоприятствовать, игра будет оживленная, и что эти состязания положат начало футбольному сближению между Петербургом и Москвой. В надежде скорого свидания пребываем к Вам с совершенным почтением. Комитет по устройству состязаний». Вечером 13 сентября скорый поезд умчал первую московскую сборную команду, составленную из игроков СКС, КФС, «Быково» и англичан из БКС в Петербург.

Поскольку во главе лиги стояли представители туманного Альбиона, а неоднократным чемпионом Петербурга был английский клуб «Невский», то вопрос о первом сопернике москвичей и не стоял – только петербургские англичане. Стадион клуба «Невский» был самого высокого качества: единственный в городе искусственный дренаж, травяной покров, разметка, деревянные скамейки и дополнительная сет-

ка, установленная за воротами (для ловли неудачно посланных мячей). Он находился на Малой Болотной улице, 11 (ныне – улица Красных Текстильщиков), у заводских корпусов Невской ниточной мануфактуры барона Штиглица. Зрителей на первый матч пришло около 1000 человек. Билеты продавали в импровизированной кассе при входе работники клуба. Если на игры городской лиги они стоили 10 копеек, то здесь цена доходила до 30. А специальные места (типа лож) стоили около 1 рубля. Интересно, что сами футболисты обеих команд не получили ни копейки за эти матчи – они были любителями. Лига только компенсировала гостям транспортные расходы, проживание и питание в гостинице. Судил встречу Чарльз Монкер (С. Петербург).

Северную столицу представляла «английская» сборная города из представителей клубов «Нева», «Виктория» и «Невский». Команды вышли на поле на этот исторический поединок в таких составах: Москва – Е. Бейнс, Роб. Вентцели, П. Розанов, А. Скорлупкин, Хеггин, Н. Шашин, К. Нэш, Г. Чарнок, С. Чарнок, В. Серпинский, Ф. Розанов. Петербург – Б. Броун, Ф. Эбсворт, А. Делл, И. Филлипс, Г. Сиборн, И. Бьюкенен, М. Кинг, Д. Ривс, А. Коффрайт, В. Смолл, Д. Флетчер. Судил матч Ч. Монкер (Санкт-Петербург). Отчет о матче был опубликован в журнале «Спортивная жизнь» (С.-Петербург, № 38, 22.09.1907): «Москва» играла первую половину против ветра и должна была выдерживать сильную атаку невских форвардов, из которых особенно

отличался Ривс. Но несмотря на все старания «петербуржцев» игра долгое время велась безрезультатно, причем беки гостей замечательно защищали свои ворота. Наконец уже в конце первого хав-тайма «петербуржцам» все-таки удается обойти защиту «Москвы». Переданный Флетчером мяч попадает к Ривсу, который, дойдя до беков, передает его Коффрайту; Вентцели бросается к Коффрайту, тот обводит его и сильным ударом направляет мяч в ворота «москвичей». Бейнсу удается поймать мяч руками, но от сильного удара мяч выскальзывает из рук и вкатывается в гол. «Москвичи», не унывая, подтягиваются, однако вскоре раздается свисток перерыва, и игра прекращается.

По возобновлении игры шансы меняются. «Москвичи» играют с ветром и сильно осаждают ворота «петербуржцев», так что Браун должен приложить все умение, дабы отдержать (так в тексте – А. С.) все метко направляемые в гол мячи, что ему блестяще удается. Петербургские форварды тоже не дремлют. Ривс (переменившийся с Кингом местами и играющий теперь правым крайним форвардом) снова и снова проводит мяч до ворот «Москвы», что наконец увенчивается успехом – «петербуржцам» удается выиграть второй гол. После этого игра делается оживленнее. «Москвичи» начинают напирать и вскоре располагаются почти всецело у ворот «петербуржцев». Мячи все чаще направляются в гол «Петербурга», но Браун зорко следит, не пропуская ни одного в свою «святыню». При результате 2:0 в пользу «Петербурга»

матч кончается».

В воскресенье, 16 сентября, на поле Санкт-Петербургского кружка любителей спорта состоялся повторный матч. Матч смотрели около 1500 зрителей. Судья: Гарольд Хартли (С.-Петербург). В сборной Москвы Хеггина заменил С. Виноградов, а С. Чарнока – В. Райт. Петербург выставил на этот раз свою «русскую» команду, составленную из футболистов клубов «Спорт», «Меркур» и «Виктория»: И. Фрахт, П. Курзнер, В. Лауман, Н. Митягин, А. Лауман, Н. Луговской, М. Григорьев, А. Данкер, Н. Дьячков, И. Егоров, П. Сорокин. И на этот раз гости не смогли переиграть хозяев поля, одержавших победу со счетом 5:4. Интересно, что начинали встречу москвичи вдесятером, так как один игрок в городе заблудился и на матч опоздал.

Отчет о матче в журнале «Спортивная жизнь» (№ 38, 22.09.1907) сообщал: «Петербургжцы» играли первую половину игры с ветром. Сейчас же после свистка Данкер сильным ударом почти с середины поля ударяет мяч по направлению «московского» гола. Бейнс пытается поймать летящий в ворота мяч, но солнце его ослепляет, он промахивается, и мяч попадает в сетку. Воодушевленные этим случайным успехом «петербуржцы» неудержимо проводят мяч и вторично загоняют его в «московский» гол. Эта неудача однако подтягивает «москвичей». Их запоздалый игрок является, и защита оттесняет «Петербург» на свою половину поля. Спустя 20 минут, после отчаянной битвы у ворот «Петербурга»,

«москвичи» отквитывают первый гол, которому вскоре следует второй, забитый из «penalty kick». 2:2. После перерыва шансы игры резко меняются. «Москвичи», играя с ветром, припирают «петербуржцев», и вскоре мяч за мячом направляются в их ворота.

После нескольких передач мяча Фракта сшибают. Но, лежа, он все-таки пытается защитить ворота, схватывает мяч и бросает его в поле. При выбрасывании он однако заносит мяч через голову и при этом через черту города, на которой он лежит, что равняется забитому в сетку мячу; Гартлей это отмечает, давая гол в пользу «Москвы». Вскоре после этого «москвичи» выигрывают четвертый гол, который Фракт свободно мог задержать, но слыша крики «offside» (вне игры), воображает, что свисток был, и пропускает мяч, который попадает в сетку. Все шансы выигрыша теперь в руках «москвичей», и никто не ожидает победы «Петербурга», так как остается всего 15 минут до конца игры. Но тут случается что-то невероятное. Форвардам «Петербурга» удается в несколько минут забить один за другим три гола, решая игру в свою пользу. После третьего гола «московская» защита так замешалась, что «петербургские» форварды ее свободно обводят и успешно забивают последние два гола. Хорошо работали у «Москвы» беки и форварды, особенно Нэш, неоднократно проводивший мяч до самой «behind-линии» (линии ворот); у «петербуржцев» недурны были Григорьев, Данкер, Егоров и оба бека».

В 1908 году встречи команд Москвы и Петербурга были продолжены. 30 августа на поле клуба «Невский» встретились «английская» сборная Петрограда и сборная Москвы. Судил встречу знаменитый Г. Дюперрон. Первую половину встречи выиграли гости со счетом 2:1, но во втором тайме хозяевам поля удалось сравнять счет – 2:2. На следующий день сборная Москвы вышла на поле, имея в составе только десять футболистов: несколько игроков были травмированы накануне (особенно усердствовал в борьбе со своими сородичами петербургский англичанин Делл, известный по прозвищу «костолом»), а большого количества запасных в те годы в командах не было. Естественно, это облегчило задачу хозяев поля (в их составе на сей раз играли почти одни русские футболисты), которые и победили с крупным счетом 4:0. За московскую команду в этот день играли: В. Виноградов, М. Ромм, А. Паркер, Роб. Вентцели, В. Цоппи, А. Скорлупкин, Руд. Вентцели, П. Маршалл, П. Нильсен, Ф. Розанов, К. Нэш. В первом матче, кроме того, принимали участие Н. Шашин и Я. Чарнок.

* * *

О Москве 1909 года уже смело можно было сказать: она играет в кожаный мяч! Она «болеет» за кожаный мяч! Количество команд уже выражалось двузначным числом. Тем не менее, можно сказать и другое: московский футбол еще

не родился – он был лишь в утробном состоянии, ибо соревновались бессистемно, неорганизованно – кто с кем договорится. Но любители футбола уже чувствовали острую необходимость в объединении команд. И именно в этом году была предпринята первая, робкая попытка провести в Москве организованные соревнования сильнейших столичных клубов.

В этих состязаниях приняли участие футболисты СКС, БКС, «Униона» и КСО. Для проведения соревнований было избрано жюри, куда вошли Роб. Вентцели (СКС), А. Паркер (БКС) и П. Гольц («Унион»). Секретарем жюри был избран Р. Ф. Фульда. Ежегодник Всероссийского Футбольного Союза за 1912 год так отразил на своих страницах события 1909 года в Москве: «В этом году игра уже начинает входить в некоторые определенные рамки, становится заметным, что чьи-то руки постепенно начинают приводить в порядок и цивилизовать до сего времени растущий в диком виде футбол. Чьи-то руководства и направляющие рельсы понемногу выделяются все рельефнее и рельефнее...

Появился первый календарь игр, изданный Сокольническим клубом спорта, куда вошли матчи четырех клубов: БКС, «Морозовцы», СКС и «Унион». Все матчи этого первого осеннего сезона происходили на полях СКС и БКС, ибо «Ширяево поле», арендованное «Унионом», было по своему качеству не пригодно для матчей. Календарь игр этого сезона был, так сказать, необязательным для вошедших в него

клубов. Многие игры были отменены – играл, кто хотел. Никаких подсчетов очков, а вместе с ним и «строгого» розыгрыша «первенства» не было и в помине. Британский клуб спорта был тогда настолько сильнее всех прочих, что с ним даже не думал конкурировать второй по силе клуб – СКС. Гвоздем сезона были вызовы БКС всем клубам для матча против «сборной» команды. Этот матч, как и следовало ожидать, выиграл БКС, вполне естественно побивший «сборную» команду, оказавшуюся многим слабее, нежели отдельный клуб.

13 (26) октября 1909 года газета «Голос Москвы» в рубрике «Футь-болль» писала: «Самым интересным днем из всех осенних состязаний был бесспорно матч в воскресенье, 11-го, когда против Британского Спортивного Клуба играла сборная команда «Всей Москвы», в состав которой вошли игроки трех клубов: «Сокольнического Клуба Спорта», «Унион» и «Клуба спорта при фабрике В. Морозова». Чудный солнечный день вполне благоприятствовал как игрокам, так и публике, которая с большим интересом следила за перипетиями борьбы. С самого начал британцы резко нападают и ведут игру к воротам «Москвы». Не проходит и нескольких минут, как взят город красиво вбитым форвардом Джонсом голем. За этим голем вскоре следует второй, вбитый Томасом, кстати сказать, не трудный, но не отбитый голькипером Виноградовым. Замечалась несыгранность, дезорганизованность и упадок духа у «Москвы», меж тем как британцы играли ровно, хавбеки и беки хорошо пе-

редавали и поддерживали передних, которые почти не переставали теснить ворота противников.

Но вот наконец форварду «Москвы» Полякову («Унион») удалось провести мяч и забить красивый гол. После перерыва произошла удивительно резкая перемена. «Москва» начинает отлично передавать. Вся игра у ворот британцев. Скорлупкин вбивает гол головой. Британцы несколько раз вырываются, но не могут подвести мяч к воротам противников, благодаря прекрасной их защите. Прежняя дезорганизация «Москвы» как бы перешла к британцам. Их теснят еще больше.

Но больше «Москва» забить им голей не могла, благодаря великолепной игре бека Паркера. Британцам же удается забить еще два голя, сравнительно легких, но не отбитых голькипером Виноградовым, который в тот день своей игрой не походил на того Виноградова, которого публика привыкла видеть. Судья свистит. Матч кончен победой британцев при результате 5:2. Отметить следует игру хавбеков Москвы: Дункерлея (Морозовец) который весьма живо и увертливо отбирал и отбивал мячи у противников, а также хорош был Смирнов и Парфенов (С.К.С.) Англичане играли не так как всегда. Рефери был капитан команды при Даниловской мануфактуре – Бейнс, который был беспристрастным и знающим дело судьей. Матч собрал 1600 человек».

Примером БКС заразился и СКС, но его вызов был менее эффектен, чем предыдущий, ибо был с оговоркой об отсут-

ствии в «сборной» команде англичан. Одновременно с этим матчем 25 октября состоялось и аналогичное состязание вторых команд СКС и сборной Москвы. Победа в обоих матчах (первая команда победила со счетом 5:1, а вторая – 3:2) досталась СКС. В составе первой сборной Москвы играли: Бертрам («Унион») – Николаев («Унион»), Мишин (КСО) – Дункерлей и Н. Кынин (КСО), Гольдберг («Унион») – Томлинсон (КСО), Поляков («Унион»), Бейнс («Даниловцы»), А. Кынин (КСО) и Вашке («Сокольники»). В запасе был Казанов («Унион»). За вторую команду Москвы выступали: Л. Леви («Сокольники», «Томилино») – Филиппов-1 («Сокольники»), Гольц («Унион») – Филиппов-2 («Сокольники»), Слепнев («Сокольники»), Бэзик («Унион»), Александров («Сокольники»), Гаврюхин («Даниловцы»).

Итак, победив всех своих соперников (СКС – 3:2 и 4:0, «Унион» – 12:1 и 14:0, КСО – 10:1), «британцы», выступавшие в этом году в форме цвета бордо с голубым (позднее БКС играл в своей традиционной форме: белые футболки и черные трусы, иногда с британским гербом на груди), стали первыми, неофициальными чемпионами Москвы.

В составе победителей из БКС играли: Е. Бейнс (одновременно он выступал и за «Даниловцев»), Вильтэн, П. Доон, А. Паркер, С. Чарнок, С. Ланн, А. Уайтхэд (старший), Э. Томас, Н. Томас (голкипер), Г. Ньюман, Г. Уайтхэд (младший), Ф. Джонс, К. Нэш, Гилль (Хилль), Ф. Лич, Гент, Джонсон, Уайберг,

А. Пульман, Г. Ауэ, Смолл, В. Буркгард, В. Бинс и некоторые другие.

Представим и других участников состязаний 1909 года.

СКС: В. Виноградов, П. Кудрявцев, М. Ромм, П. Розанов, Роб. Вентцели (одновременно и секретарь футбольной комиссии СКС), Н. Слепнев, Максин, А. Парфенов, Н. Виноградов, Н. Александров, Ф. Розанов (вице-капитан), В. Серпинский (капитан), А. Вашке, Волков, С. Мухин, Руд. Вентцели, Шелонский, Г. Никольский, А. Жилин, А. Мухин, Смирнов, В. Иванов, Р. Серпинский, Б. Михайлов, Недачин, Савостьянов, Петров, Б. Решетников, Кречетов, В. Калиш и др.

Розановы, Мухины, Никольский и Шелонский выступали также и за «Мамонтовку, а Ромм и А. Парфенов – за «Быково», некоторые одновременно играли и за «Сокольники», и за КФС). «Унион»: К. Бертрам, Е. Емельянов, А. Шульц (голкипер и капитан), П. Гольц, Ю. Янкович, Протопопов-1, Б. Зееберг (один из первых московских рефери), Баске, Николаев, О. Паур, К. Тамман, Казанов, В. Поляков, А. Ганишин, Н. Гольдберг, Максин, Шульц-2, Протопопов-2, Чинчелин, Бэзик, Цоллер, Волосатов, Ланге, Ф. Мехель, О. Гольден, М. Мейер, Горпес, Ризен, А. Мак-Киббин.

КСО: О. Хаваев, Н. Макаров, Бертельс, Дункерлей, В. Мишин, Гейвуд, А. Кынин, Н. Кынин, А. Томлинсон, Я. Чарнок, М. Савинцев, А. Акимов, А. Мишин, В. Макаров, Елисеев, Ермолаев. В товарищеских

матчах 1909 года кроме того выступали команды Мамонтовки (сумевшая обыграть «Унион» со счетом 9:1 и 6:0), Даниловской мануфактуры, Ильинского, Новогиреево (лучшими здесь были иностранцы Розентретер, Драер, Ф. Гольц, Фейт, Шиман, Горгес, Фосс, Вильгайн, но не «затерялись» и наши: Токарев, Камарницкий, Волосатов), Серебряного Бора, Измайлова, Расторгуева (на время футболисты Измайлова и Расторгуева объединились в одну команду под громким именем «Форвард», где выделялись Невезжин, Дреер, братья Новосильцевы и Лукьянов) и Быково.

За «быковцев», являвшихся как мы помним «дочерним» клубом (филиалом) СКС, играли такие сильные футболисты, как П. Кудрявцев, С. Парфенов, Б. Николаев, В. Иванов, Е. Константинович, М. Папмель, А. Скорлупкин, В. Серпинский, Н. Шарпов, братья Л. и К. Смирновы, В. Соколов, А. Васильев, М. Ромм, Б. Решетников и другие.

Осенью 1909 года образовалась официальная футбольная команда в Императорском Московском Техническом училище, которая весь год тренировалась на кадетском плацу близ Анненгофской рощи. В первой московской вузовской команде выступали: Лазарев, Спроче, Травинов, Россинский, Куприянов, Корбуш, Гончаров, Семенов, Фанталов, Редько, Адамчук.

В 1909 году три встречи со сборными Петербурга провели футболисты СКС и одну – БКС. 13 сентября, в гостях, спортсмены СКС уступили хозяевам поля из сборной «А» со счетом 1:7 (гол на счету В. Серпинского), а на следующий день – со счетом 0:3 проиграли и второй («Б») сборной Петербурга. По мячу в свои ворота забили Ромм и Иванов. М. Ромм вспоминал, что «...хозяева поля применили военную хитрость: после первой игры закатали великолепный банкет, на который, однако, не допустили игроков своей второй сборной. Это было для нас хорошим уроком, – навсегда запомнилась непреложная истина: даже небольшая доза алкоголя отражается на игре». За москвичей в этих встречах выступали: В. Виноградов, М. Ромм, Роб. Вентцели, Л. Смирнов, В. Иванов, Шелонский, Е. Константинович, Руд. Вентцели, А. Скорлупкин, Р. Серпинский, В. Серпинский, Ф. Розанов, А. Жилин.

О КФС. Интересная заметка была опубликована 31 марта (13 апреля) 1909 года в газете «Утро России» под названием «Кружок футболистов «Сокольники». Корреспондент пишет: «Возродившийся в прошлом году кружок намерен и в нынешнем продолжать свою деятельность; на состоявшемся недавно общем собрании членов кружка решено вновь остаться на площадке Ширяева поля и сформировать толь-

ко одну команду с запасными игроками в количестве 16 человек, оставив форму кружка по-прежнему, совершенно белую». В этой связи возникает вопрос: а когда КФС, созданный лишь в 1907 году прекращал свое существование? Ответа на него пока нет.

Поздней осенью 1909 года для встреч с московскими футболистами прибыла команда петербургских англичан, составленная из клубов «Нева», «Невский» и «Виктория», отколовшихся от Петербургской лиги. Ее первым соперником стали футболисты БКС, разгромившие северных соседей со счетом 8:0. Московские англичане провели встречу в таком составе: Е. Бейнс, П. Доон, А. Паркер, С. Чарнок, братья Уайтхэд, Д. Ланн, К. Нэш, Ф. Джонс, К. Ньюман, Э. Томас. Не смогли одолеть петербургские спортсмены и футболистов СКС, игра с которыми завершилась с ничейным результатом 1:1. «Соколы» провели эту игру почти в том же составе, что и в гостях, только Роб. Вентцели заменил П. Розанов, а вместо Шелонского на поле вышел А. Парфенов.

Интересно, что этот визит футболистов северной столицы в Москву стал первым в истории нашего футбола. По этому поводу пресса тех лет писала: «Потому ли, что московская публика еще мало интересовалась футболом и неохотно посещала матчи, что, конечно, делало «сбор» минимальным – далеко не оправдывающим расходов по приезду иногородних гостей, или тому другая причина, но до 1909 года московский обыватель не имел возможности видеть у себя

в родном городе ни одного состязания в футбол с Петербургом».

О матче гостей с СКС М. Ромм вспоминал: «Игра началась несколько необычно: сразу же после свистка судьи центральный нападающий петербуржцев Монро издали несильно пробил по воротам. В это время наш вратарь еще только натягивал перчатки и пропустил этот нетрудный мяч. Такое начало сразу обострило игру. Мы старались сравнять счет, англичане делали все, чтобы развить успех. Особенно опасными были прорывы Монро. Овладев мячом, он стремительно мчался к нашим воротам, сметая все и всех на своем пути, не щадя живота своего, а заодно и нашего. Как снаряд, врезался он в Розанова, в меня, центрального полузащитника Парфенова и нередко сбивал нас с ног. Да он и был похож на снаряд – невысокого роста, плотный, круглый. Это был первый игрок таранного типа в нашем футболе... Незадолго до конца игры Скорлупкину удалось обвести центрального полузащитника англичан Станфорда и сквитать счет – 1:1. С почетным для нас счетом окончился этот матч с сильнейшей петербургской командой».

Интересно, что Леонид Смирнов в своих воспоминаниях несколько иначе трактует события (да и счет) этого матча. Он, в частности пишет: «Вторую игру гости проводили с командой СКС на ее поле. Матч закончился вничью, 1:1. Однако зрители, заплатившие за вход деньги, стали требовать продолжения состязания, так как их не устраивало ничейное

решение вопроса о силе команд. По требованию зрителей, и по общему уговору соперников состязание было продолжено в добавочное время.

Игра стала грубой. Первыми начали петербургские англичане, москвичи тоже не отставали. Судьей был московский англичанин Томас, пристрастно судивший весь матч, особенно третий хавтайм. Он замечал грубость только со стороны москвичей, оставляя как бы незамеченными прегрешения петербургских англичан. Арбитр дважды назначил в ворота москвичей 11 – метровые удары. Оба были реализованы. Так счет стал 3:2 в пользу гостей. А вот когда Томас в третий раз показал на 11 – метровую отметку, на поле выбежали возмущенные несправедливостью судьи зрители и не дали закончить состязание. Это был первый и единственный случай в истории дореволюционного футбола, когда зрители выбежали на поле и не дали докончить футбольный матч». А историки петербургского футбола в своих справочниках указывают на результат 4:3 в пользу своей команды (1:1, 0:0, 3:2). Такой же результат называет и московская газета «Руль».

А вот Ежегодник ВФС указывает победу Петербурга при общем счете 4:2. Вот, что он писал об этой игре: «Велик был энтузиазм москвичей, когда «британцы» одержали блестящую победу над своими петербургскими соотечественниками. На следующий день состоялся матч этой приезжей команды с СКС и надо оказать справедливость последним –

они были близки к выигрышу. На этом состязании москвичи впервые увидели, что русские, т. е. доморощенные футболисты, могут конкурировать с англичанами, хотя и не московскими, но все же англичанами. Но вместе с тем, сравнительно в многочисленном количестве собравшейся публике были впервые продемонстрированы и все приемы грубости игры и последствия разошедшихся страстей. Впервые Москва услышала крики возмущения публики на футболе, впервые футболисты расшевелили нервы пока индифферентной массы зрителей. Футбольная публика впервые подала свой голос. Теперь нам кажется странным об этом говорить, ибо сейчас нам трудно представить матч, да еще междугородний, без того или иного способа заявления публики о своем присутствии, но тогда это было большим событием».

Подводя итоги футбольного сезона 1909 года, Ежегодник далее писал: «Первая попытка устройства календарных состязаний дала мысль некоторым деятелям московских клубов СКС, «Унион» и КФС на будущий год издать уже обязательный календарь и при помощи его разыгрывать «первенство» между первыми командами клубов. Кроме того, матчи на закрытых полях, в особенности «большие» матчи, например, БКС – сборная, СКС – сборная, а тем паче, Москва – Петербург, сильно популяризировали футбол, и ряды футболистов, и в отдельных клубах и вне их, пополнились новыми, все возрастающими списками. Отдельные группы футболистов, по тем или иным причинам не поступивших в уже су-

существующие клубы, стали организовывать свои кружки, как мелкие, неофициальные, так и сразу поставленные на широкую ногу (ЗКС, «Вега», «Новогиреево», футбольная секция в МКЛ).

Учитывая все это и желая дать всем официально зарегистрированным клубам возможность играть регулярные и безотлагательные матчи, у вышеуказанных трех клубов родилась идея создать лигу, наподобие, уже тогда восемь лет существовавшей, Петербургской футбольной лиги и идея эта стала деятельно проводиться в жизнь».

А журнал «Русский спорт» в ноябре 1909 года утверждал, что «необходимость сорганизовать сейчас лигу вызывается еще и тем, что она, как могущая принять только зарегистрированные клубы, заставит до сих пор не имеющих устава выхлопотать его и стать, таким образом, культурно-организационной единицей», и добавлял: «Как ни странно, но в Москве только три клуба, имеющие устав: «Сокольники», СКС и «Унион». Такой выдающийся по спортивности клуб, как «Британский», до сих пор не может выхлопотать устава, ранее уже посылавшегося и не утвержденного из-за несоблюдения клубом каких-то мелких формальностей...»

* * *

14 ноября 1909 года на собрании инициативной группы, в которую входили: братья Роман и Виктор Серпинские, Ни-

колай и Александр Филипповы, Петр и Федор Розановы, Вилли (Василий Васильевич) и Джеймс (Яков Клементьевич) Чарноки, Владимир Виноградов, Михаил Дубинин, Андрей Вашке, Роман Фульда, Карл Бертрам, Альфред Мау, Арно Фендт, Павел Гольц, Богдан Яроцинский, Мавр Лангер и Альберт Смит, был обсужден проект устава Московской футбольной лиги (МФЛ), подготовленный силами Фульды, казначея «Униона» К. Бертрама, В. Серпинского, Роб. Вентцели и Н. Филиппова на основе уставов заграничных (Фульда даже специально ездил в Германию) и петербургской футбольных лиг. Большую практическую помощь москвичам оказал в этом деле секретарь Петербургской футбольной лиги Г. А. Дюперрон. В ноябре того же года согласованный документ был подан на утверждение Московского градоначальника. 21 декабря 1909 года (3 января 1910 года по новому стилю) устав МФЛ со второго захода (первоначально в нем нашли какие-то мелкие юридические огрехи) был утвержден и зарегистрирован городским присутствием.

Таким образом, московский клубный футбол получил официальное, юридическое признание. Наверное, именно с этого самого момента и следует вести официальный отчет первых шагов организованного московского футбола.

В первых номерах журнала «Русский спорт» за 1910 год был напечатан полный текст устава МФЛ, который мы и предлагаем вашему вниманию в оригинальном изложении.

УСТАВ

Московской футбольной лиги

1. Цель лиги.

п. 1. Московская футбольная лига имеет целью поощрение игры в футбол в Москве и ее окрестностях и объединение местных любительских спортивных обществ, в программу которых входит футбол, а также устройство под своим руководством междушкольных состязаний.

п. 2. С этой целью лига через посредство своего комитета организует состязания в футбол, разыгрывает призы, пожертвованные лиге и принятые ею, и руководит такими состязаниями. Кроме того, лига руководит международными и междугородними состязаниями обществ, входящих в состав лиги и дает разрешения на такие состязания. Члены лиги не имеют права в течение осеннего и весеннего календаря игр без разрешения комитета участвовать в состязаниях против клубов, не состоящих членами лиги.

2. Состав лиги и условия поступления в нее.

п. 3. Лига состоит из любительских обществ Москвы, в программу которых входит игра в футбол и которые приняты в число членов лиги.

Примечание: Любителем считается лицо, не

получающее денежной выгоды от занятий спортом.

п. 4. Общество, желающее поступить в число членов лиги, подает об этом в комитет (не позже 1 июня данного года) письменное заявление со списком своих членов и списком членов комитета, с приложением устава и членского взноса в размере не менее 1 рубля 10 копеек, который, в случае принятия общества в лигу, ни под каким видом обратно не выдается. Размер членского взноса на следующий год определяется общим собранием на одном из последних осенних заседаний.

п. 5. Общество, желающее играть на приз лиги для старших команд, платит взнос в размере десяти рублей, общество, желающее играть на кубок для младших команд – пять рублей. Общества, уже состоящие членами лиги, обязаны сделать взносы казначею лиги не позже июльского общего собрания, в получении которых казначей выдает квитанции.

п. 6. В случае проступков против общепринятых понятий о чести или приличии, или в случае несоблюдения правил игры, провинившееся общество, или игроки могут быть, по постановлению общего собрания, исключены из числа членов лиги на срок, или навсегда.

3. Управление делами лиги.

п. 7. Управление делами лиги принадлежит общим собраниям непосредственно, или через посредство комитета. Собрание комитета действительно при наличии трех лиц, считая в том числе

председателя.

п. 8. Первое в сезоне общее собрание созывается в первой половине июня каждого года для избрания новых членов лиги (для принятия требуется 2/3 присутствующих голосов), для избрания комитета на один год. Приглашения на эти собрания рассылаются за семь дней до собрания. Последующие собрания назначаются комитетом по мере надобности, и приглашения на них рассылаются за три дня до собрания. По окончании сезона, не позже 1-го августа, созывается общее собрание для представления отчета.

п. 9. По письменному требованию не менее двух обществ, комитет не позже, как в недельный срок созывает экстренные собрания.

п. 10. В приглашениях на общие собрания должны быть обозначены предметы занятий предстоящего собрания.

п. 11. Вопросы, поднимаемые членами лиги для обсуждения на общих собраниях, должны вноситься письменно через комитет.

п. 12. Общее собрание считается состоявшимся при участии в нем не менее половины всего числа обществ, состоящих в лиге. В случае неприбытия достаточного числа голосов, несостоявшееся в следствие сего общее собрание назначается вновь не ранее, как через пять дней. Такое собрание считается состоявшимся, независимо от числа голосов.

п. 13. Предметы ведения общих собраний составляют все принципиальные вопросы

управления лигой, вопросы, касающиеся разрешения международных и междугородних состязаний и рассмотрение протестов.

Примечание: Протесты должны быть заявлены письменно не позже, как через три дня после факта, послужившего поводом к протесту, с приложением пяти рублей. Этот взнос возвращается, в случае признания протеста правильным.

п. 14. Члены лиги могут быть представлены на общих собраниях не более, чем двумя представителями, при чем каждое общество имеет один голос. Передача голосов не допускается. Каждый из членов комитета голосует на общем собрании и не считается представителем клуба, в котором он состоит.

п. 15. Все вопросы на общих собраниях решаются простым большинством голосов, кроме вопросов об изменении устава, об изменении постановлений предыдущих собраний и об исключении из лиги ее членов. Для решения этих вопросов необходимо большинство 2/3 голосов.

п. 16. В общих собраниях председательствует председатель лиги, который имеет решающий голос в случае равенства голосов. В случае отсутствия председателя лиги, его замещает один из товарищей председателя по старшинству голосов при избрании.

п. 17. Комитет избирается общим собранием на основании п. 8-го, в составе председателя, двух товарищей председателя, казначея, секретаря и двух членов комитета. Кроме того, выбирается помощник

секретаря с совещательным голосом.

п. 18. Комитет заведует отчетностью лиги, созывает и готовит общие собрания, заведует технической стороной состязаний и сносится по делам лиги от ее имени с правительственными и частными учреждениями и лицами.

п. 19. Комитет московской футбольной лиги находится в Москве.

п. 20. Заседания комитета созываются секретарем.

4. Печать лиги.

п. 21. Лига имеет печать с надписью «Московская футбольная лига».

5. Изменения устава.

п. 22. В случае необходимости изменить или дополнить устав, ходатайство об этом вносится в установленном порядке.

6. Прекращение деятельности лиги.

п. 23. В случае прекращения деятельности лиги, созывается заключительное общее собрание, которое решает относительно средств и имущества лиги.

* * *

Учредительное собрание московской футбольной лиги было назначено на 30 марта 1910 года. Но в этот день оно по ряду причин не состоялось. Это собрание все же прошло, но только летом. В субботу, 12 (25) июня 1910 года, в кабинете

ресторана «Эрмитаж-Оливье» состоялось собрание учредителей МФЛ, на котором присутствовали представители девяти клубов: СКС, КФС, БКС, КСО, ЗКС, МКЛ, «Унион», «Вега» и «Новогиреево».

Пресса писала: «Вчера в Эрмитаже состоялось учредительское собрание московской футбольной лиги. На собрание явились представители всех футбольных организаций Москвы и ее окрестностей, даже таких, которые культивируют футбол только отчасти, как клуб лыжников (Дубинин, Булычев) и Сокол (Шнепп)... Собрание единогласно признало полную своевременность организации лиги, постановило благодарить составителей устава и для скорейшего проведения его в жизнь избрало особую комиссию, включив в нее по одному представителю от каждого клуба. На пост секретаря комиссии избран А. И. Вашке».

2 июля 1910 года в соответствии с уставом, на собрании МФЛ был избран Комитет (совет) лиги из семи членов: по два голоса имели СКС и «Унион», по одному – КФС, БКС и ЗКС. В состав первого комитета МФЛ вошли: Андрей Петрович Мусси (председатель), Гедлей Соломонович Годфрей и Роберт Фердинандович Фульда (товарищи председателя), Карл Георгиевич Бертрам и Роберт Альфредович Вентцели (секретари), Павел Филиппович Миндер (казначей), Егор Ричардович Бейнс и Андрей Иванович Вашке (члены комитета).

В 1911–1912 годах в комитет также вошли: Богдан Фе-

лицианович Яроцинский (товарищ председателя), Альфред Артурович Мау (ОЛЛС), Арно Карлович Фендт («Новогирево»), Л. А. Лавров («Вега»), Михаил Александрович Мейер (ИКС), Альберт Яковлевич Смит (БКС), Маврикий Эдуардович Лангер (ОФВ) и Александр Семенович Савостьянов (МЛКС). В последствие А. П. Мусси в кресле председателя комитета МФЛ заменили: Р. Ф. Фульда (1913–1915), М. С. Дубинин (1916). Д. М. Ребрик (1917–1922).

Членами комитета МФЛ в разные годы были: В. Чарнок, Я. Чарнок, К. Чарнок, А. Кынин, П. Гольц, Ф. Гольц, И. Невежин, Н. Гюбиев, Д. Матрин, Б. Чесноков, П. Розанов, А. Никулин, В. Якобс, А. Вейсфельд, К. Нейбюргер, Е. Мау, С. Максимов, Н. Карцев, А. Штрекейзен, Г. Зиллер, К. Бертрам, Н. Ровняличев, С. Булычев, Л. Смирнов, Н. Г. Смирнов, Н. К. Смирнов, А. Тимонич, А. Уайтхэд, Е. Иванов, И. Иванов, М. Иванов, А. Уткин, Б. Майтов, А. Немухин, Н. Троицкий, А. Гуков, Вик. Прокофьев, А. Носков, П. Анучкин, М. Замуэльсон, Н. Силин, М. Шувалов, Н. Гончаров, М. Бахмуцкий, П. Митюшин, Ф. Болотин, В. Савостьянов, Н. Савостьянов, Д. Бычков, М. Ромм, М. Денисов, Н. Денисов, М. Ратов, Д. Хохлов, С. Шалей, С. Артемьев, Г. Виноградов, В. Волков, В. Горшков, В. Якоби, Л. Романов, Н. Миронюк, Ф. Исаев, М. Грушин, А. Дрессен, Н. Сыромятников, Р. Вандерлу, С. Земблинов, Н. Мухин, Ф. Жаров, А. Филиппов, М. Корсаков, Г. Туранов, С. Четвериков, В. Красильников, М. Токарев, А. Машков, А. Евдокимов, Н. Мигунов, А. Пав-

лов, Ф. Плуховский, Г. Невский, С. Трошин, И. Коненков, И. Гридин, В. Генельт, Д. Разиков, А. Шмаков, М. Шмаков, И. Гладкий, И. Гугель, Г. Пелиц, П. Калмыков, И. Гребнев, Н. Михеев, Н. Гончаров, К. Жибоедов, К. Черкасов и другие.

Вот как описывает эти, во многом эпохальные для московского футбола, события один из патриархов столичного кожаного мяча – Михаил Павлович Сушков в своей мемуарной книге «Футбольный театр»:

«12 июня 1910 года, ближе к вечеру, у входа в модный московский ресторан «Эрмитаж» замечалось необычное для летнего сезона оживление. Конные экипажи, автомобили, подкатив к подъезду, высадив респектабельных пассажиров в смокингах, разворачивались, сдавали задом к тротуару и устраивались на длительную стоянку. Посторонним, наблюдавшим сей съезд, в голову не могло прийти, что нынче в стенах этого несерьезного заведения произойдет событие исторической важности. Немногие знали, что почитатели футбола и видные игроки посетили ресторан вовсе не затем, чтобы развлекаться. Они прибыли сюда, чтобы провести первое учредительное собрание Московской футбольной лиги. Для начала присутствующие пришли к выводу: они собрались здесь вовсе не по собственной воле, как им это кажется. Их понудила к тому историческая необходимость. Воздух, которым они дышат, насыщен идеей, а идею, если она верна, нельзя отвернуть, развернуть... Напротив, это она управляет людьми, возлагает на их плечи тяжесть, именуемую ответ-

ственностью. Говорилось об этом, видимо, для того, чтобы подчеркнуть необычную значимость собрания.

Затем обсудили вопрос о финансовых возможностях клубов. Решили создать денежный фонд лиги за счет вступительных и ежегодных членских взносов игроков, а также тех пожертвований, которые пожелают сделать некоторые состоятельные господа. Популярность футбола росла так бурно, что собравшиеся не могли оставить без внимания эту тему. Поднялся разговор о том, что футболу предстоит стать массовым зрелищем. Может быть, самым массовым из всех, какие существуют. Председательствующий А. П. Мусси заявил, что только такая точка зрения дает право заниматься организацией лиги. Он обратился к предпринимателям и откровенно сказал, что в футболе лежит их прямой деловой интерес. Если они своей работой помогут России превратиться в огромный клуб любителей футбола, то разворот финансовой деятельности на ниве этого зрелища может оказаться ничуть не меньшим, чем, скажем, в нефтяном промысле.

Вывод из этого напрашивался сам собой: следует подумать о рекламе футбола, об учреждении специального периодического издания. Сочли, что разбивка футбольных полей, строительство трибун для зрителей – коммерция весьма выгодная. Решили в ближайшие годы принять меры к расширению лиги – введению в нее новых команд. Говорили и о другом. Сперва посетовали, что англичане не нашли

для себя возможным принять членство лиги. Их отказ вызвал недоумение, если не сказать больше. Однако вспомнили русскую поговорку: что ни делается – все к лучшему. При сильном желании можно рассматривать позицию Британского клуба спорта как дальновидную, даже дружескую. Во всяком случае, хотели того или нет, но они поставили москвичей перед фактом необходимости создавать национальный футбол. **НАЦИОНАЛЬНЫЙ, РОССИЙСКИЙ!** Что значит «национальный»? Вероятно, это свойство будет зависеть от зрителя. От присущего ему национального темперамента, от национальных вкусов. Более того, даже от нравственных особенностей народа. Ведь зрелище, в конечном счете, должно стать таким, каким захочет видеть его массовый зритель. **Массовый!** Элита не может оказать существенного влияния, хотя бы по причине своей малочисленности. К тому же народ более открыт, более непосредствен в своем поведении. Он и только он может отпечатать какие-то свои признаки на стиле этой игры. Поэтому следует подумать о том, что необходимо сделать, чтобы всю Россию охватил футбольный пожар. За такой пожар потомки скажут спасибо!..

Говорили также и о том, что у нас пока еще нет культуры игры – того, что мы сегодня называем спортивным мастерством, классом игры. Уже тогда подняли вопрос о необходимости наладить тренировочную работу, разнообразить физическую подготовку спортсменов вплоть до сдачи специальных нормативов по бегу, прыжкам, метаниям. Заговорили и

о тактике, и о чисто игровых приемах в футболе. Было весьма точно подмечено, что у нас нет школы! Нет системы, методов обучения... Словом, футбольной педагогики. Мы толком не знали, какими физическими и психическими свойствами должен быть наделен игрок. Далее: нет не только теории футбола, но, по сути дела, и практика никуда не годится. Сказано, думаю, с некоторым преувеличением. Однако сделано это скорее всего преднамеренно – такое преувеличение могло пойти лишь на пользу. Прозвучал настойчивый клик поднять спортивную дисциплину – тренировка должна стать для каждого игрока святым делом. Для этого всякому составу нужно подыскать опытного, талантливое, искусного игрока, дать ему права и власть учителя (понятия «тренер» тогда еще не было), чтобы он мог регулярно заниматься с командой, передавать свое умение. Сказано было и о том, что нет настоящей коллективной игры. Видеть противника более или менее научились, а вот реакция на своих игроков слабая. Нужно научиться быстро понимать друг друга.

Обратили внимание и на то, что самые лучшие футболисты те, кто, кроме кожаного мяча, занимается и другими видами спорта: теннисом, бегом, лыжами, коньками... Футболист должен быть универсалом, ибо в этой игре сочетаются многие виды атлетики. К тому же вспомогательные виды спорта воспитывают выносливость – то, чего так не хватает иным футболистам. Затронули также очень важную по тому времени нравственную проблему. В командах могут со-

бираться люди из разных сословий – богатые и бедные, дворянского рода и мещане, владельцы предприятий и рабочие, интеллигенты и простолюдины. Но, приходя на тренировку или игру, каждый должен забыть о своем происхождении, общественном положении. Забыть искренне, всей душой, чтобы не проявилось это в мелочах, в тоне, манере говорить... Чтобы не оскорбить нечаянно товарища. Каждый должен и впрямь до конца уверовать: в команде все равны. Неравенство здесь может быть только одно – между хорошими и плохими игроками. Этого, конечно, требовала сама сущность игры в кожаный мяч. Но заодно, мне кажется, отдали и дань своеобразной моде на демократию, распространенной тогда в спорте».

Справедливости ради отметим, что к этому времени развитие футбола в Санкт-Петербурге приобрело гораздо большие масштабы. Не случайно в печати появились такие заметки: «Нет никакого сомнения в том, что игре футбол предназначено совершить то великое дело, которое не довел до конца угасший безвременно велосипедный спорт. В свое время велосипед, первый из видов спорта, увлек нашу неповоротливую и неловкую молодежь. Теперь после того, как велосипедный спорт погиб благодаря профессионализму, его всецело заменил футбол; как в свое время всякий юнец мечтал о велосипеде, так теперь он мечтает о «бутсах». Сказано это было не для красного словца. Действительно, если в первом чемпионате Петербурга (1901 год) участвовало лишь 45 иг-

роков, то к десятому их число достигло тысячи.

Но и московский футбол не стоял на месте. Иногда в нем уже были заметны и элементы красивой игры, вызывавшие зрительский восторг. И сама игра выглядела вовсе не так уж бессистемно. Остроумные, заранее продуманные комбинации, поражавшие своей неожиданностью, нет-нет да и проглядывались. Складывалось у москвичей и нечто похожее на собственный стиль. Это бросалось в глаза особенно, когда они встречались со сборной Петербурга. Московский болельщик, глядя на питерцев, сразу же говорил себе: «О, это незнакомый футбол!» Последние играли короткими поперечными передачами – вели мяч таким образом до самой вратарской площадки. Москвичи же коротким предпочитали длинные, все больше по диагонали, а то и вовсе продольные по краю. Любили сильные дальние удары. Правда, москвичи, как правило, проигрывали. Но многие уже тогда, несмотря ни на что, были убеждены, что виновата тут не тактика. Не хватало техники владения мячом, мастерства. И в этом не было ничего удивительного – ведь Петербург попал в «футбольный плен» раньше Москвы.

* * *

12 июля 1910 года, был утвержден календарь соревнований, а открытие первого чемпионата Москвы по футболу было назначено на 15 августа. Правда, официально соревнова-

ния назывались не чемпионатом города, а розыгрышем кубков МФЛ, в котором участвовали команды, разделенные на три категории. В первой группе выступали пять сильнейших команд – КСО, СКС, ЗКС, КФС и «Унион».

Футболисты БКС отказались от участия в турнире из-за разногласий с МФЛ по ряду вопросов. В частности, одной из причин такого решения стал печальный пример распрей в Санкт-Петербургской лиге. По этому поводу Г. А. Дюперрон писал: «Раскол между русскими и англичанами произошел по совершенно случайному поводу, причина же была та, что русские клубы и их представители, во-первых, видели в спорте не только развлечение, но и средство физического развития, а потому, во-вторых, старались демократизировать футбол, что было не по душе англичанам».

А Ежегодник ВФС это событие отметил так: «Действительно, БКС, состоя в лиге членом, уклонился от участия в розыгрыше первенства. Дело в том, что с самого начала БКС, по-видимому из-за ложного представления о том, что будет представлять лига, и по какой дороге поведет она дело развития московского футбола, был принципиальным противником основания самой лиги.

Основавшись, МФЛ направила все силы на то, чтобы объединить все существующие в Москве футбольные общества и потому тем паче стремилась привлечь к себе один из самых первых и сильнейших – БКС. Наконец лиге удалось склонить БКС к идее объединения и потому последний решил не от-

страняться от участия в лиге.

Однако, на почве различных разногласий между представителями БКС и комитетом лиги, не прекращались некоторые трения и вот, из-за этого, БКС в 1910 году не играл на первенство, а в следующем 1911 году не состоял и членом лиги».

Не участвовала в турнире и «Мамонтовка», руководство которой считало недопустимым самого факта соревновательности в футболе, предпочитая лиговым матчам тренировки и товарищеские встречи.

Для победителя первой группы был учрежден кубок Р. Ф. Фульда, который перед открытием чемпионата довел до сведения собрания МФЛ условия, на которых он жертвует свой кубок: последний никогда не переходит в собственность клуба или команды, выигравшей его, а лишь хранится здесь в течение года. По истечении трех лет Р. Ф. Фульда оставлял за собой право взять кубок обратно.

Для команд второй группы разыгрывался кубок А. И. Вашке (первоначально его собирался пожертвовать С. М. Никольский из «Мамонтовки»). Здесь выступали вторые команды СКС, ЗКС, «Униона», а также МКЛ, «Вега» и «Новогиреево». В третьей группе, оспаривающей кубок П. Ф. Миндера, выступали третьи составы ЗКС, СКС и «Униона», а также вторая команда МКЛ. Позже был утвержден Кубок имени А. П. Мусси для 1-х команд класса «Б».

ПРАВИЛА РОЗЫГРЫША КУБКОВ МФЛ

1. Московская футбольная лига устраивает ежегодно состязания:

- для первых команд,*
- для вторых команд,*
- для третьих команд,*
- весенний кубок.*

2. Участие в состязаниях могут принимать только клубы, записанные в лигу.

3. Каждый клуб должен прежде всего играть на кубок первых команд. Если у него есть вторая команда, он может записать ее на кубок вторых команд, третью – на кубок третьих команд. В случае участия на какой-либо кубок слишком большого числа команд, все клубы делятся на классы. Команда, выигравшая состязания в своем классе переходит на следующий год в высший класс взамен команды, показавшей в высшем классе худший результат. Эта команда переходит в низший (следующий) класс. Клуб не может записать более одной команды в каждой категории. Общее собрание решает, в каком классе будет играть вновь вступивший клуб.

4. Запись на участие в состязаниях: за первую команду 10 рублей, за каждую следующую по 5 рублей.

5. Календарь игр устанавливается комитетом лиги и утверждается общим собранием. за пять дней до

собрания комитета, все клубы обязаны сообщить секретарю, в какие дни их команды не могут играть. Всякие заявления, поступающие после этого срока, не принимаются в расчет.

6. Тот же комитет распределяет, по возможности сообразуясь с желаниями клуба, порядок игры, при чем, все команды играют с командами своего класса по два раза, один раз на своем месте, другой раз на чужом. Последнее предоставляется усмотрению комитета.

7. Каждому клубу засчитывается два очка за победу, одно очко за ничью и нуль за поражение. В том случае, если два клуба окажутся в окончательном результате с равным числом очков, выигравшим считается тот клуб, у которого пропорция между выигранными и проигранными голами выше.

8. За неделю до начала состязаний, каждый клуб обязан доставить секретарю список своих игроков. Только заявленные игроки могут принимать участие в играх. Если в течение сезона в клуб вступает новый игрок, он должен быть заявлен дополнительно открытым письмом по адресу секретаря. Вновь записанный игрок может играть только через неделю после заявления.

Примечание: Заявление, опущенное в ящик в воскресенье вечером, действительно на следующее воскресенье.

9. Помимо общего списка членов, каждый клуб представляет секретарю за неделю до начала матчей список игроков своей первой команды, а если

у клуба имеется вторая команда, то и список второй. Комитет лиги может признать списки недействительными, если он будет убежден, что они составлены не соответствующе действительно предполагаемому составу команд. Заявленные таким образом игроки не имеют права играть в низших командах, наоборот, игроки низших команд могут заменять игроков старших команд, но те игроки, которые играли два раза в старших командах, уже не имеют права играть в младших.

Примечание: Если какой-либо игрок, записанный в старшую команду, еще не играл в ней, он может быть заменен в список другим игроком и спустя неделю по заявлении, может играть в младшей команде.

10. Каждый игрок может играть в течение сезона только за один клуб, в случае перехода в другой клуб, игрок не может играть на кубок в течение этого сезона ни за этот, новый клуб, ни за свой старый клуб.

11. Если в какой-либо команде играл игрок, не имевший права играть в этой команде, согласно п. п. 8, 9 и 10, провинившаяся команда считается проигравшей данный матч, а противники победителями, со всеми последствиями, предусмотренными п. 7.

Примечание: Если клуб уже считался проигравшим какую-либо игру из-за незаявленного игрока, он все же не может ставить этого игрока в команду, не заявив его в лигу на общих основаниях.

12. Время игр (т. е. в который час) решается комитетом лиги. Команда, которая была не готова к

назначенному сроку, платит штраф в размере 3 рублей для первых команд и 1 рубль 50 копеек для вторых и третьих команд. Команда, которая не начнет игру через 15 минут после назначенного срока, считается проигравшей.

13. Каждый клуб, который играет на своем месте, должен представить для игры хороший мяч и должен иметь хороший запасной мяч. Если какой-либо клуб не имеет мяча или имеет плохой мяч, он платит штраф 3 рубля. В вопросе о качестве мяча решающий голос имеет судья.

14. Если в середине сезона какая-либо команда выбывает из состязания, результаты, достигнутые другими командами против этого клуба, остаются действительными, все же еще не сыгранные игры засчитываются победами противникам.

15. Если какая-либо команда явилась на состязание в составе менее 7 игроков, она считается проигравшей.

16. Клуб, выигравший какой-либо из осенних кубков лиги, должен возвратить его казначею лиги не позже 1 сентября следующего года, а весенний кубок – не позже 15 мая следующего года. Выдача кубков производится под расписку представителя клуба.

17. Розыгрыши весеннего кубка подчиняется тем же правилам, за следующими исключениями:

- запись на участие в состязании – бесплатная,
- каждый клуб может записать несколько команд,
- календарь игр устанавливается в общем собрании лиги жребием.

18. Входная плата делится следующим образом: если два клуба играют на поле одного из них, владелец поля получает $2/3$ входной платы и несет расходы (т. е. мяч и чай), другой клуб получает $1/3$. Если два клуба играют на поле третьего, входная плата делится поровну между всеми тремя клубами, а расходы несут оба игравшие клуба, но обязанность приготовить мяч и чай лежит на клубе владельце поля.

В виду того, что весенний кубок является лишь продолжением осеннего сезона, в состязаниях на весенний кубок могут участвовать только те клубы, которые играли предыдущей осенью, и в командах могут играть только те игроки, которые играли в предыдущую осень в том же клубе. Нигде не игравший игрок записывается на общих основаниях.

19. Судьи приглашаются лигой. Если какая-либо команда не поставила до начала игры на черте судью, то клуб штрафуются в размере 5 рублей.

Капитаны обязаны доставлять судьям списки игроков за своей подписью во время перерыва. Судья пересылает секретарю отчет об игре вместе с указанными списками игроков не позже трех дней после игры. В этом отчете судья отмечает все неправильности, замеченные им на данном состязании.

* * *

Познакомившись с правилами, по которым проходили

первые московские соревнования, рассмотрим итоги первого городского первенства. Отметим, что в этом году впервые в Москве были выпущены футбольные календарики – расписание игр на весь сезон. На матчи приходило немало зрителей: порядка 700–800 человек, что давало значительный доход спортивным клубам, принимавших участие в розыгрыше кубков МФЛ.

Поскольку англичане из БКС, как мы уже говорили, не участвовали в розыгрыше, фаворитом считался клуб СКС, в состав которого вошли «ширяевцы», многие футболисты Быково и Мамонтовки. Но эти прогнозы не оправдались. 15 (27) августа 1910 года прошли первые две встречи розыгрыша Кубка Фульды. В Орехово-Зуево хозяева поля в присутствии 10 тысяч зрителей убедительно переиграли ЗКС (4:0), а «Унион» на своем поле позорно уступил КФС со счетом 0:8.

Имя автора первого забитого мяча в истории чемпионатов Москвы установить нам пока не удалось. Уже знакомый нам Л. С. Смирнов в своих воспоминаниях указывает, что автором первого московского гола является он (подобное, положившись на память ветерана, ошибочно утверждал в свое время и автор этих строк), но футболисты СКС в первый день соревнований не играли. Они стартовали в турнире только 22 августа, принимая на своем поле спортсменов Клуба спорта «Орехово». Вот что вспоминал о некоторых подробностях этого матча лидеров Леонид Смирнов: «Фут-

болисты СКС выходили на разминку по одиночке, по мере своей готовности к игре. Футболисты были одеты в белые футболки с синими продольными полосами. Трусы были у кого черные, у кого синие, у кого коричневые. Гетры тоже были самой разнообразной расцветки. На этом фоне разнокалиберной одежды «Морозовцы» произвели среди московских зрителей настоящий фурор. Они вышли на поле все одновременно и одеты были одинаково: небесно-голубого цвета рубашки из сатина, белые трусы и черные гетры с голубыми отворотами. Московский зритель впервые увидел на футболистах белые трусы. Это было неожиданностью для всех. Появление незнакомой для москвичей команды в таком превосходном внешнем виде произвело громадное впечатление на всех собравшихся. После этого московские команды переняли этот красивый выход команд на разминку, и это стало у них традицией».

С крупным счетом 6:2 победу в этом принципиальном матче одержали спортсмены СКС, уступавшие сопернику после первого тайма со счетом 1:2. А Смирнов забил в этой встрече два мяча. Мы уже неоднократно упоминали имя Леонида Сергеевича в нашей книге, но ни разу не представили его, как игрока. Вот, какую игровую характеристику дала ему в 1913 году газета «Футболист»: «Леонид Смирнов играет давно в футбол, всегда играл левого крайнего, последнее время в хорошей форме, довольно быстро бегают, обладает хорошей техникой, сильным ударом в гол и метким па-

сом. Играл много раз за Москву и Россию, играл на Олимпийских играх в Стокгольме».

Несколько строк из биографии этого человека. Проживала семья Смирновых в Лубянском проезде (дом 33, кв. 7). Отец Леонида Смирнова – Сергей Сергеевич Смирнов – священник, настоятель одной из красивейших церквей Москвы начала XX века – Св. Николая Чудотворца, что у Большого Креста в Китай-городе, на Ильинке. Этот храм, возведенный в 1680 году с пышной каменной «резью» входившего тогда в моду декора барокко, оказал несомненное влияние на сложение этого стиля в московской архитектуре. Бело-голубая, с роскошным пятиглавием, церковь имела отдельно стоящую колокольню в «северном» стиле.

Название свое храм получил по приделу Св. Николая и по большому резному деревянному кресту, стоявшему у правого клироса и содержавшему 156 частиц мощей, а также мощи Св. Николая Чудотворца в самой его сердцевине. После беспощадного разрушения храма в 1933 году удалось спасти иконостас (ныне в трапезной Троице-Сергиевой Лавры), и часть клироса, которая хранится в Донском монастыре. Теперь на месте храма скверик с какими-то хозяйственными постройками, рядом с часовой башней конторского дома Северного страхового общества, построенного в 1910–1911 годах.

А дедом Леонида Сергеевича был известнейший русский православный историк и богослов, историограф, член-кор-

респондент Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности Сергей (Сергий) Константинович Смирнов. В 1875 году С. К. Смирнов был удостоен звания заслуженного ординарного профессора Московской духовной академии, а в 1878 году он рукоположен во священник сан и назначен ректором Академии с возведением в сан протоиерея.

За свои ученые заслуги С. К. Смирнов неоднократно награждался. Среди его наград орден Св. Анны I степени. В 1883 году Сергей Смирнов принимал в качестве священнослужителя участие в коронации императора Александра III. Он был в числе награжденных по случаю этого события – удостоен права ношения палицы и митры. С 1879 года Смирнов являлся непременным членом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Университете.

Были в роду Смирновых и другие интересные личности. Так, родная тетка Л. С. Смирнова – Софья Сергеевна, была женой священника, библиотекаря Московской духовной академии, а с 1889 года настоятеля церкви Святых Афанасия и Кирилла (она находится почти на углу Сивцева Вражка и Большого Афанасьевского переуллка), кандидата духовной академии, члена совета Московского заиконоспасского духовного училища Евлампия Ивановича Троицкого. Четверо сыновей Евлампия Ивановича – Виктор, Анатолий, Дмитрий и Алексей – закончили Заиконоспасское духовное

училище и Московскую духовную семинарию, а Виктор с Анатолием – еще и Вифианскую духовную академию (интересно, что сочинение В. Е. Троицкого на степень кандидата богословия Московской Духовной Академии, датированное 1912 годом, называлось так: «Влияние Оптиной пустыни на русскую интеллигенцию и литературу»). Где учились Александр, Сергей и, возможно, Иван Троицкие – неизвестно. Во всяком случае, в официальных списках выпускников семинарии они не числятся. Все Троицкие-Евлампиевичи – двоюродные братья Л. С. Смирнова.

Как сообщает справочник «100 лет российского футбола», в 1914 году за сборную России несколько матчей провел Алексей Евлампиевич Троицкий, который до революции был самым популярным из рода футболистов Троицких. Он отличался на поле великолепной техникой и ловкостью, был любимцем зрителей, правда, как отмечала пресса, не всегда решался нанести удар по воротам. В 1913 году Алексей Троицкий вместе с братом Сергеем был принят в состав «Униона», и до 1915 года регулярно выступал за сборную Москвы. После революции имя Алексея Троицкого на страницах печатных изданий уже не упоминается, зато в спортивных кругах Москвы 20-х – начала 30-х годов становятся популярными имена Александра и Сергея Троицких. Именно Александр Евлампиевич Троицкий (а не Алексей, как указывают авторы упомянутого выше справочника) играл в составе КФС, «Красных Хамовников» и Замоскворецкого клуба пе-

чатников, активно занимался судейством, тренировал клубные команды Замоскворечья.

И тут невольно возникает вопрос. А может быть, Алексей Троицкий, окончивший духовную семинарию в 1914 году, со следующего года прекратил выступления на зеленом поле (если он вообще когда-то играл во взрослой футбол, не считая выступления за команду Духовной семинарии!) и посвятил себя служению Богу, а в составе «Униона» и сборной России играл уже Александр Троицкий? Во всяком случае, вопросы есть. И не только у меня. Так, например, уважаемый Борис Михайлович Чесноков в справочнике-путеводителе «Физкультурная Москва» по адресу Сивцев Вражек, 10 (а именно здесь еще до революции жила семья Евлампия Ивановича Троицкого) указывает Алексея и Сергея Евлампиевичей, а в справочнике «Москва спортивная» за 1930 год уже значатся Александр и тот же Сергей Евлампиевичи. Как будто бы одного и того же человека называют разными именами. Кстати, во всех дореволюционных периодических изданиях упоминается только один А. Троицкий, или А. Е. Троицкий, без расшифровки этого самого «А»... Рискнем предположить, что никакого известного футболиста *Алексея* Троицкого никогда не существовало (ну не мог выпускник сначала Московского Заиконоспасского духовного училища, которую Алексей Троицкий окончил «по первому разряду с зачислением в Духовную семинарию без экзаменов, а затем – и Семинарии, на серьезном уровне играть в фут-

бол!), а был только *Александр* Троицкий, начинавший свою спортивную карьеру в созданной им с друзьями любительской команде «Девичье Поле», а летом выступавший за дачный коллектив Быково. Такого же мнения придерживается и известный спортивный журналист и футбольный комментатор Александр Елагин, уверявший автора этих строк, что он лично видел в одной из газет 1914 года упоминание именно Александра Троицкого.

Сергей Троицкий начал свою карьеру в 1913 году в составе «Униона» (в этом году в клуб, как следует из годового отчета МКС «Унион» за 1913 год, пришли А. Е., Д. Е. и С. Е. Троицкие; их инициалы, к сожалению, не расшифровываются, в отличие от аналогичного, очень подробного издания за 1912 год), где долгие годы был одним из лучших игроков. Позже выступал за ОФВ, «Яхт-клуб Райкомвола», МСФК, «Трехгорку», РДПК, АМО, сборную Москвы (часто играл там вместе со своим однофамильцем Николаем Троицким), входил в число лучших футболистов города. В конце 20-х годов С. Е. Троицкий работал техническим секретарем культотдела, секретарем секции игр и дисциплинарного комитета Московского Губернского Совета профсоюзов (МГСПС), заместителем председателя секции игр Московского Губернского Совета физической культуры (МГСФК), тренировал заводские команды по футболу и хоккею, в том числе – и московского автозавода им. Сталина.

Что стало с братьями после середины 30-х годов – неиз-

вестно (хотя авторы книги «100 лет российского футбола» пишут, что Алексей Троицкий скончался в 1958 году. Правда, при этом ставят знак вопроса). Не знают этого и служители восстановленной недавно церкви Св. Афанасия и Кирилла. По некоторым данным, в 1937 году С. Е. Троицкий был репрессирован. Вполне вероятно, что причиной этого, помимо самого факта рождения в семье священнослужителя (возможно скрытого), невольно стала родная сестра Троицких – Софья, в 1918 году вышедшая замуж за Федора Георгиевича Скворцова. Он был сыном диакона Г. А. Скворцова, в январе 1915 года поступил в Александровское военное училище, после 6 месяцев учебы произведен в прапорщики и направлен в 1-ый Сибирский стрелковый корпус. В августе 1918 года Федор явился в штаб пулеметной роты Дроздовского полка и пережил вместе с ними все страдания гражданской войны. В начале 1921 года Скворцов покинул Добровольческую армию, и вместе с Софьей эмигрировал в Чехословакию. Возможно, ясность в этом вопросе наступит после получения ответа на наш официальный запрос в архив ФСБ России...

Но на этом «футбольная история» семьи Смирновых не заканчивается. Родная сестра нашего героя – Ольга Сергеевна, вышла замуж за Александра Николаевича Кулакова – хирурга Иверской и Марфо-Мариинской общин милосердия и больницы у Петровских ворот. В 1913 году у них родилась дочь Таисия Александровна Кулакова (племянница

Л. С. Смирнова), мужем которой стал Александр Иванович Квасников – рентгенолог, известный футболист московского «Динамо».

Ну а самой известной родственницей Леонида Смирнова была его тетка – Анна Сергеевна Смирнова. Ученица В. О. Ключевского, популярная деятельница феминистского движения, член кадетской партии в 1885 году стала женой известного на весь мир русского политического деятеля, талантливого историка и публициста, символа либеральной интеллигенции Павла Николаевича Милюкова. «Русский европеец», интеллектуал, популярный ученый-гуманитарий, эрудит, человек безупречной репутации – все это обеспечивало Милюкову особое положение в обществе. В 1917 году П. Н. Милюков занимал пост Министра иностранных дел Временного правительства. После революции семья жила в Париже. В эти годы А. С. Милюкова (Смирнова) – член Комитета помощи писателям и ученым в Париже, основательница и председатель русской секции Международной федерации университетских женщин. Скончалась в Париже в 1935 году. Понятно, что про такое опасное родство Леонид Сергеевич при советской власти предпочитал помалкивать.

Интересно, что фамилия правого крайнего сначала СКС, а затем «Униона», сборных Москвы и России тоже была Смирнов. И начинали играть они вместе в Быково. Про них так и писали: Смирнов-1 (Леонид) и Смирнов-2 (Михаил). Только звали его Михаилом Петровичем, а с Леонидом Сергеевичем

они были, скорее всего, однофамильцы. Упомянутая нами выше газета (ее главным редактором был сам Л. С. Смирнов) дала ему такую характеристику: «Игрок вполне приличный, играет уже давно, сперва играл в С. К. С., потом в «Унионе», самый лучший бегун-футболист, имеет приличный «пас», играет последнее время хорошо головой, хорошо бьет «корнер». Особой техникой не отличается». Отметим еще, что Михаил Смирнов был и самым быстрым хоккеистом «Униона» и сборной Москвы.

Есть веские основания полагать, что наши Смирнов-1 и Смирнов-2 были знакомы с раннего детства, так как отец Михаила – Петр Александрович – служил псаломщиком в церкви Святого Николая Чудотворца на Ильинке, настоятелем которой, как мы уже отмечали, был отец Леонида Смирнова. Но эта информация еще нуждается в дополнительной проверке.

В первом круге розыгрыша Кубка Фульда 1910 года футболисты Сокольников победили всех своих соперников с общим счетом 24:8 и уверенно лидировали. Однако во втором круге возрастные спортсмены СКС, многие из которых уже перешли зенит своей спортивной формы (заменить их было нечем: игроки второй и третьей команды были еще слабее), умудрились проиграть три поединка (ЗКС, КСО, а в конце сезона и явному аутсайдеру «Униону») и упустили первенство. Бывший игрок СКС Михаил Ромм писал: «Мы выиграли все четыре соревнования, нанесли поражение нашему

главному сопернику. Результаты первого круга превратили нашу надежду в уверенность... Кубок Фульда, казалось, был уже у нас в руках. Но, второй круг принес нам разочарование... 3-го октября мы выехали в Орехово-Зуево для встречи с «морозовцами». Обе команды имели к этому времени по десять очков, но у нас была лишняя игра в запасе. Стадион был заполнен до последнего места. Деревья вокруг него превратились в дополнительные трибуны.

Как непохожи были орехово-зуевские болельщики в рабочих куртках и рубашках, в картузах и смазных сапогах на чистую московскую публику в пальто и котелках. И с каким энтузиазмом встретили они своих игроков, когда те выбежали на поле для разминки. Вот где черпали «морозовцы» свои резервы, вот кто помог им стать лучшей московской командой довоенных лет и четыре года подряд выигрывать Кубок Фульда... Мы сразу поняли, что игра предстоит трудная, что силы противника будут удвоены моральной поддержкой зрителей. КСО выиграл встречу со счетом 7:2. Хозяева поля играли с большим подъемом и превосходили нас сыгранностью и точностью распасовки. Сильно провел встречу Вильям Чарнок, забивший три мяча». Отметим, что СКС дважды уходил с поля, выражая тем протест на действия рефери, дважды возвращался и продолжал игру. А после игры подал в МФЛ протест, который лига отклонила.

Для футболистов КСО поражение в первом матче оказалось единственной неудачей в сезоне. Во всех остальных по-

единках ореховские футболисты побеждали своих соперников и в итоге стали первыми обладателями Кубка Фульда, что было равносильно званию чемпиона Москвы. «Морозовцы» набрали в состязаниях 14 очков, забив при этом в ворота соперников 43 мяча, пропустив в свои только 14. Вторыми стали футболисты СКС (10 очков), третьими – ЗКС (9 очков). Четвертое место занял КФС (5 очков). На последнем месте, с 40 пропущенными мячами и 2 очками оказался «Унион».

В соревнованиях второй группы сильнейшими были футболисты МКЛ, оставившие на втором месте «Вегу». Победителям обеих групп были выданы памятные жетоны. Это были небольшие бронзовые медальончики, на которых выгравированы дата и название первенства и место, занятое командой. В принятом Московской футбольной лигой решении о выдаче памятных жетонов игрокам команд, занявших призовые места, имелась специальная оговорка, что эти призы не должны быть ценными. В третьей категории первенство осталось за ЗКС-3, пришедшим на первое место в упорной борьбе с «Унионом».

26 сентября 1910 года состоялось первое удаление в играх чемпионатов Москвы. В матче ЗКС – «Унион» за удар соперника по лицу был удален с поля Джон Белл, который уже через два года стал самым принципиальным и авторитетным рефери МФЛ.

Вот что вспоминал про этот чемпионат Москвы уже зна-

комый нам Валентин Сысоев: «Игры первого чемпионата были, по нынешним понятиям, весьма примитивны. Никакой тактики практически не существовало. Линии были оторваны друг от друга. Оборону составляли два защитника, причем располагались они не фронтом, как сейчас, а друг за другом и соответственно назывались передний и задний. Далее шли три хава и пять вытянутых в линию форвардов. В связи с таким построением очень часто осуществлялись индивидуальные проходы, длинные поперечные передачи на выход. Темп не очень ценился, поэтому многие мастера увлекались демонстрацией отдельных элементов техники, таких, как обводка, игра головой, бег с мячом, умение держать его в воздухе и многое другое».

Отметим, что 9 августа в Орехово-Зуево британцы, не принимавшие в этом году участия в официальных матчах под эгидой МФЛ, сенсационно уступили хозяевам поля со счетом 0:4. Это было первое поражение за все годы существования БКС. Справедливости ради отметим, что в составе Британского клуба в этот день на поле вышли только 10 человек.

Все желающие ознакомиться с подробными статистическими выкладками этого и последующих розыгрышей чемпионатов Москвы, а также результатами всех международных и междугородних матчей сборной Москвы, могут это сделать, прочитав замечательный статистический справочник Георгия Калянова «Московская футбольная лига. 1910–

1922». Мы же ограничимся лишь кратким представлением составов команд класса «А».

Первый чемпион Москвы – КСО – провел этот сезон в таком составе: Н. Макаров, В. Сазонов, В. Мишин, А. Акимов, Я. Чарнок (капитан), Н. Кынин, А. Томлинсон, Т. Бонд, В. Чарнок, А. Кононов и А. Мишин. В составе команды так же были О. Хаваев, П. Иванов, И. Ермолаев, И. Новлянский, П. Чичваркин, Бледнов, Панкрашин, Самсонов. В составе первых вице-чемпионов Москвы, команде СКС выступали: В. Виноградов, М. Ромм (вице-капитан), Роб. Вентцели, Н. Виноградов, А. Парфенов, А. Жилин, Руд. Вентцели, А. Скорлупкин, В. Соколов, В. Серпинский (капитан), Л. Смирнов, П. Кудрявцев, Ф. Римша, Дорн, М. Папмель, Е. Константинович, В. Иванов, С. Парфенов, Н. Горелов, П. Калмыков, Голубов, А. Васильев, Б. Решетников (из Быково), Р. Серпинский, Сходнев, А. Виноградов, С. Виноградов, Ф. Розанов.

С игроками 3-его призера соревнований – команды ЗКС, мы познакомили читателя раньше, в главе, посвященной созданию этого коллектива.

В составе КФС играли: Гальперин, Куприянов, Николаев, Н. Филиппов (капитан), Н. Слепнев-Курехин, А. Вашке, В. Силуянов, Максин, Васильев, В. Житарев, А. Филиппов, М. Филиппов, Кудряшев, Линдквист, Александров, С. Филиппов.

Состав «Униона»: Н. Ильин, К. Бертрам; Е. Емельянов, Бэзик (играл в сезоне и за «Новогиреево»),

Невезжин, А. Постнов, В. Савостьянов, П. Гольц, Н. Александров, А. А. Ганишин (капитан), Спернад, М. Китрих, Протопопов-2, В. Фельгенгауер, Казанов, В. Поляков, Б. Манин, Б. Зейдель, А. Тамман, А. Потерякин, Н. Потерякин, Н. Михайлов, А. В. Мак-Киббинь, В. Слама, А. Миндер, Ю. Янкович, К. Адлер, Баске, Талеман, М. Мейер, Цоллер, Гинц, О. Паур, Ф. Мехель, Гергес.

За команду **МКЛ**, победившую в группе «Б», в этом году играли: Гончаров, А. Морозов, М. Морозов, Боско, А. Немухин, Гориков, Н. Филиппов, Чинилины 1 и 2, Никифоров, Финогенов, Захаров.

Приведем и «звездный» состав тех лет одной из старейших команд Москвы (она начала играть еще в 1908 году, а Устав зарегистрировала в 1910) – **«Мамонтовки»**: В. Мухин (лучший голкипер в истории клуба), С. Никольский, П. Розанов (капитан), Шелонский, Кёббель, Ал. Мухин, С. Мухин, Ю. Никольский, Е. Никольский, Б. Манин, Ф. Розанов, А. Парусников, Н. Парусников, А. Петров, Е. Бахвалов, Е. Константинович, Кречетов, Сандерс, А. Варгафтиг, Вевелл, Л. Постников, Форд, Р. Балдог. Первым председателем правления «Мамонтовки» был С. М. Никольский, секретарем – П. П. Ордынский, казначеем – Н. П. Гостиннодворцев, членами комитета – Берг и Николаев.

За **«Новогиреево»** играли: Ярусов, Волосатов, Бэзик («Унион»), Шиман, Горгес, Фент, Зальшкин, Токарев, Камарницкий, Фосс-1, Вильгайн.

Среди студентов в этом году образовалась еще одна команда – «Александрия», представлявшая сельскохозяйственный институт. За нее играли: Евдокимов, Скалгин, Кишкин, Тяпкин, Сергеев, Зеферк, Еремеев, Лиловский, Щербаков, Захаров, Моргунов.

* * *

«Грозой Москвы» и «гордостью Лиги» называли футболистов КСО в те далекие годы. Это была одна из сильнейших команд, участвовавших в московских соревнованиях 1910–1914 годов. Подробно история этой легендарной команды изложена в книге ореховского знатока местного футбола В. С. Лизунова «Морозовцы», мы же позволим себе лишь кратко отразить некоторые этапы продвижения КСО к славе.

Футбол в Орехово-Зуево был завезен англичанами. Первая попытка организовать здесь футбольную команду была предпринята еще в 1887 году! Идея эта принадлежала Джеймсу (Якову Васильевичу) Чарнок, первому директору прядильной фабрики, а затем и техническому директору всего производства Викулы Морозова на орехово-зуевской Никольской мануфактуре. В свое время Д. Чарнок состоял членом британского футбольного клуба «Блэкберн Роверс». Все технологическое оборудование на морозовских фабриках было поставлено еще в 40-ые годы англичанами, они же руководили производством, работали мастерами, а в сво-

бодное время играли в футбол. Однако, довести свою затею до завершения англичанину не удалось. Морозовская стачка сорвала это желание, а после его отъезда на родину команда распалась.

Следующая попытка была предпринята в 1897 году братом первого директора, Гарри Горсфилдом Чарнок (в Покровском уезде его звали по-русски Андреем Васильевичем). Он занимал пост директора бумагопрядильной и крутильно-ниточной фабрик Никольской мануфактуры. Его помощником был племянник первого Чарнока, тоже Джеймс (Яков Клементьевич). Здесь же трудился Уильям (Василий Васильевич, он же «Рыжий Вилли»), а Эдвард Паркер (Эдвард Васильевич) Чарнок и Клементий Василий Чарнок (в 1912 году входил в состав МФЛ) работали в Серпухове, но играть в футбол приезжали в Орехово. Они-то и стали создавать в городе футбольную команду. Затея оказалась не из легких. Гарри Чарнок вспоминал: «Кровавое воскресенье» в начале 1905 года нанесло удар по нашим благим желаниям – «безвременно» ушел из жизни наш большой друг и благожелатель Савва, а затем его вдова отказалась от футбола и передала наши дела двоюродному брату – Викуле Елисеевичу Морозову из Никольского и Городищ в Орехово...».

Возникла и другая проблема. Неожиданно, энтузиасты новой игры натолкнулись на яростное сопротивление старообрядцев («гуслияков»), т. к. Орехово-Зуево было в то время одним из центров русского религиозного раскола. Старо-

обрядцы составляли значительную часть населения города и отличались крайним консерватизмом, а всякие игры считали греховным занятием. Мало того, сами Морозовы тоже были староверами и из них же подбирали русский административный персонал фабрик и рабочих. Когда выяснилось, что играть надо с обнаженными ногами, сопротивление стариков еще больше усилилось и местной молодежи пришлось приложить немало усилий для его преодоления. Английским энтузиастам кожаного мяча очень помог вышедший на Пасху 1905 года императорский Указ «Об укреплении начал веротерпимости». Это царское решение подбодрило старообрядцев Владимирской губернии, и после возобновления моленной «Поморского брачного согласия» они разрешили детям уже в 1906 году играть за две местные команды, «разбавленные», правда, английскими работниками.

Так, несмотря ни на что, футбол упорно пробивал себе дорогу, завоевывал все новых и новых поклонников. К 1906 году, в результате настойчивой разъяснительной работы удалось наконец получить официальную санкцию и необходимые средства для организации первого футбольного клуба, получившего название «Ореховский спортивный клуб». Однако, для его окончательного утверждения понадобилось еще два года. В своей книге «Воспоминания британского агента» Р. Б. Локхарт (Локкарт) писал, что братья Чарноки убедили хозяев Никольской мануфактуры организовать футбольную команду еще и «с целью отвлечения рабочих

от пьянства», так как Орехово-Зуево в то время лидировало по части пристрастия к водке в центральном районе России. Мало того, это был и один из наиболее беспокойных промышленных центров, и футбол мог стать здесь хорошим противоядием политической агитации. И вот, в 1908 году на местной площадке впервые в спортивной борьбе встретились местные футболисты и англичане, служившие на фабриках Морозова. Выиграли тогда англичане, но через год русские взяли реванш.

Вот, что вспоминал о тех далеких днях местный ветеран Сергей Смирнов. «В июле 1908 года состоялся первый футбольный матч, в котором участвовали рабочие морозовских текстильных фабрик. Матч был сыгран на площадке поблизости от реки Клязьмы. Площадку с одной стороны опоясывали коровники, а с другой – так называемые «балаганы», подвалы которых были приспособлены для хранения овощей. Специальных футбольных ворот на этом «стадионе» не было, их заменяли две стойки. Во время игры мяч часто ударялся о стены коровников, оттуда несясь непрерывный рев животных.

Одна команда, принимавшая участие в этом историческом матче, была составлена из англичан, занимавших на фабриках братьев Морозовых инженерно-технические должности, другая – из русских. За англичан играли: Я. Чарнок, А. Томлинсон, Гринвуд, Д. Белл, Гейз и другие, за русских – Ю. Хаваев, В. Мишин, А. Мишин, М. Савинцев, П.

Иванов, И. Ермолаев, Н. Кынин, А. Акимов и другие. Судил встречу англичанин Ольфильд.

Посмотреть первую игру собралось столько зрителей, что крыши строений, прилегающих к полю, были полностью заполнены. Зрители стояли вплотную у боковых линий, но это не мешало футболистам, так как «аутов» они не признавали. Специальной футбольной формы у игроков не было. Они выступали в своих рабочих костюмах и в старых ботинках. Только вратарь Хаваев играл в галошах, так как у него была большая семья, и он не имел лишней пары ботинок.

Матч, конечно, носил сумбурный характер. Да и что можно было ожидать от русских игроков, впервые в жизни увидевших футбольный мяч! Их удары были неточными и производились в основном носком. «Тактика» сводилась к тому, что они втроем-вчетвером нападали на одного англичанина. Встреча закончилась со счетом 11:0 в пользу английской команды. Вероятно, англичане не случайно забили именно такое количество голов, так как после игры Я. Чарнок показал каждому из наших футболистов один палец, т. е. этим как бы сказал, что на каждого приходится по одному голу.

В дальнейшем на протяжении всего лета матчи проводились каждую субботу, но к осени наша команда (Кружок любителей футбола) стала пропускать все меньше мячей и, наконец, одну встречу даже выиграла. Этому во многом способствовал умный, расчетливый, быстро освоивший технику правый бек В. Мишин, которого впоследствии журнал «К

спорту» назвал «стратегом»...

Благодаря настойчивости и большим усилиям Гарри Чарнока, 16 ноября 1909 года владимирский губернатор Иван Николаевич Сазонов (дворянин, в прошлом блестящий морской офицер с прекрасным образованием) утвердил устав клуба. На обложке документа с реестровым номером 146 было написано: «Уставъ «Клубъ спортъ» при фабрикахъ Товарищества Мануфактуръ Викула Морозова съ С-ми въ м. Никольскомъ, Владим. губ.». Первым председателем «Клуб-Спорта» стал Гарри (Андрей Васильевич) Чарнок, его заместителем – Сергей Сергеевич Куприянов (в 1910 году – управляющий ткацкой фабрикой мануфактур В. Морозова), секретарем – И. И. Бодров. Капитаном футбольной команды стал помощник директора прядильной фабрики Джеймс (Яков Клементьевич) Чарнок.

Цели работы клуба были довольно обширными, а именно: распространение существовавших и не запрещенных законом Российской империи видов спорта, как-то игр: футбол, лаун-теннис, крокет, крикет и других, а также велосипедного, конькобежного, лыжного и атлетического спорта и сближение спортсменов. Для достижения этих целей Клуб устраивал музыкальные и танцевальные вечера, спектакли, балы, праздники, состязания и другие увеселения, певческие хоры и оркестры, а также разные гонки. Первоначально действительными членами Клуба были исключительно служащие на фабриках Викулы Морозова обоего пола, позже – служащие,

работавшие не только в Орехово-Зуеве, но и в Москве, в Нивогиреево. Были случаи исключения из членов Клуба за неуплату членских взносов. 3 августа 1910 года Совет старшин разрешил вход на спортивную площадку женщинам и детям до 17 лет.

Почетными членами Клуба были братья Морозовы – сыновья Викулы Елисеевича, Степан Никифорович Свешников (директор правления Товарищества мануфактур В. Морозова), Константин Александрович Угрюмов, Андрей Васильевич Чарнок, Василий Иванович Карабанов (заведующий Никольским двухклассным училищем при фабриках В. Морозова) и др. Членами Клуба проводились лекции «по физическому развитию». Клуб проводил развлекательные мероприятия: спектакли и концерты, массовые мероприятия по случаю Масленицы или Пасхи, Рождества. Все массовые мероприятия Клуба согласовывались с Комиссией по организации народных развлечений при фабриках господ Морозовых. Для безопасности привлекались полицейские.

Из числа членов Клуба была образована специальная футбольная секция. Средства Клуба составлялись из взносов его членов (они были установлены в размере 10 рублей с человека, а члены-соревнователи платили по рублю), пожертвований и сборов от массовых мероприятий. Клуб имел свою печать, билеты и значок, который носили на часовой цепочке или на головном уборе. Для простых рабочих путь в привилегированный Клуб был закрыт.

На поле футболисты КСО выходили в голубых рубашках, белых трусах, черных гетрах и бутсах темной кожи с шипами (хотя Я. К. Чарнок предлагал другие цвета: «синие штаны и рубашки кремовые», но президент КСО А. В. Чарнок настоял на том, что следует сохранить первоначально выбранные командой костюмы). Эта форма сохранилась до 1926 года. По поводу спортивной формы «морозовцев» Гарри Чарнок вспоминал: «Футбольные майки, джемперы, свитеры и ботинки были заказаны в Англии, а трусы должны были изготовить сами игроки. Материал для этого был роздан с соответствующими инструкциями. Результат получился самый плачевный, так как почти все трусы без исключения доходили до лодыжек – старообрядцы отказывались выступать в трусах до колен... Бурные протесты капитана команды, англичанина, строго соблюдавшего все условности, оказались тщетными. Перед началом первого матча он решился на крайние меры. С помощью двух членов комитета, вооружившись ножницами и меркой, он запер уже одетых игроков в раздевальной и обрезал штанины до нужной длины...»

На первых порах ключевые посты в команде занимали англичане, но уже вскоре большая часть игроков была русской и состояла из служащих контор, детей состоятельных родителей, студентов и гимназистов. Лидерами команды были Николай и Владимир Макаровы, Владимир и Анатолий Мишины, Александр и Николай Кынины, Петр Чичваркин, Михаил Савинцев (старший брат будущего голкипера сборной

СССР, ленинградца Николая Савинцева), Дункерлей, Гейвуд, Бертель, Дикин, Яков Чарнок, Эдуард Чарнок и знаменитый «рыжий Вилли» Чарнок – гроза московских вратарей, забивший в первенстве Москвы и в междугородних и международных матчах свыше 100 мячей.

30 августа 1909 года ореховских футболистов впервые увидели в Москве. Соперниками орехово-зуевских футболистов стали спортсмены из клуба «Сокольники» (СКС). Как писала пресса, «команда клуба при фабрике Морозова – наполовину английская». И далее: «Первое впечатление, когда они вышли, было великолепное: симпатичные костюмы, известная дисциплина усиливали его... СКС тем не менее продержался 16 минут до первого гола... Атаковали «морозовцы», и здесь особенно выделялся Чарнок». Первый матч КСО в Москве завершился его победой со счетом 2:1.

Игры команда проводила на прекрасном изумрудном газоне (первый ореховский футбольный плац был обустроен всего за три месяца; его было также разрешено использовать учащимся гимназии для игры в футбол) в парке народного гуляния господ Морозовых (ныне парк имени 1 Мая), в окружении высоченных сосен, лип, дубов и берез. На одной стороне этого стадиона находились трибуны для «простого люда», на другой – красивый павильон и диваны для «господ служащих». Вход рабочим на эту сторону стадиона был запрещен. Первый товарищеский матч в честь открытия поля в парке господ Морозовых состоялся 27 июня 1910 года.

«Играли на новом плацу товарищеский матч игроки, разделенные по костюмам на голубых и кремовых», – писал потом «Русский спорт». «Кремовыми» были игроки Британского клуба спорта из Москвы. На матче присутствовало много местной публики, а также приезжие любители футбола из Ликино, Дулево, Дрезны, Богородска, Городищ, Павловского Посада и других соседних селений. Большинство зрителей составляла молодежь. В первом матче на новом плацу победили «морозовцы». Игра закончилась на великую радость публики со счетом 7:3 в их пользу».

В 1912 году был решен вопрос страхования игроков, а в команде начал работать платный массажист. Имелась и аптечка первой помощи. Хотя поле в летнем парке и отвечало всем требованиям футбольной игры, но находилось на окраине города, что затрудняло проведение тренировок. В связи с этим было решено построить стадион на территории бывшего дровяного склада фабрики Викулы Морозова, в конце Крутовского поселка. Кстати, в лучших домах этого поселка, у железнодорожной станции Крутое, жили английские специалисты с фабрик Викулы Морозова. А называли этот район «Англичанкой» (ныне улица революционера Степана Терентьева). На этой улице, по сути дела, зарождался российский футбол, здесь жили и первые ореховские футболисты.

Строительство началось в 1913 году под руководством английских специалистов. Исключительно ровная площадка для игры была выкопана на глубине одного метра, засыпа-

на и утрамбована торфяной крошкой и выложена дерном. Такому прекрасно дренажированному полю был не страшен никакой дождь. Трава на плацу росла густой и низкорослой, в народе ее называли «поросычье». Вокруг поля была накатана гаревая дорожка. Это было лучшее футбольное поле России. Были на стадионе и настоящие трибуны, и хорошая раздевалка с душем.

Здесь же, на стадионе построили и новый клубный павильон («Клуб на Дровяном»), в котором с 5 июня 1914 года стали проводиться заседания правления. Совет Старшин постановил торжественно открыть помещение Клуба 14 июня 1914 года, купить пианино стоимостью до 300 рублей, а в день его открытия устроить матч, на который пригласить прибывающих в Москву моряков с находящейся в Петербурге Английской эскадры. После начала 1-й Мировой войны это здание, по просьбе Покровского управления Красного Креста, было передано с согласия собрания КСО под общество «Красный Крест», руководила которым Анна Ивановна Чарнок.

А торжественное открытие нового стадиона состоялось еще весной, 7 апреля 1914 года. Перед началом первого матча – с командой студентов Оксфордского университета, батюшка отслужил молебен, sprыснул поле, ворота, трибуны и зрителей «святой водой», а дьякон гаркнул «многая лета». В книге «Первый вратарь сборной» Николай Соколов так описывает этот день: «Вся футбольная Москва ринулась в этот

воскресный апрельский день в Орехово-Зуево. Железнодорожники Нижегородской линии были поражены необыкновенным даже для праздника (был второй день Пасхи) наплывом пассажиров. Прицеплялись дополнительные вагоны, срочно формировались новые поезда... «Что случилось, господа? – недоумевали полицейские чины. – Куда все едут?» В ответ болельщики многозначительно и гордо произносили слова «Лондон», «Орехово». Но вот гремит салют из маленькой, где-то добытой организаторами пушки, торжественно разрезается широкая лента, протянутая поперек поля. Стадион открыт. На этом матче присутствовал президиум Московской футбольной лиги во главе с его председателем Р. Ф. Фульда. Это был поединок впервые приехавших в Россию английских студентов. Их матч с «морозовцами» в этот день собрал до пяти тысяч человек местной публики и приехавших из Москвы».

В Москву же, где проходила половина матчей розыгрыша Кубка Фульда, «морозовцы» ехали на поезде, который шел тогда от Орехова более двух часов до Нижегородского (ныне Курского) вокзала. Потом игроки пересаживались на трамвай, самый быстрый тогда вид городского транспорта, и ехали в разные концы Москвы: в Сокольники, Замоскворечье, Лефортово или на Ходынку, а начинались игры после обеда, между двумя и тремя часами. Впрочем, вопрос о транспорте стоял и перед московскими болельщиками. Съездить в Орехово и увидеть игру лучшей команды Лиги мечтали и

взрослые, и дети. В объявлениях для московских болельщиков сообщалось точное расписание удобных поездов до Орехова и обратно, а в случае проведения важных игр чемпионата или международных встреч следовала приписка такого рода: «Предполагается специальный поезд. Матч ни в каком случае не отменяется».

С 1910 по 1913 год КСО провел в МФЛ 42 матча, из которых: 36 выиграл, два сыграл вничью (все в 1911 году) и лишь четыре проиграл (по одному матчу в каждом чемпионате). Соотношение мячей: 201–59! Вот, что писал об очередном триумфе «морозовцев» корреспондент под звучным псевдонимом «Москвич» в журнале «Русский спорт» (№ 48 за 1913 год): «Розыгрыш Кубка Р. Ф. Фульда в 1913 году дал первенство КСО. Это постоянное превосходство КСО интересно и поучительно в том смысле, что оно не является случайным, но есть результат особой организации, дисциплины и других условий, отличающих жизнь этого клуба от московских клубов. Ведь, если в первые годы победы КСО объяснялись присутствием англичан, то в данном сезоне это объяснение вряд ли подходит. Англичан было 3–4, и то не всегда. Причины лежат глубже.

Часто приходилось слышать, что ни техника, ни тактика «морозовцев» не представляют ничего выдающегося, а между тем победы... победы. Причины коренятся в том духе и дисциплине, в которых воспитывает КСО своих игроков. КСО является настоящей школой футбола. Чтобы уяснить

это, бросим взгляд назад, когда футбол еще только зарождался. Весной 1909 года, по инициативе Я. К. Чарнок была впервые сформирована ореховская команда, в которой форвардов ухитрялись играть Акимов и Кынин; В. Чарнок еще не было. Благодаря любезности Фульды, команда эта выступила весной же 1909 года впервые в Москве, в состязании сначала с СКС, а затем с непобедимыми тогда британцами. Началось знакомство с Москвой; первые успехи ободрили новичков, пошла усиленная тренировка. Футболом заинтересовались. Но сколько нужно было затратить энергии, труда, чтобы доказать, объяснить значение и пользу объединяющего футбола. Сколько затруднений нужно было преодолеть, чтобы зарождающийся клуб твердо встал на ноги.

Условия работы были хуже, чем в Москве, были «независящие» препятствия, но настойчивость и энергия основателей клуба преодолела все. Нашлись деньги, отведено место, и прочное основание всему футболу в Орехове было заложено. Опытный взгляд Я. К. Чарнок, капитана-тренера команды, безошибочно намечал игроков: Акимов, Мишин – старейшие члены команды выбраны им. Основные принципы, применяемые при тренировке Я. Чарноком – дисциплина команды и особенное, серьезное отношение к своим обязанностям. При твердости и решительности, как Я. Чарнок, так и всей спортивной комиссии клуба, эти принципы всеми игроками быстро усваиваются.

Напрасно думают в Москве, что служба на фабрике неко-

торых игроков обязывает их дисциплине. Нет, только авторитет и опытность спортивной комиссии поддерживают образцовую дисциплину. Многим бы не пришлось по вкусу строгость, серьезность порядков клуба (по просьбе Совета старшин Чарноки выписали из Англии внутренний распорядок одного из известных клубов, и в команде все строго придерживались его параграфов. – А. С.). Например, никто не может переменить места в команде, все подчиняются указаниям капитана. Самый темп игры может меняться по указанию капитана. Иногда напряжение сил достигает такой степени, что только внутренняя дисциплина в состоянии принудить продолжать игру в том же темпе.

Последний год Я. К. Чарнок не играл сам, но традиции его остались в силе; его учениками и продолжателями их являются Мишин и Акимов. Необходимо отметить выдающееся значение личной игры В. Чарнок. Два года подряд он был капитаном Durham университета, играющего с первоклассными клубами в Англии.

Скажу несколько слов в защиту характера игры «морозовцев», которую часто называют грубой. Надо иметь в виду, что за все время существования клуба состав игроков первой команды не отличался даже средним ростом, имея сравнительно легкий вес. И отношение самого клуба к другим клубам в высшей степени спортивное и дружественное, на чем члены комитета КСО всегда настаивают не только в отношении своих игроков, но в этом духе воспитывают и пуб-

лику. Всякое нарушение со стороны публики предупреждается тотчас же.

Игра «морозовцев», действительно, иногда рискованная для них самих же, доказательством является то, что от них серьезно не пострадал никто, а из «морозовцев» двум пришлось полежать в больнице. У каждого московского игрока горячность игры несколько сдерживается мыслью о возможности серьезного повреждения; «морозовец» же играет «поручив Богу душу, а тело – клубу» (правда, Андрей Петрович Старостин трактовал этот девиз, которым ореховские футболисты очень бравировали, несколько иначе. В книге «Флагман футбола» он писал, что ореховские «англичане выходили на поле с девизом: «Душу – богу, тело – клубу». Звучит совсем неплохо. Жертвенно, так сказать. Но дело в том, что тело-то подразумевалось не свое, а противника». – А. С.)... Вообще отношение клуба к своим игрокам самое предупредительное и заботливое, это еще более повышает его авторитет среди игроков. Ведение всех внутренних дел клуба носит английский характер: корректность, молчаливость, аккуратное несение каждым своих обязанностей, а самое главное, какое-то особенное, серьезно торжественное отношение ко всему, что касается спорта. Таким образом, своей организацией, дисциплине, всем традициям английских футбольных клубов, в наибольшей степени обязан КСО своим постоянным превосходством.

Интересно отметить роль футбола в жизни Ореховского

рабочего люда. В разгар футбольных матчей заметно понижение пьянства, азартных игр – это показатель оздоравливающего интереса к футболу. Играют в Орехове почти все; 30 клубов, составляющих Ореховскую Лигу, с гордостью считают КСО своим духовным отцом».

Вот такая это была команда – КСО. А восторженные болельщики окрестили Орехово третьей футбольной столицей России!

* * *

В 1910 году в Санкт-Петербурге и Москве состоялись первые международные матчи. Первыми гостями из-за рубежа оказались чехи. В Европе они пользовались заслуженным почетом. Еще бы, ведь пражский клуб «Славия» был образован уже в 1893 году, когда во многих соседних странах футбола еще не знали! Конечно, здесь не обошлось без прямого влияния британцев, обосновавшихся в Праге, но так или иначе чехи довольно быстро восприняли их уроки. Пока в России складывались первые кружки, чехи уже провели свой первый кубковый турнир, а затем начали участвовать и в международных встречах. Причем отважились помериться силами даже с шотландцами. Чешские команды «Славия» и «Спарта» быстро завоевали авторитет в Европе. Приехавший в Россию клуб носил весьма странное название – «Коринтианс». Странное потому, что в Чехии такой команды...

не было! Объяснялось это тем, что многие европейские клубы, отправляясь в путешествие, придумывали для себя на время какое-нибудь новое название. Этой традиции последовали и футболисты из Праги.

Загадочный «Коринтианс» в основном составили игроки (их было шесть человек) знаменитой уже тогда «Славии». В этом нетрудно было убедиться, взглянув на форму гостей – рубашки с продольными неширокими красными и белыми полосами, белые трусы. Такую форму тогда имела только пражская «Славия». Накануне приезда в Россию «Коринтианс» с триумфом совершил поездку по другим европейским странам. Это произвело столь сильное впечатление на местную прессу, что в ней появились сообщения, в которых приводились различные удивительные подробности, касающиеся гостей. Писали, например, будто капитан «Коринтианса», защитник Веселый, имеет на своем счету 300 международных матчей. Петербургских и московских простаков-болельщиков нетрудно было этим озадачить: ведь русские-то футболисты не сыграли еще ни одной встречи с иностранными командами! Поэтому, сообщая о прибытии гостей, «Петербургский листок» с полным правом мог писать: «Из вагона первого класса вышли одиннадцать мировых футболистов, приехавших в Петербург, чтобы обучить наших футболистов, как следует играть».

Сначала чехи провели три матча в Петербурге, а затем приехали в Москву. 8 (21) октября 1910 года «Московские

ведомости» писали: «В футбольной лиге вчера состоялось заседание комитета лиги; председательствовал Г. Гофрей; доложены были результаты переговоров с чешскими командами гастролирующими в настоящее время в Петербурге, и решено пригласить их в Москву играть 8 октября против первой команды Сокольнического клуба спорта и в воскресенье против сборной команды «Вся Москва», которую единогласно избрали тут же. Капитаном команды выбрали Паркера. Команда в настоящем составе явится достойным противником для всякой даже заграничной команды и у Москвы много шансов на успех. Между прочим, петербургские газеты сообщают о недружелюбном отношении публики к чехам; надеемся, что Москва будет гостеприимнее».

Михаил Ромм так вспоминал эти матчи: «Чехи приехали после успешного турне по Европе, овеянные славой одержанных побед. Они выиграли в Петербурге у второй сборной города с убедительным счетом 15:0 (четыренадцать голов в этом матче забил форвард Медек – А. С.), проиграли первой сборной города 4:5 и победили сильнейшую петербургскую команду «Спорт», забив 6 «сухих» мячей. Футбольная Москва была взбудоражена. Еще бы – первая международная встреча, да еще с таким грозным противником... Билеты были распроданы за несколько дней, на поле СКС подновляли линии, красили ворота, ставили на них новые сетки.

Что же представляет собой команда «Коринтианс», разгромившая сборную Петербурга? Об этом думали мы, кото-

рым предстояло скрестить с ней шпаги. Случись это в наше, советское время, в Ленинград были бы посланы наблюдатели, и мы бы уже наперед знали во всех подробностях, с кем нам придется иметь дело. Но тогда о наблюдателях и не слыхали, и чехи после петербургских встреч оставались для нас уравнением с одиннадцатью неизвестными. Первым пришлось разгадывать это уравнение нам, СКС. Матч «Коринтианс» – СКС состоялся 8-го октября и кончился победой гостей со счетом 5:1. Впервые увидели мы безупречную сыгранность и точную распасовку. В команде выделялись двухметрового роста вратарь Хайда (правильно: Гайда – А. С.), левый защитник Веселый, левый крайний Ян и великолепный центр нападения Медек с искусной обводкой и пушечным ударом.

Через два дня на поле СКС вышли команды «Коринтианс» и сборная Москвы, или, по тогдашней терминологии, «Вся Москва». Она состояла... из девяти англичан и двух русских. Стоял погожий осенний день. Подмораживало. Три тысячи любителей футбола – небывалое для Москвы количество – с нетерпением ждали начала встречи. Разминка кончилась, команды заняли свои места. Знакомый холодок предстартового волнения охватил меня сильнее обычного: как сложится игра, поймут ли меня англичане, мои сегодняшние товарищи по команде? Ведь до сих пор я встречался с ними только как с противниками. Лишь вдалеке, на левом краю, маячил мой одноклубник Федор Розанов.

Мои опасения рассеялись после первых же минут. Левый защитник Паркер с его далеким настильным ударом, центральный полузащитник Трипп, долговязый, худой, с жесткими черными как смола волосами, дыбом стоявшими на голове, похожий скорее на испанца, чем на англичанина, розовощекий правый полузащитник Элиссен понимали меня с полуслова. И впервые мне пришлось играть в команде, где нападение было не самым слабым звеном, как в СКС, а едва ли не самым сильным. Трех безупречно сыгранных между собой нападающих из БКС – Уайтхеда, Ньюмана и Джонса – великолепно дополняли на левом фланге Вильям Чарнок и Федор Розанов. «Вся Москва» выиграла встречу со счетом 1:0, и тогда, после финального свистка судьи, мне казалось, что мы победили по заслугам. Но теперь, когда я вспоминаю эту игру во всех ее подробностях, прихожу к выводу, что ничья или выигрыш чехов со счетом 2:1 больше соответствовали бы соотношению сил.

В чем же было дело? В том, что эта встреча показала классический пример «железного» закона спортивной борьбы: тот, кто чрезмерно уверен в победе, почти всегда проигрывает даже более слабому противнику. После успехов в Европе, разгромных побед в Петербурге, после легкого выигрыша у СКС чехи надеялись так же легко одержать верх над сборной командой Москвы. И в то время, как москвичи играли самоотверженно, выкладывая все силы, боролись за победу, чехи срывали аплодисменты зрителей, демонстрируя эффектный,

изящный футбол, точные передачи, красивые удары. В середине первого тайма мирный ход игры был внезапно нарушен: Розанов, стремительно обойдя правого полузащитника, прорвался с мячом к лицевой линии, послал оттуда прострельную передачу в центр, и Ньюман, опередив вратаря и защитника, головой направил мяч в ворота у самой боковой штанги: неожиданный и редкий по красоте гол.

Чехи начали с середины и пытались перейти в атаку. Но «железный» закон продолжал действовать: им не сразу удалось избавиться от своей «настроенности», и до перерыва мы без особого труда сдерживали их атаки. Совсем иначе пошла игра во втором тайме. Чехов словно подменили. Отбросив рисовку и не думая больше о красоте игры, они упорно стремились к победе, играли резко и подчас грубо. В середине тайма они нащупали наше слабое место: быстрый, шустрый, неутомимый Ян на левом краю измотал нашего полузащитника Элиссена и стал легко обходить его. Мне приходилось оттягиваться на край, ослабляя нашу защиту в опасной зоне перед воротами. Когда я приближался к Яну, тот, не пытаясь меня обвести, навесным ударом посылал мяч к нашей штрафной площади. Оборачиваясь, я видел, как Паркер и Трипп отчаянно борются против трех нападающих чехов, как оттягивается назад Ньюман, чтобы добыть мяч и начать атаку. Тактические связи нашей команды были порваны, мы были прижаты к нашим воротам.

Гол назревал. Однако он так и не назрел. В борьбе со мной

Ян применил запрещенный прием и сам оказался его жертвой. Когда мы поднялись с земли, чех хромал. Элиссену уже не стоило труда справиться с ним, и я вернулся на свое место. Чехи продолжали атаковать. Теперь они сосредоточили все усилия на том, чтобы вывести на удар Медека. Но Трипп, долговязый, сутулый, нескладный Трипп, вцепился в него, как клещ. Он путался у него в ногах, мешал принимать мяч, не давал бить по воротам. Он преследовал его по пятам, терпеливо снося толчки и удары Медека. На последних минутах тот все же прорвался. Опередив Паркера и меня, он стремительно шел с мячом к воротам. Только подкатом мог бы я выбить у него мяч, но этого приема тогда никто в футболе не знал. Когда Медек замахнулся для удара, я сделал шпагат, и полулежа дотянулся до мяча. Медек ударил – мяч, как пригвожденный, остался на месте, а чех, перекувыркнувшись, влетел в ворота. И тогда я увидел, что Паркер тоже сделал шпагат, и мяч застрял в вершине угла, образованного нашими ногами. Такой случай одновременного шпагата мне никогда больше не приходилось видеть, Свисток судьи возвестил первую и, увы, единственную в дореволюционные годы победу «Всей Москвы» над зарубежной командой».

Свой первый международный матч сборная Москвы (игроки выступали в официальной форме МФЛ – красные фуфайки с гербом города на левой стороне груди, белые брючки и черные гетры; герб Москвы имели право носить все игроки, которые участвовали в сборных городских командах)

провела 10 октября в таком составе: голкипер – Н. Гебгард (БКС), беки – М. Ромм (СКС) и А. Паркер (БКС), хавбеки – В. Эллисон (ЗКС), Э. Чарнок (КСО) и Г. Трипп (ЗКС), форварды – Г. Уайтхэд, Г. Ньюман (автор первого международного гола московской сборной) и Ф. Джонс (все – БКС), В. Чарнок (КСО), Ф. Розанов («Мамонтовка»).

А вот как описывала этот матч пресса тех лет: «Говоря откровенно, приехавшая команда не оправдала ожиданий от заграничного класса игры. Хотя чешские футболисты и показывали комбинации, уверенность и спокойствие игры, однако им не удавалось доводить свои комбинации до положительного результата. Все их попытки овладеть московскими воротами разбивались о прекрасную, по тем временам, нашу защиту. Впрочем, и московским форвардам не удавалось сделать почти ничего. Однако в первой половине игры свидетели матча пришли в неистовый восторг от эффективного гола, забитого москвичами. Крайний левый форвард Ф. Розанов, доведя мяч почти до линии ворот противников, дает сильным ударом воздушный «шут», который на всем ходу принимает головой правый средний форвард Ньюман, который забивает таким образом поразительно красивый и эффектный гол. Игра становится все жарче и жарче. Горячее нападают иностранцы на наши ворота, стремительнее делаются их атаки, а вместе с тем и игра делается все грубее и резче. Наконец раздается финальный свисток рефери К. В. Чарнок и москвичи уходят с поля победителями с един-

ственным ньюмановским голом. Те ликования и гордость, коими были преисполнены московские спортсмены, и описать трудно... Игру значительно затруднял твердый замерзший грунт, вызывавший частые паления игроков, которые публика ошибочно приписывала грубой игре. Главная надежда чехов центр-форвард Медек почти не работал, в Петербурге ему вывихнули руку... Вечером чехов провожала за границу большая группа москвичей».

Потом «Коринтианс» покинул Россию и снова превратился в «Славию». Русским болельщикам остались сладостные воспоминания, связанные с первыми победами своих сборных. А у самих футболистов знакомство с «Коринтиансом» привело к появлению новой моды на полосатые майки и белые трусы. Очень уж им хотелось походить на зарубежных знаменитостей!

Две встречи в этом же году провела сборная Москвы со сборной Петербургской футбольной лиги. Первый матч, 12 сентября, состоявшийся на поле СКС, москвичи проиграли со счетом 0:2, выступая в таком составе: П. Кудрявцев (СКС), М. Папмель (СКС), В. Мишин (КСО), Филатов-2 (ЗКС), Г. Трипп (ЗКС), Э. Чарнок (КСО), А. Томлинсон (КСО), А. Говард (ЗКС), В. Поляков («Унион»), В. Чарнок (КСО), А. Мишин (КСО).

13 (26) сентября 1910 года «Столичная Молва» писала: «Вчера в гости к московской лиге приехала петербургская. Неприятная погода не помешала к назначенному времени

собраться в С. К. С. до 3500 человек. Петербургская лига, существуя не первый год, гораздо опытней и может выставить лучших игроков. Москва до матча потеряла крупную силу – заболел бэк Ромм (С.К.С.), единогласно признанный незаменимым; пришлось поставить запасного игрока Мишина, в общем команда вышла довольно разрозненная, отличался игрой Трип из З. К. С. Из петербуржцев выделить никого нельзя, все чрезвычайно подвижны, великолепно пассируют удары и дают сильный шот, причем последний помог им в первой половине сделать Москве 2 сухих голя. Однако на вторую Москва сыгралась и окончила игру вничью, так что Петербург ушел победителем 2:0. Рефери был Белл из З. К. С. Вечером состоялся банкет в честь приезжих; а завтра против Петербурга выступит команда в измененном составе».

Во втором матче, состоявшемся 14 (27) сентября и в котором победу со счетом 3:0 одержали москвичи, П. Кудрявцева в воротах заменил Н. Ильин («Унион»), М. Папмеля – Бэзик («Унион»), Э. Чарнока, А. Томлинсона, А. Говарда и А. Мишина – Н. Кынин (КСО), М. Филиппов, А. Филиппов и В. Житарев (все – КФС). И вновь слово корреспонденту «Столичной Молвы»: «Вчера в Сокольнический клуб спорта собралось еще больше публики, чем в воскресенье. На Москву возлагались слабые надежды, считали, что измененный состав слабее предыдущего, и Москву победят еще раз; дул сильный ветер, который много помогал Москве. Однако и атака тоже принадлежала Москве. Команда освоилась с иг-

рой Петербурга, среди ее форвардов были сыгранные бр. Филипповы. Наличие этих данных при великолепной поддержке хавбэка Трипа дала Москве возможность в первый хавтайм сделать 3 сухих голя; после перерыва игра перешла к Петербургу, ветер помогал ему, но защита Москвы оказалась на высоте своего призвания и не пропустила ни одного гола, так что матч окончился полной победой Москвы».

В резерве у сборной Москвы в 1910 году находились: Н. Макаров (КСО), В. Силуянов (КФС), А. Жилин, В. Иванов, Е. Константинович, Руд. Вантцели, Н. Горелов, А. Скорлупкин и В. Серпинский (все – СКС), Д. Белл (ЗКС).

Футболисты Москвы и Петербурга провели в 1910 году еще три встречи, но уже на уровне клубов. 26 сентября на Крестовском острове Петербурга встретились местная команда «Спорт» и московская СКС. Хозяева поля оказались сильнее и одержали победу со счетом 4:1. А 28 и 29 августа в Санкт-Петербург приезжал БКС. В первом поединке московские англичане со счетом 7:1 обыграли своих соотечественников из сборной клубов «Виктория» и «Оккервиль», а второй матч – со сборной клубов «Нева» и «Невский» завершился со счетом 1:1.

* * *

В мае 1911 года был избран новый комитет МФЛ, в который вошли представители всех без исключения клубов. От

БКС – А. В. Паркер (член) и Г. Ф. Уайтхэд (кандидат), от СКС – Р. Ф. Фульда и К. М. Нейбюргер, от КФС – А. И. Вашке и Н. И. Филиппов, от «Веги» – Флинт и Романов, от МКЛ – Б. Ф. Яроцинский и Скороходов, от КСО – Я. В. Чарнок и К. В. Чарнок, от ЗКС – Е. Р. Бейнс и И. П. Смирнов, от «Униона» – П. Ф. Миндер и А. В. Мак-Киббин. Кроме того, членами комитета стали А. П. Мусси и К. Г. Бертрам. Председателем комитета МФЛ вновь стал Мусси, а его заместителем – Фульда.

К осени 1911 года МФЛ насчитывала уже 13 членов. В этом году в Лигу были приняты: СКЛ – в лице представителей М. С. Дубинина и А. И. Булычова; Мамонтовский кружок – П. Ф. Розанов и П. П. Ордынский, кружок Шереметьево (Шереметьево) – Ф. Гольц и В. И. Грюнберг; кружок Измайлово – М. Мейер и А. Ганшин; ОЛЛС – Ф. В. Генниг. В этом году МФЛ решила принимать в свои ряды только те общества, членский взнос в которых был не менее 10 рублей для футболистов.

В этом году официально зарегистрировали свои уставы Московский кружок любителей спорта (МКЛС), Чухлинка-Шереметьевский кружок спорта (ЧШКС), Кружок спорта «Малаховка», кружок футболистов «Благуша», Богородский (Ногинский) кружок спорта «Орион» (председатель комитета – А. В. Спиридонов, капитан 1-й команды – С. Финогенов; а всего кружок выставил три команды) и спортивное общество «Хлебниково» по Савеловской ж.д.

Организаторами МКЛС (больше известного как «Спорт») стала группа спортсменов Первого русского гимнастического кружка «Сокол». Пресса по этому поводу писала: «В 1-ом РГО «Сокол» на спорт вообще, а на спортивные выступления его членов – в частности, началось возводиться форменное гонение, объясняемое яко бы самой идеей «сокольства». Тогда группа молодежи не нашла другого исхода для беспрепятственного занятия спортом, как образование собственного кружка, считая переход в уже существующие спортивные организации в данном случае недопустимым».

Площадка клуба располагалась на Петровско-Разумовском, у Соломенной сторожки по адресу: Ивановский проезд, дача Порты. Председателем комитета «Спорта» был избран А. А. Дубенский (очень скоро его сменил известный московский спортсмен Федор Иванович Морозов), заместителем – П. Н. Верпаховский (позже – Александр Петрович Комаров), секретарем – В. М. Добровский (его заменил Николай Петрович Жуков), казначеем – Федор Александрович Фальковский. Членами комитета состояли Н. М. Снитко, М. М. Овчинников, В. В. Алексеев, Н. Е. Ковалев, С. А. Лапин и У. К. Бааш.

Заведующими подвижными играми в МКЛС стали П. А. Вдовенков, Н. В. Мальцев, Э. З. Снитко, ответственным за футбол – А. С. Савостьянов. Большую помощь в организации кружка оказал спортсменам член комитета Московской лиги лаун-теннис клубов и великолепный легкоатлет Ф.

В. Генниг. Ежегодный взнос составлял 15 рублей 20 копеек для действительных членов, 10 рублей 20 копеек – для членов-посетителей и 5 рублей 20 копеек – для сезонных посетителей. Дамы и учащиеся платили по 4 рубля за сезон. Основные клубные цвета: красный-белый-красный.

«Спорт» располагал одной площадкой для лаун-тенниса, футбольным плацем и площадкой для легкой атлетики. Двухэтажное здание клуба состояло из 6 комнат. На первом этаже находились общий зал, комитетская, дамская и мужская комнаты. К 1913 году членами МКЛС состояли уже 158 человек, из них 3 – почетных, и 55 – действительных.

Чухлинка-Шереметевский кружок спорта базировался в районе дачной местности у деревни Чухлинская (в 30-е годы вошла в состав города Перово). Сегодня это железнодорожная платформа «Чухлинка» Горьковского направления МЖД, расположенная недалеко от станции Перово Казанского направления. Устав ЧШКС утвержден 4 марта 1911 года, а первым председателем кружка стал служащий Акционерного общества «Братья Белер и К^о» Гуго Федорович Энгельке, который был заместителем председателя Московского общества горнолыжного и водного спорта (Могливс), состоял членом Московского олимпийского комитета, где представлял Московское гребное общество.

Его отец – прусский подданный Федор (Фридрих) Энгельке – был купцом и содержал меблированные комнаты в доме Московского земельного банка на Мясницкой, а брат –

Федор Федорович, служил в технической конторе Торгового дома «И. М. Ауссем и К^о» на Покровке (с 1870 года фирма занималась поставками в Россию технических и железнодорожных принадлежностей известных германских производителей, в т. ч. «Грузонверк» и др.) и состоял членом гребного совета Императорского речного яхт-клуба, секретарем Московской лиги лыжебежцев и Московского олимпийского комитета.

Заместителем председателя правления ЧШКС был избран И. И. Гольц, секретарем – И. П. Павлов, казначеем – В. И. Грюнберг. Клубные цвета: белая фуфайка с синими и красными поперечными полосами. Членский взнос для действительных членов составлял 5 рублей, а для членов-соревнователей – 2 рубля 50 копеек.

Кружок спорта «Малаховка» располагался в дачной местности по Казанской ж.д. Его учредителями стали 22 члена, а первым председателем комитета был избран П. Ф. Миндер, занимающий аналогичную должность в «Унионе», а в Малаховке имевший собственную дачу. Его заместителем стал П. Р. Бек, казначеем – В. Г. Менцингер, секретарем – И. А. Засорин, членами комитета – М. Ф. Бауэр и Н. В. Ильин, кандидатами – С. В. Стрелков, С. М. Толокнов, А. О. Кан, Д. П. и В. П. Матрины, Л. С. Смирнов, Н. Г. Горелов, Б. С. Антропов, А. П. Миндер, Е. П. Виноградов, А. С. Гейштор.

Размер членских взносов определили 5 рублей для действительных членов и 3 рубля – для посетителей. капита-

ном первой команды избрали вратаря «Униона» и местного дачника Н. Ильина, вице-капитаном – его одноклубника В. Миндера. Вскоре П. Ф. Миндер был избран почетным членом «Малаховки», а председательское место занял знакомый нам М. Ф. Бауэр, заместителем которого стал Ф. Л. Казалет.

Официальное открытие кружка состоялось 12 июня 1911 года. В составе «Малаховки» в «дачный» сезон играли: Н. Ильин, В. Миндер, Ф. Миндер, И. Рипп, Иванов, К. Ильин, П. Эннерс, А. Жаров, Л. Смирнов, Н. Горелов, А. Миндер, А. Каширин, Б. Антропов и др.

3 октября 1911 года был утвержден Устав Сходненского спортивного кружка. Инициаторами его создания стали братья Андреевы, Подрезковы, Шабаровы, Фирсовы, Б. А. Иванов и Г. В. Фестер. Еще осенью 1910 года они начали играть на поле деревни Морщихина. У местных крестьян за 20 рублей была снята удобно расположенная десятина земли. Заплатив еще 33 рубля за корчевку и выравнивание почвы, удалось сделать вполне приличное футбольное поле.

В разработке устава «Сходни» и проведении его в жизнь активное участие приняли: княгиня София Владимировна Куракина (она пожертвовала кружку 300 рублей), князь Федор Алексеевич Куракин (его взнос составил 200 рублей), рефери МФЛ Герман Васильевич Фестер, заместитель председателя Московской лиги лаун-теннис клубов, потомственный почетный гражданин и житель сходненского имения «Высокое» Николай Федорович Гартунг (он был избран

председателем правления), Владимир Тимофеевич Подрезков, Тимофей Алексеевич Подрезков (казначей; кстати, в московской литографии Т. А. Подрезкова были отпечатаны уставы и отчеты многих спортивных кружков, а также устав МФЛ), Николай Львович Беляев, Алексей Павлович Гучков и Лев Васильевич Кютнер. Размер членского взноса для действительных членов составлял 10 рублей, для членов-посетителей – 7, для учащихся – 5. Клубные цвета – розовый и желтый.

Секретарем правления Сходненского кружка стал Е. П. Малинин, членами комитета – братья Роберт Эрнестович и Борис Эрнестович Гозь (члены Московского общества любителей лаун-тенниса). В спортивную комиссию входили Федор Львович Лаш, Александр Саватьевич Евлампиев, Владимир Тимофеевич Подрезков и Георгий Викторович Мартынов (пожизненный член). Г. В. Мартынов был одним из лучших теннисистов Москвы (часто выступал в паре с братом Дмитрием), победителем многих соревнований. А его отец – статский советник Виктор Николаевич Мартынов, был камергером Двора Его Императорского Величества.

Вскоре сходненские спортсмены за 3700 рублей купили у наследников Х. С. Леденцова участок земли общей площадью 4356 квадратных саженей, и за несколько месяцев умудрились устроить на месте девственного леса идеально спланированное, засеянное травой сухое футбольное поле размером 45×30 саженей, две площадки для лаун-тенниса и круж-

ковый павильон. Именно Сходненский кружок объединил в 1912 году почти все кружки по Николаевской ж.д. и представил всем желающим возможность розыгрыша своего Кубка, пожертвованного пожизненным членом кружка Н. Л. Беляевым. Интересно, что этот кубок выдавался лишь обществам, имевшим официально зарегистрированный устав.

Первые два года за «Сходню» выступали: Н. Подрезков, Ф. Березкин, Б. Дамман, В. Веденеев, Н. Тарабрин (вице-капитан 1-й команды), А. Тарабрин, Ф. Лаш (капитан 1-й команды), В. Лаш, С. Шабаров, Г. Шабаров, А. Шабаров, В. Подрезков (вице-капитан 2-й команды), Б. Подрезков, Б. Иванов, И. Андреев, П. Андреев, А. Евлампиев, Г. Фестер (капитан 2-й команды), Л. Граковский, В. Дукальский, Ф. Тумский, И. Сушкин, М. Счастнев, Н. Горбунов, А. Лабутин, Н. Степанов, В. Фирсов, М. Холдин, Р. Казалет, К. Казалет.

«Звездами» этой команды были братья Лаш, перешедшие вскоре в «Унион». Судьба их сложилась трагически. Старший из них – военный инженер Федор Львович (Теодор Людвигович) Лаш – после революции был доцентом Военно-инженерной академии им. Куйбышева, а в 1938 году был обвинен в участии в офицерско-монархической террористической организации и расстрелян.

Владимир Львович долгие годы играл в футбол и хоккей за «Унион», «Яхт-клуб Райкомвода», «Сахарников», ОППВ, ЦДКА, сборные Москвы и России, потом был тренером и судьей. В. Л. Лаш – один из пионеров хоккея с шайбой, участ-

ник ВОВ. В 1947 году был расстрелян. Владимир Лаш вошел в историю сборной России по футболу, как первый игрок, удаленный с поля. Случилось это в 1914 году, в матче с командой Норвегии. Интересно, что членами Сходненского кружка были и отец, и мать, и сестра легендарных футболистов – Людвиг Христианович, Мария Зигфридовна и Анна Львовна Лаш.

28 мая 1911 года утверждается Устав спортивного кружка «Пост 20-я верста» (Московско-Казанская ж.д.). Его учредителями стали сын провизора Павел Павлович Пучков, воскресенский мещанин Гавриил Гавриилович Оболенский и крестьянин Московской губернии Рузского уезда Степан Ермолович Андреев. Первым председателем кружка стал потомственный почетный гражданин Алексей Трифионович Костечков, которого позже сменил П. П. Пучков. «20-я верста» располагала одним из лучших в лиге футбольным полем, полностью оборудованном и для легкой атлетики, и для гимнастики, и также тремя кортами для лаун-тенниса.

В конце года начала подготовку к регистрации устава и еще одна новая спортивная организация – «Клубъ-спортъ Эмъ-Эмъ» (ММ), действительными членами которой могли быть только служащие у Мюра и Мерилиза. Во главе клуба встал Ф. Л. Казалет, заместителем председателя правления был избран В. И. Хозанский, казначеем – Н. А. Гюбиев, секретарем – Ф. К. Вольф, членами комитета – Р. В. Казалет, П. К. Константинов и К. Ф. Тамман. Обосновался «ММ» на

земле Гоппера, во временном помещении ЗКС.

В розыгрыше Кубка Фульда для первых команд победу вновь праздновали футболисты КСО. Команда одержала 7 побед, одну встречу проиграла и 2 завершила ничейным результатом. Было набрано 15 очков, 47 мячей забито и только 14 пропущено. Второе место заняли спортсмены ЗКС, отстав от победителя всего на одно очко (6 побед, 2 ничьи и 2 поражения, разница мячей: 40–18, в т. ч. 27 мячей на счету Вал. Сысоева), а третье – футболисты КФС (11 очков, 5 побед, 1 ничья и 4 поражения, мяч: 31–19). Последующие места заняли «Унион» (10 очков) и потерявший многих игроков СКС (9 очков). На последнем месте в соревнованиях старшей группы обосновались с цифрой «0» в графе набранных очков футболисты МКЛ, умудрившиеся пропустить в свои ворота 79 (!) мячей, забив при этом всего 8.

В турнире 2-х команд (Кубок Вашке) победителями стали футболисты команды «Унион-2», а в турнире 3-х команд (Кубок Миндера) – ЗКС-3. Соревнования команд класса «Б» (Кубок Мусси) выиграли футболисты из Новогиреево, сумевшие обойти коллективы СКЛ, ОЛЛС, «Вега», ИКС и ЧШКС.

В чемпионском составе КСО и в резервной команде «морозовцев» выступали: Р. Гринвуд, Н. Макаров, Н. Бухаринский, А. Бледнов, П. Маслов, Э. Чарнок, Ч. Нуталь, М. Уотсон, А. Акимов, С. Маслов, С. Дикин, братья Кынины и Мишины, А. Томлинсон, М. Савинцев,

П. Чичварин, В. Чарнок, Я. Чарнок, И. Новлянский, Горн, Э. Томас, И. Иванов, Рыбкин, О. Хаваев, Б. Иванов, Самсонов, Сазонов, Самагулов, Тарасов, Ильин.

В составе вице-чемпионов Москвы из ЗКС играли (все команды): О. Грунди, Г. Эдж, Б. Николаев, В. Эллиссон, Г. Трипп (капитан 1-й команды), братья Филатовы и Сысоевы, А. Говард, В. Житарев, Томас, И. Воздвиженский, Р. Казалет, Л. Золкин, К. Казалет, Остарев, Э. Тилль, Страканов, С. Гладышев (капитан 2-й команды), С. Кукуев, Д. Белл (вскоре закончил играть и стал только судить), С. Логинов, П. Кумец, В. Спроге, С. Бабыкин, М. Алленов, В. Васильев, М. Мартынов, Н. Закатов, Галкин, П. Прокофьев, В. Бутин, М. Утенков, В. Бусыгин, В. П. Виноградов (СКС), С. Зубарев, С. Скворцов, В. Гордон, А. Карманов, В. Колчев, Белов-1, И. Семенов, Волков, Иванов, Л. И. Петри.

Генри Джозеф (Андрей Осипович) Эдж родился в 1891 году и учился в одной из московских гимназий. Он состоял членом ЗКС, а был играющим тренером Гусевского клуба спорта, что во Владимирской губернии. Здесь, в фабричном поселке Гусь (сегодня – город Гусь-Хрустальный) главным фабричным механиком работал его отец – выходец из Болтона Джозеф Эдж, организатор первой футбольной команды Гуся.

За третьего призера, команду **КФС**, выступали: А. Мартынов (ЗКС), Лопухов («Вега»), Н. Савостьянов («Вега»), А. Вашке, Н. Попов, А. Макаревский, А.

Филиппов, С. Филиппов, М. Филиппов, Н. Петров, М. Варенцов («Вега»), Житков (СКЛ), Орлов, Н. Слепнев, Зейферт, Бланк-1, Бланк-2, Ф. Якоби, Якоби-2, Степанов, В. Скворцов, Кишкин.

А вот, в каких составах играли другие участники турнира:

СКС: В. Виноградов (осенью вернулся из ЗКС), Н. Васильев, Л. Фаворский, А. Парфенов, С. Парфенов, М. Ромм, А. Жилин, В. Иванов, Е. Константинович, М. Папмель, В. Серпинский, А. Скорлупкин, В. Соколов, М. Смирнов, А. Евангулов, А. Васильев, П. Эннерс, М. Чернышев, Вебер, Ф. Арманд, Н. Ермаков, Коробов, братья Степановы, Федосеев.

«Унион»: Н. Ильин, Д. Матрин, И. Таманцов; В. Миндер, Б. Зейдель, И. Рипп, Н. Калмыков, В. Зейдель, Л. Смирнов, М. Китрих, Курехин, Б. Манин, Н. Горелов, А. Миндер, О. Гольден, В. Дальский, А. Мак-Киббин, К. Ильин, Н. Александров, Тарабрин, В. Лаш, Ф. Лаш, А. Тамман, Б. Цабель, А. Потерякин, И. Кожин, Г. Пуш, Стрелков, Веденеев, А. Демидецкий-Демидович, Киммельдельд, Б. Антропов, А. Ан тропов, В. Калиш (СКС), А. Постнов, Томас, В. Поляков.

МКЛ: К. Бертрам, Ф. фон-Римшиа, И. Веселов (ЗКС), А. Леви, Ильин, Сазонов, Горожанкин, Веселов-2, Ан. Васильев, Серебряков, Сизов, М. Дежин, Б. Котов.

В составах команд класса «Б» выступали: **«Новогиреево»:** Ярусов, Волосатов, Ф. Гольц, Фосс, Ознобишин, Фендт 1 и 2, Шнейдер, Вильгейн, Ауэр, Камарницкий, Зальшикин-1, Шиман, Горгес, Токарев,

Шагурин.

СКЛ: Гончаров, И. Воронцов, А. Тяпкин, В. Скворцов, В. Горшков, А. Немухин, К. Шмидт, И. Захаров, Н. Чинилин, И. Чинилин, С. Агапов, Гришин, Николаев.

ОЛЛС: Якоби, Гаммонд, А. Буховцев (СКЛ), Томсен, Фивейский, Г. Шафоростов, В. Стро га нов, Кынников (Пыльников), Постнов, Фаворский-2, Четвериковы 1 и 2, Кнаген, Горский, Каратаев, И. Лебедев, П. Никифоров, Литовкин, братья Чинилины, Тихомиров.

«Вега»: Кинель, Л. Варенцов, Головин, К. Шмаков, Романов, Зверев, братья Хлебниковы и Хлудовы, Александров, Иванов, Н. Битт, Голубов, Постников, Никонов, Розанов, Евтихеев, Маклин

ИКС: Матвеев, Невезжин, Дудеров, Б. Иванов, Ботягов, Михайловы 1 и 2, Н. Денисов, Федосеев, Широков, Чешихин.

ЧШКС («Шереметево»): Мишин, Иваненков, Арндт, Григорьев, Голубев, Замятин, Леонтьев, братья Девятовы 1, 2 и 3, Дружинин, Зызин, Волосатов, Свифт, Буянов, Белоусов.

* * *

В середине апреля 1911 года сборная Москвы трижды встречалась со сборной Берлина, и все матчи проиграла (0:6, 3:6 и 2:4). Немцы, у которых сезон только завершился, находились к этому времени в отличной форме, а наши футбо-

листы по существу не провели в этом сезоне еще ни одной тренировки. Русский футбол еще не пользовался таким международным авторитетом, чтобы диктовать зарубежным командам сроки встреч и с этим приходилось мириться. К слову, сам сезон в Москве складывался в те годы весьма своеобразно: он начинался весенним первенством в один круг, после которого игроки разъезжались по дачам отдыхать, одновременно «гастролируя» в местных футбольных командах. Все лето разыгрывалось первенство подмосковных железных дорог. В них команды выступали не в клубных, а так сказать, в территориальных составах. Почти все хорошие игроки Московской футбольной лиги принимали участие в соревнованиях дачных лиг. Наиболее сильной по составу была лига по Казанской железной дороге, где в первое время лидерство прочно удерживала команда «Быково».

В середине августа начиналось основное соревнование сезона – осеннее первенство Москвы. Оно продолжалось два – два с половиной месяца, после чего «бутсы смазывались жиром, заворачивались в бумагу или тряпку и клались в шкаф до будущей весны». Такая нелепая структура сезона, отнюдь не способствовавшая прогрессу футбола, вызывалась необходимостью: нельзя же было проводить первенство Москвы летом, когда учащиеся, основной костяк клубных команд, разъезжались по дачам! Только ЗКС и КФС, большую часть игроков которых составляли мелкие служащие и рабочие, играли летом товарищеские встречи в Москве или в приле-

гающих дачных местах.

Однако вернемся в апрельскую Москву 1911 года на матчи Москва – Берлин. Вот что рассказывает о встречах с немецкой командой Ежегодник 1912 года: «Рано пришла весна 1911 года и рано приветствовали ее футболисты. Но с весной наступает и пора экзаменов для учащихся, из которых, главным образом, и составлен контингент московских футболистов. Вследствие этого ни одна весна не дает правильных тренировок, вследствие этого большинство команд в весенний сезон бывает разрозненными и большинство футболистов нетренированными. Вот в эту-то пору и приехали к нам «берлинцы», произведшие коренной переворот в нашей игре, как с тактической, так и с технической стороны, «берлинцы», которые заставили забыть наших прежних фаворитов и возвести на пьедестал славы новых, наконец, те «берлинцы», которые разбили в прах наши теории игры, или вернее те, которые заставили нас, не имевших никаких теорий игры, приобрести их. Одним словом, приезд команды из Берлина сделал то, что вся история московского футбола с тактической стороны разбилась на два основных периода – «доберлинский» и «после берлинский».

До сего времени московские футболисты придерживались «ударной» тактики игры. У нас в мяч почти не играли, а лишь «водили» его и били по нему. Чем был у нас в «доберлинский» период хавбек? Просто игрок по необходимости заполняющий место. Хавбеки с успехом могли заменять то-

гдашних беков, ибо тактика игры тех и других почти ничем не отличалась. И бек и хавбек били по мячу не заботясь о направлении его. Бек мог играть хавбека, хавбек мог играть бека. Собственно, новейшая тактика игры как раз и стремится к такому сходству этих двух назначений, но разница, и притом имеющая громадное значение, заключается в том, что теперь бек по своей игре приближается к хавбеку, а последний к форварду, а раньше наоборот, хавбек был близок к беку, причем совершенно игнорировал свойствами передового. После пребывания «берлинцев» в Москве, куда делались восхищающие всех высокие удары беков? Куда исчезла единственная разница между беком и хавбеком в том, что бек – это дальнострельное орудие, а хавбек – скорострелка? Под каким спудом теперь лежит прежнее определение игры форварда: «хорошо водит – хорошо играет» и прежний лозунг «сам за себя»? Все это отняли у нас «берлинцы» и похоронили на века. На дорогу вышел новый, еще до сих пор полностью не сформировавшийся, лишь завоевывающий свои права «осмысленный» футбол...

Поле СКС 13, 17 апреля служило сборищем впервые виденного в Москве многотысячного количества публики. Конечно, 5000 платных зрителей за границей ничтожное количество, но в России эта цифра поразила всех. 13 апреля против «берлинцев» выступала «сборная русская» команда. Оба хавтайма дали одинаковый результат – 3:0 в пользу иностранцев. 15 апреля выступала «надежда» москвичей

– «сборная английская». Проиграв в первой половине игры 0:3, англичане, в оставшиеся 45 минут сумели на каждый берлинский гол ответить своим (3:3). Показав результат проигрыша (3:6) лучше предыдущего, «английская сборная» была награждена несмолкаемыми овациями московских патриотов. Еще больший успех выпал на долю «команды из лучших московских игроков», выступавшей против «берлинцев» 17 апреля. Опять ничья второго хавтайма (2:2) не помогла москвичам спастись от поражения (4:2), но маленькая разница в счете (2 гола) позволила москвичам надеяться на славное будущее и уже более положительные и отрадные результаты следующих предполагаемых международных матчей».

А вот, как освещала эти поединки московская пресса. 14 (27) апреля газета «Утро России» пишет: «Вчера на поле Сокольнического клуба спорта происходил матч между приехавшими берлинцами и сборной русской командой Москвы; хмурившаяся погода не помешала публике собраться в очень большом количестве. У берлинцев красивая лиловая форма с гербом Берлина на груди. Наша команда была в цветах хозяев поля.

Рефери А. Н. Шульц дает свисток, и игра начинается. Несколько минут дают возможность определить характер игры гостей; прежде всего, поражают их хладнокровие и расчетливость – ни один удар не пропадает даром; безукоризненная дисциплинированность команды: в любой момент

каждый игрок на своем месте, все приемы построены исключительно на технике, на умении пассивировать удар и брать мячи налету; много мешало берлинцам отсутствие травы, они часто спотыкались. Выделить у них игроков нельзя, все играли ровно; о нападении говорят голы, забитые русским, а о защите – отсутствие таковых у гостей. Их защита, работая почти заодно с форвардами, быстро прекращала всякую попытку русских к атаке; у последних хорошо работала защита и в особенности голкипер Ильин, которому почти ежеминутно приходилось отражать удары.

В первой половине игры первый гол забил Мюллер – центрфорвард, на 9 минуте эффектным шутком головой, второй сделал Дроц на 15 минуте, а на 25-й минуте берлинский центр-хав-бек Лютценбергер забил штрафной гол, данный за «hands» Мишина; таким образом, Берлин закончил первый хав-тайм 3:0 в свою пользу. Во второй половине первый гол забит был совсем неожиданно на третьей минуте; второй и третий на 17 и 31 минуте забил Фойгт; с результатом 6:0 Берлин вышел в первый день победителем. Завтра им придется встретиться с сборной английской командой, где как раз центр тяжести находится в нападении, что изменит конечно картину матча. На последний матч 17 апреля, как рефери, приезжает секретарь петербургской футбольной лиги Г. А. Дюперрон, с приездом которого выяснится окончательно вопрос о Всероссийском футбольном союзе. В заключение нельзя не отметить распорядительности Сокольническо-

го клуба спорта: порядок на матче был образцовый».

После второго матча эта же газета писала: «На вторую газетную берлинских игроков собралось более трех тысяч зрителей. На этот раз гости получили противником сборную английскую команду, состоявшую, впрочем, почти целиком из Британского клуба спорта. Насколько берлинцы успели приспособиться к полю, тренироваться, настолько английская команда была разрознена и нестренирована; не было солидарности в работе форвардов; отсутствовала та энергия и смелость, с которой англичане обыкновенно играют против московских игроков.

Их приемы ступались совершенно перед техникой берлинцев, которые, увидев, что на этот раз противник значительно сильнее, играли более осмотрительно и в совершенстве передавали друг другу мяч. В особенности обратила на себя внимание их манера делать исключительно короткий пас; отсутствуют эффектные шуты; беки спокойно стоят на своих местах и хладнокровно, не волнуясь, катая мяч по земле, отбивают удары. У англичан, к тому же, неудачный голкипер – новый игрок Рональдсон.

Все время игра принадлежала Берлину. Берлинцы выходили из любого положения и в любой момент. Хавбек Крюгер, упав с противником на землю, все-таки дал направление мячу; голкипер, упав с мячом, несмотря на то, что на него налетели несколько форвардов, не выпустил его до конца... Отношение «corner» в первой половине было в пользу Бер-

лина 6:3; результатом 3:0 в пользу Берлина окончилась первая половина игры. Во втором хавтайме на 15-й минуте английскому форварду Ньюману удалось прорваться и забить Берлину первый гол; этим налетам не было конца; игра ожилилась; Берлин усиленно начал атаковать, и через три минуты ответил Москве голом; затем на 25 минуте забивает гол Дроц, на 30-й – Фойт, но на последних минутах англичане делают усилие и почти подряд Уайтхед и Ньюман забивают по голу, так что игра во второй половине окончилась вничью, а матч в целом 6:3 в пользу Берлина.

Вечером в честь гостей состоялся банкет; гости остались чрезвычайно довольны оказанным им лигой приемом, осмотрели все московские достопримечательности. Завтра им предстоит встреча с командой, скомбинированной из лучших игроков последних двух матчей. Москве будет трудно отыграться, имея 3 гола против общих 12-ти берлинцев».

Участник этих встреч М. Ромм вспоминал: «Итак, 13 апреля 1911 года на поле СКС вышли сборные команды Москвы и Берлина. Не без удивления и не без некоторой иронии поглядывали мы на центрального нападающего немцев Мюллера: неужели этот толстяк, эта семипудовая туша сумеет выдержать напряженный темп футбольного матча? Однако Мюллер оказался своего рода феноменом. Он был достаточно быстр и вынослив, а остановить его или хотя бы заставить уклониться в сторону оказалось невозможным. В течение всей игры он давил меня своими семью пудами, а

при борьбе за высокие мячи просто отодвигал плечом. Немцы показали отличную, красивую, корректную игру. Хороша была вся линия полузащиты, особенно правый полузащитник Крюгер, капитан команды. Нам, впервые вышедшим на поле после зимнего перерыва, нечего было противопоставить тренированной, хорошо сыгранной классной команде Берлина...

17 апреля берлинцы выступали в третий раз. Против них играла сборная команда, составленная из сильнейших московских игроков – русских и англичан. К сожалению, не играл левый защитник Артур Паркер. Судить встречу приехал из Петербурга Дюперрон, один из ведущих дореволюционных спортивных деятелей и журналистов. Однако как судья, он – малоподвижный и близорукий – оставлял, мягко говоря, желать лучшего. Встреча протекала в упорной борьбе. Берлинцы атаковали краями. Их крайние нападающие, великолепно сыгранные со своими полусредними и крайними полузащитниками, прорывались к нашей лицевой линии и посылали оттуда навесные мячи. Мюллер, которого не мог сдержать даже цепкий Трипп, вырастал перед нашими воротами огромной глыбой и старался забить гол головой. Много хлопот доставлял мне «мой» полусредний Фойгт, подвижный, с быстрой и точной обработкой мяча. И все же встреча могла окончиться вничью, если бы не грубые ошибки Дюперрона.

В первом тайме при счете 1:0 в пользу берлинцев Фойгт, принимая передачу, придержал мяч рукой. Дюперрон стоял

рядом и, казалось, не мог этого не видеть. Нарушение правил было настолько явным, что все игроки остановились в ожидании свистка. Но свистка не было. Фойгт дал мячу упасть на землю и с полулета забил второй гол. После перерыва сборная Москвы усилила натиск. Вскоре Ньюман, а затем Джонс забили по голу, и счет сравнялся. Но в конце тайма Мюллер снова вывел свою команду вперед. Немцы вели 3:2. Шли последние минуты встречи. Вырвался Фойгт и устремился с мячом к нашим воротам. Я шел за ним, отстав на полшага. Когда он замахнулся, я догнал его и выбил мяч за боковую линию. Фойгт споткнулся о мою ногу и ничком упал на землю. Дюперрон дал одиннадцатиметровый. Берлинцы забили. Соревнование окончилось со счетом 4:2 в пользу гостей. После финального свистка мы окружили Дюперрона, и под нашим эскортом он под свист и улюлюкание зрителей скрылся в раздевалке. Правильно ли было решение Дюперрона? Может ли чистый удар по мячу, нанесенный сбоку, считаться подножкой? Вряд ли...».

Последнюю свою игру с немецкой командой сборная «Вся Москва» (за этим матчем наблюдали 6 тысяч зрителей) провела в таком составе: Н. Ильин («Унион»), М. Ромм (СКС), Данн (БКС), В. Эллиссон (БКС, ЗКС) и Г. Трипп (ЗКС), Вевелл (БКС, «Мамонтовка»), Г. Уайтхэд, Г. Ньюман и Э. Томас (все – БКС), Сандерс (БКС, «Мамонтовка»), Л. Смирнов («Унион»). В первых матчах кроме того играли: В. Мишин, Н. Кынин и Э. Чарнок (все – КСО), В. Иванов, М. Смирнов,

В. Серпинский, А. Скорлупкин и В. Виноградов (все – СКС), Филатов-2 (ЗКС), А. Филиппов и М. Филиппов (КФС), Д. Белл, Д. Ланн, Рональдсон и Ф. Джонс (все – БКС). Составы команд определялись собранием капитанов московских клубов.

И еще об одном важном международном событии 1911 года. В этом году в России была предпринята первая попытка создания футбольной сборной команды из представителей нескольких городов, в частности, Санкт-Петербурга и Москвы. Поводом к этому стал приезд в Санкт-Петербург очень сильной футбольной команды с Британских островов под названием «English Wanderers». Целью визита «настоящих» англичан в Россию была подготовка к предстоящим Олимпийским играм в Стокгольме. Для этого в турне по европейским странам и отправилась сборная команда из лучших игроков-любителей, выступавшая под девизом «Английские странники». Были запланированы три встречи: 20, 21 и 22 августа.

Прибытие англичан, конечно же, не обошли молчанием местные газеты. «Петербургский листок» писал: «Эта команда почти в том же составе, какой приехала к нам, победоносно прошла почти по всей Европе. Теперь является интересный вопрос: какие результаты даст матч с Россией, принимая во внимание, что в сегодняшнем матче будет играть команда, составленная из русских англичан С.-Петербурга и Москвы? Голкипером будет Шарплъс (Спб), беками: Пар-

кер (Москва) и Буккенен (Спб), хавбеками: Тод (Спб), Станфорд (Спб) и Монро (Спб), форварды: Лунн (Москва), Ньюман (Москва), Джонс (Москва), Чарнок (Москва) и Коффрайт (Спб). Рефери назначен г. Гартлей (Спб). Начало матча в 5 ч. 15 м. вечера».

Гости приехали ровно на три дня и все эти дни посвятили футболу, встречаясь с различными командами. Первый матч они провели со сборной своих соотечественников. Петербургские англичане, видимо не слишком надеясь на свои силы, кликнули на подмогу москвичей из «Британского клуба спорта». Те охотно прислали игроков, большинство из которых были форвардами. В связи с этим в команде сделали целый ряд перестановок, и получилось так, что петербургские англичане, уступив места в нападении москвичам, сами стали выступать на непривычных ролях в обороне. Но больше всего поразились зрители, когда увидели вратаря. На эту должность отрядили защитника Шарплъса, больше известного в спортивном мире под кличкой Душитель. Чем было вызвано такое решение – сказать трудно, но выбор был сделан явно неудачно. Пресса писала:

«Еще задолго до начала игры на поле стала собираться публика, и к пяти часам дня все трибуны были переполнены. Много англичан. В публике оживленный разговор о предстоящей игре. Никто не говорит о возможности выигрыша матча русскими, а только о том, при каких результатах будет побита Россия. Массами держатся пари за количество вбитых

русским голей. Наконец, на поле появляются одна за другой команды. Первыми вступают знаменитые англичане. Все они в одинаковых белых рубашках, имея на левой стороне груди знак – три льва. Англичане-футболисты поражают своими сухими формами и недюжинной силой, они сейчас же берутся за мяч, чтобы размять свои ноги; к ним присоединяются и русские-англичане в красных фуфайках. В это время в специально устроенной ложе появляются принц Коннаутский в сопровождении адъютанта капитана Бонгама и председателя комитета футбол-лиги А. Д. Макферсона. Сейчас же по свистку рефери начинается игра.

Несколько сильных ударов, две-три передачи, и мяч уже у ворот русских-англичан. Беки быстро отбивают мяч, передав своим форвардам, но у тех, не дав довести даже до центра, принимают мяч англичане, подводят его близко к голям и сильным головным ударом вбивают первый гол. С этого момента голи начинают сыпаться, как из рога изобилия, и в течение первых десяти минут Россия получает четыре голя, причем второй гол был вбит с penalti-kick. Представители России ошеломлены невероятно развитой у противников техникой игры, мастерской «передачей», как ногами, так и головой и планировкой игры. Количество играющих с обеих сторон одинаково, но, благодаря распланировке игроков Англии треугольником, казалось, что на каждого русского приходится по два англичанина. Если ко всему этому прибавить колоссальную быстроту бега и свойственное англича-

нам спокойствие, то ошеломление русских будет весьма понятным.

До хавтайма Россия, не вбив ни одного гола, получила 7, причем три из них были вбиты головой. После перемены местами русские на время взяли перевес, причем особенно старательно играли Монро и Станфорд, однажды даже прорвали линию английских хавбеков и беков, подвели мяч к голям, но здесь стоял мировой футболист Бребнер, который спокойным ударом перебросил мяч к своим форвардам, неподвижно стоявшим у центра, в то время как хавбеки и беки бросились за русскими. Форварды приняли мяч и провели такую сильную атаку, что через несколько минут русские футболисты были, что называется «конченными» и англичане без труда вбили один за другим еще 7 голей, причем восьмой был зачтен за «off-side». Судя по вчерашней игре некоторых отдельных русских футболистов, результаты этого матча могли быть менее плачевными, если бы не наблюдалось в общей игре такой растерянности, абсолютного отсутствия какого бы то ни было плана игры и был бы голкипер более подвижный, чем г. Шарплъс».

Итак, после того, как «странники» столь бесцеремонно обошлись со своими земляками, было решено на следующий день, 21 августа (3 сентября по новому стилю), выставить против них англо-русскую команду. Историк российского футбола В. Фалин писал, что в состав вошли пять игроков из русских клубов Петербурга, три англичанина из столицы и

три из Москвы. Полностью состав нашей команды выглядел так: голкипер Петр Борейша, беки Артур Паркер, Иван Абрамов, хавбеки Александр Монро, Эдуард Станфорд и Никита Хромов; форварды Александр Иванов, Михаил Соловьев, Ф. Джонс, Вильям Чарнок и Г. О. Пельтенбург. Такой состав игроков дал некоторым газетчикам повод именовать петербургскую команду чуть ли не российской сборной. Матч этот завершился со счетом 7:0 в пользу англичан.

На третий, заключительный матч, состоявшийся 22 августа целиком выставили русскую сборную – десять футболистов Петербурга и один москвич – Михаил Ромм. Фактически, это был дебют национальной сборной России. Однако в официальный реестр ФИФА эта игра не внесена, так как Россия тогда еще не состояла членом этой организации. Вот состав нашей команды: П. Нагорский, П. Соколов, М. Ромм (его назначили капитаном команды), Н. Хромов, А. Уверский (в начале второго тайма из-за травмы он покинул поле и наша команда играла в меньшинстве), А. Штиглиц, И. Егоров, П. Сорокин, Г. Никитин, Е. Лапшин, С. Филиппов. Но надежды на чисто русскую сборную, увы, тоже не оправдались – матч завершился со счетом 11:0 в пользу гостей. Плачевный результат. А 23 августа «Странники» уехали домой, оставив на память недавним соперникам маленькие значки с изображением трех львов на белом щите – эмблему британской сборной.

Четыре встречи провели московские футболисты в этом году с клубами Санкт-Петербурга. 8 мая «Унион» со счетом 1:2 проиграл на своем поле «Нарве». В конце августа в Москву должна была приехать сборная Петербурга, но приехала команда «Спорт». Чемпион столицы впервые посетил Москву, до этого московские клубы сами ездили в Санкт-Петербург. В первый день турне, 27 августа, «Спорт» разгромил вторую сборную Москвы во главе с капитаном М. Папмелем и вратарем Фаворским со счетом 6:2. 28 августа с гостями играла «Мамонтовка», а за матчем наблюдали 5 тысяч зрителей. Состав подмосковной команды был таким: Парусников, П. Розанов, С. Никольский, Сандерс, Б. Никольский, В. Мухин, С. Мухин, А. Мухин, Константинович, Ф. Розанов, Вевель. «Мамонтовка» играла все лето почти в одном и том же составе и, отличаясь классом игры среди московских команд, явилась, вследствие своей тренированности, серьезнейшим противником. Ведя в счете 3:1 (в этой игре подтвердилась правота москвичей – при точных пасах стиль длинных передач оказался жизнеспособней), на 24-й минуте второго хав-тайма мамонтовцы покинули поле, сославшись на грубую игру соперника.

А дело было так. В одном из игровых эпизодов у ворот гостей нападающий «Мамонтовки» Сандерс столкнулся с пе-

тербуржским игроком и упал, вывихнув руку и повредив ногу. Его унесли в павильон. При этом часть игроков «Мамонтовки» сразу же демонстративно ушла с поля, другие, немного повременив, тоже последовали их примеру. Гости остались на поле в гордом одиночестве.

По одной из версий, покинуть поле некоторых игроков «Мамонтовки» заставили их родители, наблюдавшие за ходом встречи с трибун. Гнев мамонтовцев усугубился поведением судьи – он назначил штрафной в сторону москвичей. Был ли арбитр и в самом деле необъективен, или так лишь показалось раздосадованным игрокам, сказать трудно, но команда на поле так и не появилась. Дежурный врач быстро вправил пострадавшему вывихнутую руку и забинтовал ее. Лежащий на носилках Сандерс призывал товарищей продолжить игру, но те были непреклонны. Не помогли ни уговоры официальных лиц МФЛ, ни уверения рефери А. Н. Шульца и лейнсманов Белла и Ромма в том, что падение Сандерса было случайным – мамонтовцы продолжать матч не стали. Оставшееся время за хозяев поля играла команда, быстро собранная из присутствовавших на матче московских футболистов.

На своем заседании комитет МФЛ постановил «считать «Мамонтовку» проигравшей этот матч и нарушившей спортивную этику». Взаимоотношения «Мамонтовки» с МФЛ вновь надолго испортились.

На следующий день против «Спорта» на поле СКС высту-

пила сборная МФЛ и одержала победу со счетом 2:1. Москвичи провели встречу таким составом: Ильин («Унион») – Ромм и Парфенов (оба СКС) – Филатов-2, Трипп и Эллисон (все – ЗКС) – Филиппов-3 (КФС), А. Евангулов (СКС), Филиппов-2 и М. Варенцов (КФС), Житарев (ЗКС).

В ноябре состоялись два матча, сборы от которых были направлены в пользу голодающих. 13 ноября сборная Москвы сыграла вничью (1:1) с командой ЗКС. В составе сборной команды играли: Л. Фаворский (СКС), М. Ромм (СКС), Ф. Розанов («Мамонтовка»), М. Папмель (СКС), Б. Зейдель и И. Рипп («Унион»), П. Розанов и Никольский-2 («Мамонтовка»), Л. Смирнов и Дальский («Унион»), М. Смирнов (СКС). В запасе был А. Мухин («Мамонтовка»). В тот же день футболисты БКС со счетом 4:1 обыграли футболистов КФС.

2 октября «Унион» выезжал в Тверь, где обыграл сборную города со счетом 8:2, а через неделю уже сборная Твери приехала в Москву, где сыграла с СКС вничью – 5:5. Два матча провел в Москве питерский «Унитас». 22 октября гости сыграли вничью с КСО (3:3), а позже уступили со счетом 1:4 ЗКС. Ворота замоскворецкого клуба защищал опытный В. П. Виноградов, а все 4 мяча забил Вал. Сысоев.

Поздней осенью 1911 года, после завершения чемпионата Москвы, «Унион» предложил Одесской футбольной лиге сыграть с ее командами. После получения утвердительного ответа решили встретиться в Одессе, так как в Москве бы-

ла зима и на футбольных полях лежал снег. Это была первая попытка москвичей наладить дружеские отношения со спортсменами российской провинции. В первом матче турне 19 ноября москвичи со счетом 5:0 победили русскую сборную Одессы. Три гола забил А. Филиппов, по одному – М. Смирнов и А. Мак-Киббин. 20 ноября сильнее оказалась «английская» сборная Одессы – 4:1 (одесский судья англичанин Гердт назначил в ворота москвичей три пенальти). Заключительную встречу турне против команды «Вся Одесса», в составе которой блистали Богемский и Злочевский, со счетом 3:0 выиграли москвичи.

С разрешения МФЛ состав «Униона» перед южным турне усилили рядом игроков других московских клубов (фактически, это был один из вариантов сборной МФЛ). На матчи в Одессу выезжали: Томилин (КФС) – Г. Эдж (ЗКС), В. Миндер («Унион»), Ребенко (КФС) – А. Миндер, В. Фельгенгауер и А. Мак-Киббин (все – «Унион»), С. Филиппов (КФС) – М. Смирнов (СКС), А. Филиппов (КФС), Б. Манин («Унион»), М. Варенцов (КФС) и Л. Смирнов («Унион», капитан команды).

И еще об одном событии этого года, в котором москвичи даже перещегооляли питерских северян. Весной 1911 года под Москвой образовалось несколько... женских футбольных команд! Рьяными поклонницами мяча оказались гимнастки старших классов. М. Ромм вспоминал: «летом в Пушкино под Москвой образовались три женских, или, как тогда

называли, дамских команды из школьниц старших классов. Они аккуратно и старательно тренировались три раза в неделю и посылали вызовы всем женским командам, которые хотели бы померяться с ними силами. Вызов был принят женской командой Петровского-Разумовского пригорода Москвы, где помещалась сельскохозяйственная Академия. Встреча состоялась 3 августа. Команды подвергались жестокому испытанию – во время игры шел проливной дождь. Непогода не охладила воинственный пыл пушкинских футболисток: они забили в ворота соперниц пять мячей, пропустив только один».

По этому поводу журнал «Русский спорт» писал: «В дачной местности Пушкино по Ярославской ж/дороге на футбольной площадке Окуловой горы подвизаются недавно организовавшиеся две дамские футбольные команды, состоящие исключительно из учащейся молодежи – курсисток и гимназисток старших классов... тренировочные состязания происходят три раза в неделю... сообщаем, что дамский футбол процветает в женской гимназии Кирпичниковой и в коммерческом училище при одноименном институте... 3 августа этого же года в 18 часов в Москве на площадке кружка «Спорт» в Петровском-Разумовском состоялось первое дамское футбольное состязание между первыми командами «Пушкино» и «Петровско-Разумовское». Реферировал Худяков. Матч проходил под проливным дождем, его убедительно выиграла команда «Пушкино». Счет – 5:1. Причем

четыре мяча забила Журина, один – Светикова»

Состав 1-й пушкинской команды: Тупицына, Добролюбова, А. С. Четверикова (капитан), Плуталова, Сойникова, Моргунова, Павлова-1, Павлова-2, Журина, Асикайи, Светикова-2. За 2-ю команду играли: Малькова, сестры Севастьяновы и Васильевы, Иванова, Шиц, Орлова, Светикова-1, Булина, Арбатская, Соколова. А однажды, сборная 2-й и 3-й команд Пушкино отважились провести матч с мужской командой. Их соперником стала сборная станции Лосиноостровская. Результат встречи – 2:8 не в пользу слабого пола.

В состав «Спорта» в этом году входили следующие футболистки: Л. Заглухинская – А. Кобринец, З. Заглухинская – С. Кобринец, М. Хорошевская, Ф. Кобринец – Л. Тагер, Т. Ларме, Л. Ларме, С. Музиль, С. Мальцева (капитан). Эти соперники провели между собой еще два матча. 18 сентября со счетом 3:0 победили дамы из «Пушкино», а 25 сентября удача улыбнулась футболисткам «Спорта» – 2:1.

Спортсменки из Пушкино стали инициаторами образования при Московских высших женских курсах спортивного общества, «поставившего себе целью занятия легкой атлетикой, футболом и остальными, доступными женщине, видами спорта». Устав этой, судя по фотографии очень даже симпатичной, организации был утвержден 17 ноября 1912 года. В состав правления оказались избранными пионерки дамского футбола в России: А. С. Четверикова (председатель), Е. Н. Сойникова (товарищ, или правильнее «подруга», председа-

теля), А. С. Орлова (секретарь) и А. Т. Павлова (казначей). Е. Н. Шафоростовой поручили заведовать библиотекой. Членами этого кружка могли быть только слушательницы ВЖК, а ежегодный членский взнос составлял 2 рубля.

В это время женские футбольные команды были образованы также на Пресне и Семеновской заставе. Но на этом эпопея женского футбола в России и завершилась. Скорее всего, сами футболистки, проведя несколько матчей, поняли, что игра в мяч – не женское дело, и угомонились.

Интересно, что в том историческом матче капитаном «Спорта» из поселка Петровско-Разумовское (здесь, недалеко от современного стадиона «Динамо», на территории Сельхозакадемии было оборудовано великолепное футбольное поле) была центрфорвард Софья Васильевна Мальцева. Личность в российском спорте уникальная. Сначала она вместе с братьями играла в городки, «чижика», лапту, потом увлеклась футболом. На фотографии десятых годов запечатлена женская футбольная команда «Спорта»: одиннадцать гимназисток в матросских блузках, в коротких суконных брючках и в скороходовских туфлях на низком каблуке.

В июне 1912 года, когда в Стокгольме русские спортсмены один за другим терпели горькие поражения на V летних Олимпийских играх, Высшие женские курсы, функционировавшие в Москве, устроили в Сокольниках, на новом стадионе ОЛЛС состязания в беге и прыжках среди женщин с целью «пробудить у населения интерес к идеям физической за-

калки». Между прочим, это были вообще первые в истории женские легкоатлетические состязания в Белокаменной. На старт вышло всего несколько участниц. Зато в зрителях не было недостатка: на спортсменок пришли поглазеть, как на чудо. Форма одежды предельно сдержанная: платья, чулки.

Программа предстоящего турнира отважных фрейлин королевы спорта была предельно короткой: бег на 100 метров и прыжки в длину. В обоих видах первенствовала 17-летняя Софья Мальцева. Дистанцию она преодолела за 14,6 секунды, а в прыжках приземлилась на отметке 3 метра 40 сантиметров. Оба эти результата были признаны рекордами России для женщин. В 1915 году семья Мальцевых поселилась на подмосковной станции Сходня, где Софья впервые познакомилась с теннисом. А вскоре ее уже приняли в настоящий, «правильный» клуб – «Унион».

Со временем Софья Васильевна Мальцева стала одной из сильнейших теннисисток СССР второй половины 20-х – начала 30-х годов. После «Униона» она выступала за «Динамо», ЦДКА и «Спартак». Мальцева – победительница Всесоюзной спартакиады 1928 года в одиночном разряде и командном зачете, чемпионка СССР в одиночном и парном разрядах (1928, 1932). Трижды (1928–1929, 1932) возглавляла списки сильнейших теннисисток СССР. В 1947 году ей было присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР. С 1951 года судья всесоюзной категории, одна из составителей Классификации сильнейших теннисистов СССР.

В 1912 году Кубок Фульда третий раз подряд выиграли футболисты КСО, которым не оказалось равных и в следующем, 1913 году. В 1912 году футболисты КСО набрали 22 очка (11 побед и только одно поражения, в 12-и матчах забито 65 мячей и только 15 пропущено).

Вторыми призерами в 1912 году были спортсмены БКС, отказавшиеся, наконец, от своей «блистательной изоляции», и отставшие от чемпиона на пять очков (8 побед, 2 поражения и 1 ничья, забито 34 мяча, пропущено 16), а третье место завоевали футболисты КФС (12 очков, по 5 побед и поражений, 2 ничьи, 23 мяча забито и 20 пропущено). На последующих местах были футболисты ЗКС (11 очков и 38 забитых мячей – второй результат в сезоне), «Новогиреево» (11 очков, разница мячей 27–35) и «Унион» (9 очков, разница мячей 33–42). Слабейшими в 1912 году стали спортсмены из СКС, умудрившиеся не набрать в соревнованиях ни одного очка и пропустить в свои ворота 76 мячей при 10 забитых.

В конце 1912 года СКС, самый аристократический клуб Москвы практически прекратил свое существование (за исключением секции лаун-тенниса). Входившие в основной состав великовозрастные футболисты завершали карьеру, а достойной смены им в клубе подготовлено не было. Не помогли и наспех приглашенные в коллектив комиссией СКС по

футболу (в нее входили Р. А. Вентцели, К. М. Нейбюргер, В. Я. Серпинский, П. Х. Эннерс и П. П. Виноградов) многочисленные футболисты. Кроме того, перешли в «Пушкино» М. Ромм, М. Папмель, Е. Константинович и В. Соколов, в «Унион» – М. Смирнов, Л. Смирнов, П. Калмыков, Н. Горелов и др.

Отметим, что некоторые деятели МФЛ, вопреки регламенту, попытались оставить СКС в группе сильнейших. Свою позицию они мотивировали тем, что это – старейший клуб Москвы и у него поле международных размеров. Да и составить календарь для восьми команд проще, чем для семи. Против такого нарушения спортивных принципов в нашем футболе резко выступила московская пресса, но, вопреки общественному мнению, МФЛ все же принимает решение о реорганизации группы сильнейших. Назревал скандал. К счастью, ситуацию разрешило само руководство СКС, которое в конце года распространило следующее заявление: «В виду того, что продолжать ведение футбольного дела, так как оно было поставлено в СКС в настоящем году, является совершенно нежелательным, и не видя возможности изменить постановку футбола в СКС в будущем году за отсутствием лиц, могущих взять руководство футбольной командой в свои руки, комитет постановил временно, на один год, прекратить свою футбольную деятельность, отказавшись от какого-либо участия в лиговых матчах 1913 года.

Не желая своих членов лишиться возможности играть в ка-

лендарных лиговых состязаниях, комитет СКС обращается ко всем своим членам-футболистам с предложением перейти в другой клуб и напоминает им, что такой переход следует сделать не позднее 1 января». Возродиться легендарному СКС уже не удалось...

А в самом конце года в СКС произошел еще один инцидент. За отказ платить членские взносы МФЛ были дисквалифицированы («во всех лигах и навсегда!») 23 члена клуба, почти все из которых были футболистами. Вот этот «черный» список: Панов И. И., Чернышев М. В., Ржанов А., Новиков И. Ф., Магазнов Н. А., Чистяков П. И., Понятовский Г. А., фон-Шлезингер В. Л., Лукьянов А. Г., Лазарев В., Новожилов И. А., Капустин Д. И., Красси (он же Красильников) П. Н., Горожанкин И. И., Филиппов М. И., Охота В. П., Шабельников Н. И., Шавыкин В. И., князь Сейх-Бельчинский, Косупко А., Горожанкин М. И., Соловьев А. А. Правда, вскоре почти всех этих людей амнистировали.

Интересно, что в составе КСО в этом году играл левый инсайд по фамилии Локхарт (Локкарт). Это – никто иной, как Роберт Брюс Локхарт, британский вице-консул в Москве. Личность интересная и загадочная. Он был знаком со многими известными людьми – дружил с Луначарским, одно время жил с Мурой (Марией) Закревской, многолетним секретарем и любовницей Максима Горького (до сих пор не утихают слухи, что именно она была его отравительницей). До приезда в Россию Локхарт в футбол никогда не играл – круг-

лому мячу он предпочитал овальный, регбийный. Но в британской колонии его перепутали с братом – Джоном Локхартом, известным регбистом и футболистом из Кэмбриджа, – и Чарноки уговорили шотландца поиграть за «морозовцев». Отказаться землякам он не мог – пришлось научиться играть, хотя, по его собственным словам, он «так и не понял разницы между регби и футболом».

В 1932 году Локхарт писал: «Я до сих пор храню свою золотую медаль чемпионата Московской Лиги 1912 года. Эта медаль – одна из немногих вещей, сохранившихся у меня с того далекого времени... В команде царил дух стремления к победе. Английские болельщики могли бы поучиться той поддержке и тому энтузиазму, которые мы ощущали со стороны зрителей». Вернувшийся в Москву в 1918 году в качестве главы британской дипломатической миссии, Локхарт оказался замешанным в знаменитом «заговоре трех послов», имевшем цель сорвать заключение сепаратного мира между Германией и Советской Россией, был арестован ЧК и выслан из Москвы. Во время 2-й Мировой войны Локхарт возглавлял политическую разведку МИДа Великобритании.

Работал на британскую разведку и Эдвард Паркер (Эдуард Васильевич) Чарнок. В оперативной информации ОГПУ он проходил под псевдонимом «Спортсмен». Бывший хавбек КСО покинул Россию в 1917 году, но когда в начале 20-х годов между Великобританией и СССР установились дипломатические отношения, чемпион Москвы по футболу ста-

новится секретарем дипломатической миссии в советской столице, а «по совместительству» – секретным сотрудником Интеллидженс Сервис. Правда, не исключена версия, что на самом деле «папа русского футбола» был двойным агентом, и сотрудничал с ОГПУ. Интересно, что каждые выходные, несмотря на солидный возраст, Эдуард Васильевич обязательно играл в футбол возле Крымского моста, а также регулярно судил встречи московских команд. Кроме того, он был известен всей Москве как неисправимый ловелас и страстный театрал. Например, среди его любовниц были ведущие солистки Большого театра Антонина Нежданова и Надежда Обухова, а среди лучших друзей – знаменитый режиссер Станиславский. В 1927 году Чарнок вторично покидает Россию, на сей раз навсегда.

Победителем среди любительских футбольных кружков («члены-соревнователи» МФЛ, вскоре на их основе будет создан класс «В») в 1912 году стала команда «Девичье поле» (ее еще называли «Джентльменская ОФВ»). В турнире также приняли участие Товарищеский кружок футболистов (ТКФ), Даниловский кружок спорта (ДКС), Кружок бывших воспитанников Алексеевского коммерческого училища, «Орион», «Александрия», Симоновский кружок спорта и КЛИФ (за два тура до завершения турнира снялся с розыгрыша).

«Джентльмены» не потерпели в турнире ни одного поражения, выиграв 12 поединков и два завершив вничью.

Этот самобытный коллектив был один из основных поставщиков талантов в команды МФЛ. К сожалению, вскоре популярный, пользовавшийся всеобщими симпатиями кружок (он целиком состоял из учащихся средних учебных заведений и отличался исключительной корректностью и завидным техническим мастерством футболистов) распался. У команды не было своего поля, которое за деньги арендовалось у ОФВ. Но руководство последнего вскоре запретило юным «джентльменам» пользоваться своей площадкой (примерно на этом самом месте снимался фильм «Три тополя на Плющихе») в связи с необходимостью её реконструкции.

А главной причиной краха «Девичьего поля» стал уход в лиговый «Унион» ее лидера – Александра Евлампиевича Троицкого. Этот первоклассный правый инсайд (иногда играл и центрфорварда) обладал изумительной техникой и хладнокровием, хорошим метким ударом по воротам, умением быстро комбинировать, грамотно распределять мячи партнерам, отдавать великолепные пасы форвардам «на вырывание», менять направление атаки. Всегда играл с открытой, добродушной улыбкой на лице. Единственным его недостатком была невысокая физическая подготовка и проводить весь матч в высоком темпе он не мог. За Троицким в клубы МФЛ вскоре последовали и другие сильнейшие игроки команды (Новый, Цыкин и др.). Кроме того, Ромм и Папмель уговорили Уткина, Е. Васильева и Поповича перебраться в Пушкино и выступать за местную команду «Арманд», а ле-

вый инсайд Грубе принял приглашение КЛИФа.

Победный состав КСО в 1912–1913 годах был таким: Н. Макаров, Р. Гринвуд, Н. Бухаринский, М. Савинцев, В. Мишин, А. Акимов, Я. Чарнок, С. Дикин, О. Хаваев, Н. Кынин, Э. Чарнок, К. Андреев, А. Куликов, А. Шустров, А. Степанов, А. Кынин, А. Кротов, Л. Золкин (ЗКС), А. Голубков, А. Волков, Гамильтон, Паур, А. Томлинсон, Т. Бонд, В. Чарнок, Р. Локхарт, А. Мишин, А. Гаскелл, П. Маслов, Юмлинский, П. Чичваркин.

В составе призеров соревнований 1912 года выступали:

БКС – Н. Гебгард, Н. Томас, Патри; Т. Джонс, А. Паркер, Я. Киркман, Г. Ньюман, Ф. Джонсон, Тиль, Д. Уэбстер, Э. Томас, Бизли, Морган, Д. Ланн, Т. Ланн, П. Ланн, Орнстон, Хоккинс, К. К. Костелло, К. Нэш, Боундер, Эванс, Картенич, Филипс, Лидч, Урмстич, Спойнд, Д. Белл, Гранд, А. Уайтхэд, К. Гебгард, Болл, Стот, Р. Балдок.

КФС – В. Силуянов (Силуанов), Грамаков (СКС), Лопухов, Н. Савостьянов, А. Савостьянов, В. Савостьянов, Н. Попов, Житков, А. Макаревский, Веселов, Махлин, Н. Денисов, Н. Петров, А. Филиппов, М. Филиппов, С. Филиппов, В. Филиппов, М. Варенцов, Ф. Якоби, В. Скворцов (капитан 2-й команды), Сафонов, Баранов, Коротков, П. Ботунов, И. Шурупов, Бланк 1 и 2, Кишкин, Ляхов, Степанов, Быцевский, Слепнев, Серебряков, Якоби-2.

В других командах группы сильнейших играли: ЗКС – С. Бабыкин, В. Красовский (СПб), А. Карманов, Н. В.

Косупко-1 (Останкино; его брат, Косупко-2, играл за ОЛЛС и СКС); Г. Эдж, Б. Николаев, братья Филатовы, И. Мартынов, Р. Казалет (капитан), К. Казалет, П. Россиус, И. Воздвиженский, Дж. Ирвинг (иногда указывается как Эрвинг), В. Житарев, И. Морозов, Леонтьев, Вл. Сысоев, В. Эллиссон, Ф. Лебедев, Кудинов, Н. В. Романов, М. В. Романов, Н. Никитин, С. Гладышев, М. Утенков, М. Розов, В. Попов, Н. Попов, В. Гордон, П. Прокофьев, В. Бабыкин, Шустров, В. Шлегель, В. Бусыгин, М. Гильшер, Клаар, И. Михеев, Алленов-1.

Отметим, что Эллиссон и Эрвинг в ходе сезона играли и за команду Зиминых в Дрезне. **«Новогиреево»** – Ярусов, Коссинский, трое братьев Чинилиных и Морозов (все четверо из СКЛ), Босько (из МКЛ), Волосатов, Л. Золкин (ЗКС), Фендт, П. Золкин, трое братьев Зальшикиных, О. Паур («Унион»), В. Тараскин, В. Горшков, Ф. Гольц, Волков, Фосс, С. Агапов. **«Унион»** – Н. Ильин, Ребенко («Перловка»), А. Тамман, В. Миндер, А. Миндер, И. Рипп, В. Зейдель, Б. Зейдель, П. Калмыков (СКС), Н. Калмыков, М. Смирнов (СКС), Дальский, Б. Манин, А. Мак-Киббин, Л. Смирнов, А. Скорлупкин, В. Фельгенгауер, А. Жаров, А. Постнов (его отец пожертвовал Кубок для победителей 3-х команд), А. Антропов, Б. Антропов (капитан), В. Иванов (СКС), Ф. Лаиш, В. Лаиш, Тарабрин, А. Потерякин, Н. Горелов (СКС), А. Мюллер, М. Китрих, В. Головкин, В. Голубов, К. Пустовалов, Э. Выгоновский, А. Гладкий, В. Гладкий, И. Кожин, В. Добрынин, Н. Сытенский, Л. Варенцов («Вега», Бутово), Коробов, Шнейдер, Ляхов, Андреев, А.

Сосунов, М. Строев, В. Шишелов.

СКС – В. Виноградов, Л. Фаворский (студент Университета, воспитанник сокольнической детской команды «Три звездочки», играл за команду «Братовщина» Ярославской ж.д.), Громаков; Пустовалов, К. Васильев; Парфенов, М. Ромм, Ф. фон-Римша, А. Жилин, Иванов-1, М. Папмель, М. Чернышев, В. Соколов, В. Серпинский, Р. Серпинский, Эгерс, Иванов-2, Логинов, Куприянов, Степанов-1, Степанов-3, В. Матрин, Б. Кальпус, А. Кальпус, Новожилов, Роб. Вентцели, Руд. Вентцели, Панов, Васильев-2, Васильев-3, Лазарев, А. Ржанов, Н. Виноградов, Понятовский, Штюриц, Поллак, Красильников, Лукьянов, Горожанкин, Кузнецов, П. А. Мусси, Рыженков, Тарабрин, Благодрагов, Ермаков, Цабель.

В категории 2-х и 3-х команд лучшими были футболисты ЗКС, ставшие обладателями кубков Ваише и Миндера, а победителями в классе «Б» стали спортсмены **СКЛ**, опередившие ОЛЛС и ИКС. Воспитанники М. С. Дубинина выступали в таком составе: Гончаров, С. Жаров («Орион»), Н. Свифт-Шашин (Вешняки); А. Тяпкин (капитан), И. Воронцов, А. Немухин, Горшков, Скворцов, Дудеров, С. Агапов, И. Чинилин (ОЛЛС), Николаев, Щербаков, Гришин, братья Игнатовы, Е. Недыхляев, Бульчев, П. Иванов, С. Иванов, Унмут, С. Финогенов («Орион»), А. Шерешевский («Орион»), Брашнин, А. Григорьев («Орион»), Д. Морозов, Г. Морозов, В. Тюфяев

(Московское промышленное училище), Кондратьев, Панферов, Ермаков, Годрич, Фомин, Тимофеев.

Состав кружка «Девичье поле» был таким: Б. Соколов, М. Новый, Н. Соколов, В. Соколов, С. Цыкин, Б. Попович, Ф. Уткин, Г. Лаппа, Н. Михайлов, Е. Васильев, В. Васильев, М. Васильев, А. Троицкий, П. Грубе, А. Сашин, М. Королев, В. Королев, С. Иванов, Д. Покидьшев, И. Покидьшев, Степин, Фоминский, Грибников, Белугин, Ноготков, Покровский.

Курьезный случай произошел в 1912 году во второй группе. Капитан команды «Вега», заполняя перед соревнованиями в протоколе графу «фамилии игроков», вписал туда... десять Ивановых. Таким образом он пытался скрыть наличие в команде незаявленных игроков. Но с МФЛ в те годы такие штучки не проходили и возмездие было суровым: «Вега» сняли с первенства и 18 сентября исключили из лиги. За систематические неявки на игры был снят с соревнований и МКЛС.

* * *

В 1912 году шесть матчей провела в Москве сборная Финляндии. Первыми, 3 мая 1912 года с финской командой встретилась «английская» сборная Москвы в составе: Н. Томас (БКС), Эдж (ЗКС), Паркер (БКС), Эллиссон (ЗКС), К. Казалет (ЗКС), Э. Чарнок (КСО), Томлинсон (КСО), Дикин

(КСО), Джонс (БКС), Ньюман (БКС), Ланн (БКС). Судил матч А. Н. Шульц. Наша непривычно «белая» команда, уступившая гостям право выступать в рубашках красного цвета, уступила сопернику и по игре со счетом 2:7 (голы у москвичей забили Ньюман и Джонс, а последний не смог реализовать пенальти). «Русская» сборная 6 мая сыграла с финнами вничью – 1:1 (гол забил М. Смирнов). В нашей команде играли: Фаворский (СКС), Ромм (СКС), Миндер-1 («Унион»), Филатов-2 (ЗКС), Житков (КФС), Н. Калмыков («Унион»), М. Смирнов и Горелов («Унион»), Филиппов-2 (КФС), Житарев (ЗКС), Мишин-2 (КСО). Судил встречу Е. Р. Бейнс.

Сборная «Вся Москва» 9 и 12 мая проиграла оба своих матча со счетом 0:4 и 1:5 (отличился Ф. Розанов). В составе англо-русской сборной Москвы в этих матчах играли: Фаворский (СКС), Ромм (СКС), Паркер (БКС), Акимов (КСО), Ньюман (БКС), Э. Чарнок (КСО), М. Смирнов («Унион»), Дикин и В. Чарнок (КСО), Филатов-2 (ЗКС), Д. Ланн (БКС), Ф. Розанов («Мамонтовка»), Римша (МКЛ, СКС), Э. Джонс и Т. Бонд (БКС), Житарев (ЗКС). Запасные: Матрин («Унион»), Филатов-1 и Воздвиженский (ЗКС), Филиппов (КФС).

Гости также переиграли и ЗКС (8:1; ворота нашей команды защищал Д. Матрин, а единственный гол забил Вал. Сысоев), и КСО (7:1). В этом же году москвичи провели три встречи с немецким «Хольштейном» из Киля (чемпион Германии 1912 года), и все проиграли: КСО со счетом 0:6, «русская» сборная Москвы со счетом 1:10 (единственный гол

при счете 0:9 забил Сысоев; наши ворота впервые защищал С. Бабыкин из ЗКС), а «русско-английская» сборная «Вся Москва» – со счетом 0:3.

Первые матчи за сборную Москвы в 1912 году провели: Л. Фаворский и Ф. Римша (СКС), А. Житков, Лопухов, А. Макаревский, Баранов и Н. Савостьянов (все – КФС), А. Мишин (КСО), М. Смирнов, В. Миндер, П. Калмыков, Дальский, Б. Манин, Д. Матрин, В. Иванов и В. Фельгенгауер (все – «Унион»), Ф. Розанов («Мамонтовка»), И. Воздвиженский, В. Сысоев, С. Бабыкин, К. Казалет, М. Варенцов и Дж. Ирвинг (все – ЗКС), В. Горшков («Новогиреево»), А. Мартынов (начинал сезон в КФС, а закончил в «Унионе»).

В 1912 году состоялись первые матчи сборных команд Москвы и Киева. 6 и 7 октября в Киеве столичные футболисты дважды переиграли украинских футболистов со счетом 5:0 и 6:1. Сборную в Киеве представляли футболисты КФС (Лопухов, Савостьянов, Макаревский, Махлин, четверо Филипповых, Н. Денисов, Попов и Баранов), а в также Мартынов, Н. Петров и Ф. Розанов.

Из междугородних игр 1912 года отметим мартовские встречи КСО в гостях со сборной Харькова (3:0) и местным «Фениксом» (3:1), апрельские победы ЗКС и КФС над петербургским «Спортом» (в его составе выступали олимпийцы Егоров, Сорокин, Никитин, Марков и Нагорский) со счетом 8:3 и 4:2 соответственно, и КСО над «Меркуром» (4:3). Матч «Меркура» и «Униона» завершился со счетом 3:3. Во-

рота ЗКС в матче против питерцев защищал Д. Матрин, в очередной раз ангажированный на игру у «Униона». И еще. В свое время уважаемый Л. Горянов писал, что 6 мячей в знаменитом матче ЗКС и «Спорта» провел В. Сысоев. Но это не так. У москвичей по два мяча забили Сысоев, Житарев и Эллиссон, а еще по разу отличились Ирвинг и Лебедев (с пенальти).

* * *

6(18) января 1912 года в Петербурге прошло учредительное собрание Всероссийского Футбольного Союза. Делегатами от Москвы были Р. Ф. Фульда, К. Г. Бертрам и А. Н. Шульц. Членами правления ВФС были избраны: А. Д. Макферсон (Петербург) – председатель, Р. Ф. Фульда (Москва) и Г. В. Гартлей (Петербург) – заместители (товарищи) председателя, Г. А. Дюперрон (Петербург) и К. Г. Бертрам (Москва) – секретари, К. К. Шинц (Петербург) – казначей, А. Н. Шульц (Москва), А. Ф. Пирсон (Петербург), Е. Р. Бейнс (Москва) – члены комитета, К. К. Бутусов (Петербург) и П. И. Патрон (Одесса) – кандидаты в члены комитета.

Первый председатель ВФС англичанин Артур Давидович Макферсон внес огромный вклад в развитие российского спорта. Он умер в Москве, осенью 1919 года в тюремной больнице от сыпного тифа. У Макферсона было три сына – Артур-младший, Роберт и Виктор Макферсоны. О послед-

нем практически ничего неизвестно, а первые до революции были одними из лучших российских теннисистов, играли в футбол за клуб «Нева». С началом первой мировой войны они вступили в Британскую армию. 5 июня 1916 года младший лейтенант Британского флота Роберт Дэвид Макферсон («Бобчик», как ласково называли его любители спорта Петербурга, сопровождал в качестве переводчика фельдмаршала лорда Китченера) с честью погиб в Северном море, когда броненосный крейсер «Хэмпшир» подорвался на германской мине и затонул у Оркнейских островов, а Артур после революции возглавил резидентуру английской разведки в Риге, подрывная деятельность которой была направлена против Советской России. Умер в США в 1973 году.

В Футбольный Союз вошли Петербург, Москва, Киев, Одесса, Севастополь, а в течение года к ним присоединились Харьков, Николаев и Тверь. В том же году на конгрессе в Стокгольме Россия была принята в постоянные члены ФИФА. В дни учредительного собрания ВФС Роберт Фульда предложил послать команду России на V Олимпийские игры. В начале марта решение послать на Олимпиаду сборную команду из футболистов обеих столиц, состав которой должен быть утвержден ВФС, было принято окончательно. Предстоящая поездка широко дебатировалась и в кругах болельщиков. Всех волновал вопрос: кто будет представлять сборную – петербуржцы или москвичи? В печати появилось послание некоего знатока футбола, пожелавшего остаться

неизвестным. Основываясь на арифметике нескольких последних товарищеских матчей клубных команд двух городов, он писал: «Или москвичи совсем не поедут в Стокгольм, так как не пожелают брать на себя ответственность за то, какое место займет Россия, или если поедут, то в таком количестве игроков, на которое они имеют право как победители». «Кто это «победители»? Мы что-то не помним побед московских сборных над петербургскими, а товарищеские встречи клубов в счет не идут», – не замедлили отозваться петербуржцы. Примерно в таком духе рассуждали и спортивные деятели.

Этот сыр-бор разгорелся неспроста. Крупные меценаты, стоявшие во главе московской и петербургской лиг, с самого начала не поладили друг с другом. Каждый стремился протащить в сборную «своих» игроков. Дело зашло так далеко, что Всероссийский футбольный союз собирался командировать в столицу Швеции сразу две команды – одну из Петербурга, другую из Москвы... Пока судили да рядили, кого посылать, подошло время соревнований. Только тогда Олимпийский комитет распорядился провести отборочный матч. Поспорив еще немного, где и когда играть, москвичи согласились приехать в Петербург (от Петербурга до Стокгольма было все-таки ближе). Меценаты, сеявшие вражду и антагонизм между спортсменами двух городов, кое в чем преуспели. Дух нездорового соперничества всячески насаждался среди игроков.

Не случайно в прессе даже заметка о безобидном товарищеском матче клубных команд сопровождалась заголовком «Война Петербурга с Москвой». А тут играли сборные, играли за право поездки на Олимпиаду. Игроки сборных Москвы и Петербурга вышли на поле хмурыми, неразговорчивыми. Они только искоса поглядывали друг на друга, каждый видел в сопернике злейшего конкурента. 13 мая на поле «Невского клуба», в присутствии 1500 зрителей, играли: Москва – Л. Фаворский, М. Ромм, Ф. Римша (все – СКС), С. Филатов (ЗКС), А. Акимов и Н. Кынин (КСО), М. Смирнов и Б. Манин («Унион»), А. Филиппов (КФС), В. Житарев (ЗКС), Ф. Розанов («Мамонтовка»). Петербург – П. Борейша («Виктория»), П. Соколов («Унитас»), В. Марков («Спорт»), М. Яковлев и Н. Хромов («Унитас»), В. Власенко («Меркур»), А. Суворов и П. Сорокин («Спорт»), В. Бутусов («Унитас»), Г. Никитин («Спорт»), В. Филиппов («Коломяги»). Игра носила упорнейший и ожесточеннейший характер, но победителя так и не выявила – ничья, 2:2.

В своей книге «Старый, старый футбол» Юрий Коршак писал: «Матч будущих олимпийцев не обошелся без казусов. Самым драматическим стал момент, в котором принял участие судья. Он назначил пенальти в ворота москвичей. Это было настолько явной несправедливостью, что даже петербургские болельщики принялись выражать свое недовольство громкими криками. Московский голкипер Фаворский выразил свое отношение к судейскому промаху самым ре-

шительным образом. Он выбежал из ворот и... скрылся среди зрителей. Пока товарищи разыскивали в толпе вратаря и уговаривали его вернуться на свой пост, в рядах хозяев поля обсуждался вопрос, кому бить этот злосчастный «штрафной без защиты». – Я сегодня что-то не в ударе, – смущенно говорил один. – Не могу, никак не могу, нога болит, – отнекивался второй. – Пусть лучше кто-нибудь из форвардов...

Конец затянувшейся дискуссии положил петербургский защитник Петр Соколов. Он решительно шагнул вперед и поставил мяч на отметку. К тому времени Фаворского уговаривали вернуться, и он снова маячил между штангами. Толпа замерла. Судья дал сигнал. Защитник издалека разбежался и с силой запустил мяч... за боковую линию! Фаворский растерянно уставился на своего спасителя, а зрители разразились аплодисментами, приветствуя благородный поступок футбольного рыцаря. Так завершился эпизод со злосчастным пенальти. Схватка возобновилась с новой силой, и вскоре у московских ворот опять прозвучал судейский свисток. На сей раз пенальти был неоспоримым. Кому бить? Петербуржцы молча оглянулись на своего защитника. Тот не заставил себя долго упрашивать. Он разбежался и с силой послал мяч в сетку, мимо вратаря Фаворского. Удар у Соколова был мощный».

Олимпийский состав по-прежнему оставался неясен. Вконец запутавшиеся руководители перетасовали игроков в две сборные и устроили еще одну игру. В одну из команд во-

шли основные кандидаты на поездку в Стокгольм, в «сборной остальных» оказалось немало случайных игроков и даже несколько петербургских англичан. Первая сборная вела со счетом 4:1, а потом едва не упустила выигрыш. Окончательный итог был 5:4 в ее пользу. Во втором тайме ворота «сборной остальных» защищал киевский вратарь Оттен, на свой страх и риск отправившийся в Петербург попытать спортивного счастья. 14 мая играли: Первая сборная – Л. Фаворский, В. Марков, П. Соколов, М. Яковлев, Н. Хромов, Н. Кынин, М. Смирнов, А. Филиппов, В. Бутусов, В. Филиппов. Вторая сборная – Н. Ильин (Москва, которого заменил Оттен), П. Мосс (СПб), Ф. Римша, А. Акимов, Э. Стенфорд (СПб), Е. Константинович (Москва), В. Эндрю, Вильдерфорс, А. Монро (все – СПб), Г. Никитин, Л. Смирнов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.